

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Балановская Т.П.** Проблемы изучения традиций знаменного распева в старообрядческих общинах Приморского края: теоретические и методологические аспекты..... 5
- Домбраускене Г.Н.** Музыкальное наследие протестантизма в Южной Корее: к вопросу о трансмиссии культуры в дихотомии Запада и Востока..... 12
- Гордеев Д.В.** Символы гимнографических текстов в честь икон Богоматери, почитаемых во Владивостоке..... 21
- Соколова Д.А.** Социокультурная адаптация в Республике Корея русскоговорящих этнических корейских репатриантов, вернувшихся из России (1998–2011)..... 27

СОЦИОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ

- Зинченко В.П.** Проблема личности в контексте культурно-исторического подхода: размышления психолога..... 32
- Эрштейн Л.Б.** Реализация основных функций научного руководства как средство успеха подготовки исследовательских квалификационных работ..... 43

ФИЛОСОФИЯ

- Ячин С. Е., Ажимов Ф.Е., Колесниченко К.Ю.** Роль международных экспертных сообществ в формировании проблематики человеческой безопасности в условиях Восточной Азии..... 48
- Попова В.С.** Один спор о логике: А. И. Введенский vs Н. О. Лосский 54
- Автономова Н.С.** От «конфликта интерпретаций» к переводу: концептуальный шаг позднего Рикёра..... 63
- Байков А.А.** Особенности трансляции представления об иллюзорности феноменального мира из восточной культуры в западную 69
- Сузько О.Л.** Становление классической теории сознания: интерпретация Ричарда Рорти..... 76

ИСТОРИЯ

- Яшина Л.В.** Вклад музеев Восточной Сибири в литературную жизнь региона в 1960-х – начале 1990-х годов..... 80
- Федоров Н.В.** Соперничество США и Великобритании в Китае в конце XIX – начале XX века..... 87
- Буранок С.О.** Кризис 1937 г. в Японо-Американских отношениях и позиция общества США..... 94
- Колесниченко К.Ю.** Военный фактор в развитии Дальнего Востока России в 1930-е–2000-е годы (на примере Приморского края)..... 98
- Лим С.Ч.** История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо..... 105

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Чуб Л.И., Трутнев И.А.** Состав и формирование политико-административной элиты Приморского края..... 113
- Ткачёв С.В., Ткачёва Н.Н.** Российская колонизация в геополитическом контексте (к 100-летию доклада В.П. Семёнова-Тян-Шанского в Императорском географическом обществе)..... 122
- Куцых Д.Е.** Мировой рынок образовательных услуг: современные тенденции развития и политика России..... 130
- Шувалова И.К.** Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: опыт, проблемы и перспективы развития..... 136
- Симоненко Е.С.** Проблема интеграции Канады в систему обороны Британской империи на колониальных конференциях (1887 – 1911 гг.)..... 141
- Юрченко С.Е.** Польша в политике официального Вашингтона, 1917–1920 гг..... 148

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор

РЕДСОВЕТ

Ф.Е. АЖИМОВ	доктор философских наук, профессор, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
В.П. ЗИНЧЕНКО	доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, профессор, Центр криминологии и социально-правовых исследований (Centre for Criminology and Sociolegal Studies), Университет Торонто (University of Toronto)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР

Ф.Е. АЖИМОВ

СОСТАВ РЕДАКЦИИ

Ведущий редактор – Е.В. КИЦИК

Редактор – Л.М. СМИРНОВА, Г.Ф. НИЗЯЕВА

Компьютерная вёрстка – Е.В. КИЦИК

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 22.07.2013.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17, 9. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 438.

Адрес редакции:
690950, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10

TABLE OF CONTENTS

PHILOLOGY. CULTURAL STUDIES

- Balanovskaia T.P.** Traditions of echoes chant in Old believers' communities of Primorsky Region: theoretical and methodological aspects.....5
- Dombrauskene G.N.** The musical heritage of Protestantism in South Korea: transmission of culture in the context of dichotomy of East and West.....12
- Gordeev D.V.** Symbols of hymnographic texts in honor of the Virgin Mary's icons revered in Vladivostok.....21
- Sokolova D. A.** Sociocultural adjustment of the Russian-speaking repatriates who returned from Russia to the Republic of Korea (1998–2011).....27

SOCIOLIGY. PSYCHOLOGY

- Zinchenko V. P.** Personality in the context of the cultural historical approach: reflections of a psychologist.....32
- Ershteyn L. B.** Implementation of the main functions of scientific management as a means of successful preparation of the research qualification works.....43

PHILOSOPHY

- Yachin S.E., Azhimov F.E., Kolesnichenko K.Yu.** International expert communities and the human security issues in East Asia.....48
- Popova V.S.** One discussion on logic: A.I. Vvedensky vs N.O. Lossky.....54
- Baykov A.A.** Specificity of Transfer of Phenomenal World's Illusiveness Doctrine from Eastern to the Western Culture.....69
- Suzko O.L.** The formation of the classical theory of mind under the interpretation of Richard Rorty.....76

HISTORY

- Yashina L.V.** Contribution of Eastern Siberia museums to the literary life of the region in 1960–1990.....80
- Fedorov N.V.** The rivalry of the USA and Great Britain in China in the end of XIX – beginning of XX centuries.....87
- Buranok S.O.** The crisis of 1937 in Japanese–US relations and the position of U.S. society.....94
- Kolesnichenko K.Yu.** The military factor in the development of the Russian Far East in the 1930s-2000s (Case of Primorsky Region).....98
- Lim S.Ch.** The history of Ainu tattoo of Sakhalin and Hokkaido.....105

POLITOLOGY

- Chub L.I., Trutnev I.A.** Structure and formation of political elite of Primorsky Region.....113
- Tkachev S.V., Tkacheva N.N.** Russian colonization in the geopolitical context.....122
- Kutsykh D.E.** International education market: modern trends and Russian policy.....130
- Shuvalova I. K.** Migration in the Russian Far East: experience, challenges, prospects for development.....136
- Simonenko Y.S.** Canada's participation in the British Empire's defense system and colonial conferences (1887 – 1911).....141
- Yurchenko E. S.** Poland in Washington policy 1917–1920.....148

EDITOR-IN-CHIEF

O.G. DILAKTORSKAYA
Doctor of Sc. (Philology), professor

EDITORIAL STAFF

F.E. AZHIMOV	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University
V.P. ZINCHENKO	Doctor of Sc. (Psychology), academician of Russian Academy of Education, Doctor of Sc. (Psychology), National Research University «Higher School of Economics»
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), corresponding member of Russian Academy of Science, Doctor of Sc. (History), Far Eastern Federal University
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), University of Toronto
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), National Research University «Higher School of Economics»
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE EDITOR

F.E. AZHIMOV

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

УДК 783.2

Т.П. Балановская*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИЙ ЗНАМЕННОГО РАСПЕВА
В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Описывается современное состояние знаменного пения в богослужебно-певческой практике старообрядческих общин Приморского края, рассматриваются некоторые теоретические и методологические аспекты проблемы. Приведены результаты сравнительного анализа крюковой записи погласицы малого знаменного распева «Грядет чернец» и вариантов этой погласицы, используемых в поповских и беспоповских общинах края.

Ключевые слова: старообрядцы, знаменный распев, богослужебно-певческая традиция.

Traditions of echoes chant in Old believers' communities of Primorsky Region: theoretical and methodological aspects. TATIANA P. BALANOVSKAIA (Far East Federal University, Vladivostok).

The author describes a current state of echoes chant in divine service and singing practice of Old Believers' communities of Primorsky Region, considering some theoretical and methodological issues that had arisen during this research. The article contains the results of the comparative analysis of hook record of a poglasitsa in a minor echoes chant «The monk» and the variations of this poglasitsa used in popovsky and bespopovsky communities of the region.

Key words: Old Believers, echoes chant, divine service singing tradition.

Актуальность изучения церковно-певческой культуры старообрядцев Приморья в настоящее время вызвана современным состоянием общин. Вследствие многочисленных репрессий в отношении старообрядчества в советский период, певческая традиция в поповских общинах края была утрачена, а немногочисленные общины беспоповцев прекращали свое существование с течением времени в силу естественных причин – ухода из жизни членов общины. Ситуация изменилась в конце XX – начале XXI в. В 1992 г. началось возрождение старообрядческих поповских общин Белокриницкого согласия. В поисках истинной веры в старообрядчество пришли молодые образованные неопиты. Их усилиями были созданы и зарегистрированы новые общины.

В 2009–2011 гг. на север Приморья переселилось 15 семей (около 60 чел.) старообрядцев-беспоповцев из Уругвая и Боливии, сохранивших богослужебно-певческие традиции и традиционный уклад жизни старообрядческой семьи. Таким образом, в настоящее время в общинах Приморского края наблюдаются две тенденции богослужебно-певческой практики: дискретность певческой традиции и попытки ее реконструкции (у поповцев) и континуальность певческих традиций латиноамериканских эмигрантов-беспоповцев, сохраняющих древние напевы в условиях жесткой изоляции от инокультурной среды.

В 2009 г. была начата работа по сбору певческого материала в старообрядческих общинах края, включающая знакомство и беседы с члена-

*БАЛАНОВСКАЯ Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток). E-mail: tbvlad@mail.ru

© Балановская Т.П., 2013

Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобразования и науки РФ по теме «Комплексное исследование механизмов межкультурной коммуникации в АТР», 2013 г.

ми общин, посещение и аудиозаписи богослужений. Выяснилось, что в общинах продолжают традиции пения по нотированным крюковым певческим книгам. Учитывая устно-письменный характер данной традиции, когда большое значение имеет принцип трансляции напева непосредственно от носителя, мы поставили задачу выяснить степень сохранности знаменной монодии при подобном способе передачи с помощью сравнения соответствия крюковой записи современным вариантам напева в старообрядческих общинах Приморского края.

В связи с тем что певческий репертуар общин достаточно разнообразен и существуют различные формы богослуженного пения (пение напевкой, на глас, по крюкам), из всего собранного материала были отобраны песнопения, бытующие в разных общинах и описанные в музыковедческой литературе в связи с изучением богослуженно-певческих традиций в иных регионах России. Кроме того, поставленная задача вызвала необходимость расшифровки крюковых записей, что стало возможным после изучения музыкально-теоретических исследований отечественных палеографов и медиевистов XIX и XX вв.

Певческая культура старообрядцев привлекает внимание исследователей как источник по изучению древнерусского музыкального искусства с середины XIX в. За несколько столетий существования знаменного распева были разработаны не только разнообразные принципы записи песнопений, но и созданы теоретические основы этого искусства. В русской классической медиевистике – работах Д.В. Разумовского [14], С.В. Смоленского [16], А.В. Преображенского [13] – была предпринята попытка воссоздать теорию древнерусского пения на материале знаменного распева. Изучая исторические документы и письменные памятники древнерусского певческого искусства, исследователи видели в староверах носителей певческих традиций Средневековья, не утративших основ теории знаменного пения и сохранивших принципы его исполнения. В их работах знаменный распев был исследован в его силлабо-мелизматической редакции. Публикация крюковых азбук, сводов попевок, лиц и фит, как главных музыкально-речевых единиц песнопения, стала фундаментальной базой для расшифровок песнопений и понимания, по вы-

ражению Д.В. Разумовского, их «технического строения» [11, с. 13].

Новый этап в исследовании отечественной средневековой культуры открывает медиевистика XX в., в которой более полно и подробно рассматриваются все типы русской монодии. В силлабическом знаменном распеве изучались источники, жанры, нотация. Строение песнопений было проанализировано на материале памятников древнейшего периода с использованием метода семиографического и структурно-текстологического анализа (Н.Д. Успенский, Ю.В. Келдыш, Н.С. Серегина, З.М. Гусейнова, Т.Ф. Владышевская, Г.В. Алексеева, А.Н. Кручинина, И.Е. Лозовая) [11, с. 14–15]. М.В. Бражникову принадлежит приоритет в прочтении крюковых партитур знаменного силлабического многоголосия. Его исследования «Многоголосие знаменных партитур» [3] и «Русская певческая палеография» [4] стали для ученых будущих поколений базовым материалом.

Перечисленные работы легли в основу всех современных расшифровок, но наиболее точно в настоящее время поддаются расшифровке песнопения тех певческих книг, в которых имеются киноварные пометы, указывающие на звуковысотность, что облегчает переводение крюковой записи в современную нотацию.

Изученные певческие книги, которые мы обнаружили в разных общинах Приморского края, относятся к одному типу – это поповские пометные (т. е. содержащие киноварные пометы) издания Л. Калашникова начала XX в. Во всех общинах имеются книги: Обиход, Октай, Праздники, Певческие Триоди, Ирмосы (Ирмологий), Обедница (Обиход литургийный). Это репринтные издания, в т. ч. дореволюционные, хранившиеся в старообрядческих семьях. Использование во всех общинах одного типа книг и, соответственно, одинаковых вариантов крюковой записи песнопений, сделало возможным провести сравнение вариантов исполняемой в богослуженной практике знаменной монодии и крюковой записи напева. «Азбука церковного знаменного пения» Л. Калашникова [6] служила нам теоретическим руководством для расшифровки крюков (их высоты, длительности, количества звуков и направления движения мелодии) при графической визуализации крюкового напева и перевода его в пятилинейную нотацию.

При изучении традиций знаменного пения старообрядцев Приморья возникли определенные методологические проблемы, обусловленные объективными историческими причинами. Одна из них связана с вопросом аутентичности песнопений в сегодняшних общинах. До революции на юге Дальнего Востока существовала развитая старообрядческая цивилизация: около 20 поселений, 3 монастыря, издавалась духовная литература, проводились ежегодные соборы. По данным В.В. Кобко, отличительной особенностью дальневосточного старообрядчества была конфессиональная неоднородность (беглопоповцы; Белокрыницкое согласие; беспоповцы: часовенные, федосеевцы, токаревцы; поморское согласие; самокресты [8, с. 37]), а также многообразие традиций, обусловленных территориальными различиями мест переселения. В советский период старообрядцы подверглись многочисленным репрессиям. Раскулачивание и коллективизация, религиозные преследования, расстрелы и ссылки после подавления крестьянского восстания на р. Бикин вынуждали их эмигрировать в Китай, Австралию, страны Центральной и Латинской Америки. Таким образом, на территории края к концу 80-х годов XX в. не осталось поповских общин, а беспоповские стали малочисленны и богослужения в них проводились нерегулярно, не было преемственности поколений, вследствие чего певческая традиция старообрядцев – первых переселенцев – практически не сохранилась. Именно поэтому сегодня сложно говорить о сохранении подлинно средневековых традиций в большинстве приморских общин.

Другая проблема, затрудняющая сравнительный анализ, состоит в том, что никогда, ни до революции, ни в советский и отчасти в постсоветский период, в Приморском крае не изучались богослужбно-певческие традиции старообрядцев, сами песнопения никем и никогда не фиксировались. Единственная фонографическая запись была сделана в 1992 г. сотрудниками ПГОМ им. В.К. Арсеньева В.В. Кобко и Н.Б. Керчелаевой в рамках краеведческих полевых исследований. Но и она специально не расшифровывалась, так как исследователи ставили перед собой иные задачи¹.

¹ Зафиксированы: Пасхальный канон, святилен, пасхальные стихиры и окончание утрени: «И нам дарова живот вечный», духовные стихи «Об отшельнике», «Пташка», «В Даурии

Еще одна проблема обнаружила себя при изучении процесса восстановления современных поповских общин. Из-за отсутствия носителей певческой традиции богослужбно-певческая практика возрождалась путем привнесения канонических богослужбных напевов извне. Члены общины не владели необходимыми знаниями и навыками пения по крюковым книгам, поэтому по большей части напев воспринимался ими на слух от приезжавших носителей традиции из Москвы, Новосибирска, Старой Добруджи (Молдавия). В том числе было выяснено, что в этих общинах есть не только коренные жители Приморского края, но и переселенцы из других регионов России и Украины, которые помнили особенности пения в своих регионах, и таким образом певческая практика приобрела некоторые этнорегиональные черты.

Противоположная ситуация наблюдается в общине старообрядцев-беспоповцев часовенного согласия, состоящей из эмигрантов, вернувшихся в Приморье из Боливии и Уругвая и проживающих в настоящее время в с. Дерсу Красноармейского района. В этих семьях сохранились дореволюционные особенности вербального языка, быт и богослужбные традиции старообрядческой семьи, а также традиции крюкового пения, которые передаются из поколения в поколение.

С учётом перечисленных особенностей состояния богослужбно-певческой практики общин Приморского края необходимо было найти существующие адекватные методологические подходы, на которые можно опереться в исследовании явлений, характерных для нашего региона. На основе полученного опыта в будущем возможна выработка собственного подхода.

Изучение богослужбно-певческой практики старообрядцев не может ограничиваться узко-профессиональными рамками, так как она неразрывно связана с достаточно широким кругом явлений в жизни общин. Методологической основой нашей работы послужили принципы исследования Е.Б. Смилянкой и Н.Г. Денисова [15], разработавших методику полевой работы

дикой пустынной», «Снег белый украсил светлицы», «Потоп страшен умножался», «Когда сумерки наступали у содомских у ворот», «Стих о соловецком восстании» // Архив ПГОМ им. В.К. Арсеньева. Аудиокассеты НВ 6592–8, НВ 6592-11, НВ 6592-13.

по изучению старообрядческого певческого искусства, а также методологическая концепция Н.Г. Денисова [5].

Одним из ведущих для нас стал метод лонгитюдного исследования (от англ. *longitude* – долготы, длительность), предложенный Денисовым [5, с. 5–6], который предполагает длительное и систематическое изучение одного и того же локального сообщества, позволяющее выявить изменчивость и устойчивость тех или иных традиций. При сравнении особенностей пения в разных общинах певческие традиции сопоставлялись не на уровне отдельных элементов, а на уровне их взаимосвязей [5, с. 5].

Для сравнения певческой практики общин разных конфессий достаточно продуктивной для нас стала выработанная в процессе изучения певческой культуры саратовских старообрядцев методология И.В. Полозовой, «основанная на принципе комплексности и охватывающая... разные конфессиональные ответвления старообрядчества и множественные типы привлекаемых источников, которая предполагает элективный подход к изучению старообрядческой певческой культуры» [12, с. 10]. Применение элективного подхода в нашем регионе обосновано при сравнении напевов системы осмогласия в разных общинах, так как не весь комплекс гласовых монодий сохранился и используется в полном объеме, а также при изучении песнопений рядовых и праздничных служб из-за некоторых различий в уставе поповских и беспоповских общин.

Первый этап нашего исследования был посвящен изучению богослужебно-певческой практики поповских общин г. Владивосток и пос. Врангель [1]. Были изучены история и современный состав общин, проведен сравнительный анализ напева «Святой Боже», который дал представление о степени сохранности монодии в процессе устного бытования и выявил сходства и различия как в манере исполнения разных общин, так и в сравнении с расшифровкой крюковой записи [1, с. 35–36]. Исследование показало положительную динамику в активизации певческой практики в поповских общинах. Однако были выявлены и факты изменения напева (по сравнению с крюковой нотацией) – его упрощения. В самой манере пения заметно влияние фольклорной традиции, что представляет интерес с точки зрения музыкальной фольклористики.

Следующим этапом исследования стало изучение певческих традиций беспоповской общины часовенного согласия с. Дерсу. Община сформировалась в 2011 г., когда сюда переехали все семьи переселенцев. В настоящее время проведены аудиозаписи двух богослужений, изучены певческие книги, имеющиеся в общине, во время общения с членами общины сделаны аудиозаписи некоторых вариантов осмогласных напевов и песнопений книг «Октай» и «Обиход».

Певческий материал, собранный в общинах Приморья, сделал возможным провести сравнение вариантов бытующей знаменной монодии и крюковой записи напева. Целью такого сравнительного анализа было получить данные, позволяющие выявить сходство и различие современных вариантов напева в общинах разных конфессий, а также степень соответствия напева крюковой записи. Материалом для анализа избраны погласицы² малого знаменного распева «Грядет чернец из монастыря». Это восемь кратких мелодий, каждая из которых является обобщенной мелодической характеристикой самогласнов 1–8 гласов (см. ниже).

Первые записи этих погласиц относятся к XVI в., ввиду простоты их мелодического рисунка они передавались от поколения к поколению с помощью устной традиции. А.В. Преображенский пишет, что текст этого славянского памятогласия представляет собой почти дословный перевод соответствующего греческого памятогласия [13, с. 30]. Погласицы «Грядет чернец» не поются во время богослужения, они служат для напоминания мелодии и настраивают певцов на нужный глас. Стихиры-самогласны³ поются на напев погласицы гласа после запевов («Исповедатися Имени Твоему» и т. д.), напев которых соответствует погласицам этих гласов. В погласицах очерчен основной остов мелодии каждого гласа. Таким образом, анализ вариантов погласицы «Грядет чернец» в разных общинах

² Погласица – краткая мелодия, формула, служащая для запоминания осмогласия малого знаменного распева, или самогласнов. Погласицы имели мнемоническую функцию [10, с. 426].

³ Самогласен – в древнерусской музыке песнопение, имеющее самостоятельный, оригинальный напев. Самогласны всегда связаны с системой осмогласия; для запоминания самогласнов малого знаменного распева существовали мнемонические погласицы [10, с. 483].

может с достаточной степенью определенности дать представление о сохранности в общинах и соответствии крюковой записи монодии всего комплекса самогласных стихир 1–8 гласов малого знаменного распева.

Для иллюстраций погласиц Октоиха малого знаменного распева были использованы фонограммы записей, сделанных в Свято-Никольской общине Белокриницкого согласия г. Владивосток (еп. Силуян) и в общине часовенного согласия с. Дерсу (Евстафий Мурачев).

Так как мнемоническая погласица «Грядет чернец» относится к песнопениям устно-письменной традиции, в анализе мы пользовались методом эквиритмического сопоставления, впервые примененного в этномузыкологии Е.Э. Линевой для сравнения нескольких вариантов народной песни. При использовании этого метода музыкально-словесные тексты вариантов песнопения подписываются один под другим [9, с. LIII–LIV] (в одной тональности) в виде «парадигмы вариантов» [2, с. 112], что дает возможность наглядно отобразить сходства и различия в мелодике и ритмике. Данный вид сравнительного анализа широко применяется в исследованиях вариантов осмогласных напевов в локальных старообрядческих сообществах (см. работы [12, 15]).

Приведем эквиритмическое сопоставление вариантов погласицы малого знаменного распева «Грядет чернец» и расшифровки крюковой записи «Октяя» [7].

1 глас – *Грядет чернец из монастыря.*

В первом гласе более близок к письменному источнику вариант еп. Силуяна. Совпадают начальные, предконечные и конечные тоны, направление движения мелодии, звуковысотность в иктовых зонах. Различия возникают из-за опевания в первой иктовой зоне («чернец») и увеличения в два раза длительности верхнего звука напева (первый слог слова «монастыря»). В варианте Евстафия Мурачева отличается начальный тон напева, опевания вводятся в первой иктовой зоне («чернец») и первом слоге слова «монастыря», предконечный тон идет вниз.

2 глас – *Встречу ему вторый чернец.*

Во втором гласе вариант Евстафия Мурачева практически совпадает с крюковой записью, за исключением терцового хода на первый слог

Пример 1

Пример 2

Пример 3

слова «второй». В варианте еп. Силуяна полностью совпадает лишь ритмический рисунок и направление движения мелодии. Однако более широкий мелодический ход на кварту вверх изменяет полностью мелодию окончания напева.

3 глас – *Откуда ты брате грядеши.*

В третьем гласе, в сравнении с крюковым первоисточником, в варианте Евстафия Мурачева совпадают ритмически и звуковысотно тоны иктовых зон и не совпадает направление движения мелодии между ними; в варианте еп. Силуяна незначительными отличиями являются начальный тон и ровный ритм первой иктовой зоны («откуда»).

4 глас – *Из Константина града.*

В четвертом гласе все три варианта очень близки. Евстафий Мурачев вводит в конце дополнительный мелодический оборот (ре-до), а в варианте еп. Силуяна начальные звуки выдержаны речитативом на одной высоте.

5 глас – *Сядем мы брате побеседуем.*

В пятом гласе в вариантах еп. Силуяна и Евстафия Мурачева больше ритмического и мелодического сходства между собой, чем с крюковой записью. В их вариантах явно выражено минорное ладовое наклонение (конечный тон как минорная тоника). С крюковой записью совпадает направление мелодии и длительности в иктовых зонах.

Еп. Силуян
Евстафий Мурачев
крюковая запись

Из Кон-стан-ти-на гра-да

Пример 4

Еп. Силуян
Евстафий Мурачев
крюковая запись

Ся-дем мы бра-те по-бе-се-ду-ем

Пример 5

Еп. Силуян
Евстафий Мурачев
крюковая запись

Жи-ва ли та-мо бра-те ма-ти мо-я

Пример 6

Еп. Силуян
Евстафий Мурачев
крюковая запись

Ма-ти тво-я бра-те дав-но у-мер-ла

Пример 7

Еп. Силуян
Евстафий Мурачев
крюковая запись

У-вы мне у-вы мне ма-ти мо-я

Пример 8

6 глас – Жива ли тамо брате матери моя.

В шестом гласе варианты еп. Силуяна и Евстафия Мурачева ритмически в два раза короче варианта первоисточника, что, соответственно, порождает и большую живость напева, но при этом в них удлиняется продолжительность иктовых зон. Направление движения, диапазон, начальные иктовые и конечные тоны напева одинаковы во всех трех приведенных вариантах.

7 глас – Мати твоя давно умерла.

В седьмом гласе во всех трех вариантах звуковысотно совпадают начальные, иктовые, предко-

нечные и конечные тоны напева. Однако иктовые тоны по-разному опеваются. В варианте еп. Силуяна добавлено слово «брате», отсутствующее в певческой книге. Ритмическое отличие вариантов общин в сравнении с крюковой записью – не удлиняется иктовая зона в слове «давно».

8 глас – Увы мне увывы мне матери моя.

В восьмом гласе с расшифровкой крюковой записи вариант еп. Силуяна совпадает полностью; у Евстафия Мурачева совпадает звуковысотность иктовых тонов, но его вариант насыщен опеваниями и проходящими мелодическими оборотами, что является характерным для песнопений устной традиции.

Таким образом, в варианте еп. Силуяна с крюковой записью совпадают звуковысотность начальных тонов в шести гласах, звуковысотность конечных тонов и иктовых зон – в шести гласах; полностью совпадает напев 8-го гласа. Отличия обнаружены в напеве 2-го гласа, есть изменения длительности в иктовых зонах (1, 3, 5, 7-й гласы), опевания в иктовых зонах (1-й глас), упрощение напева (4-й глас), изменение текста (7-й глас).

В варианте Евстафия Мурачева с крюковой записью совпадают звуковысотность начальных тонов – в шести гласах; звуковысотность конечных тонов и иктовых зон – в шести гласах; почти полностью совпадает напев 2-го гласа. Отличия обнаружены в напеве 3-го гласа, есть изменения длительности в иктовых зонах (1, 5, 6, 7, 8-й гласы), опевания в иктовых зонах (1-й, 7-й гласы), введение дополнительных мелодических оборотов (1, 4, 5, 6, 8-й гласы).

Анализ вариантов погласицы малого знаменного распева «Грядет чернец», бытующих в современных общинах, и сравнение их с крюковой записью «Октай» позволили сделать следующие выводы. Напев погласицы «Грядет чернец», сохранившийся в общинах старообрядцев Белокриницкого и часовенного согласия Приморского края в своей основе (начальные и конечные тоны, направление движения мелодии, длительность и звуковысотность иктовых зон), совпадает с крюковой записью певческой книги «Октай», что свидетельствует о высокой степени сохранности напева. Различия между крюковой записью первоисточника и современным вариантом (введение опеваний, мелодических оборотов,

изменение длительностей, ускорение темпа) не меняют структуры напева, сохраняя смысловые и ритмические акценты, ладовую основу, направление движения и мелодический диапазон напева. Эти различия обусловлены преимущественно устной формой бытования, что является характерной чертой для любых песнопений устной (т. ч. и устно-письменной) традиции. Однако наличие этих изменений в свою очередь ставит вопрос о степени соответствия более протяженных мелодических комплексов самогласных стихир воскресного Октоиха («Октя») крюковой записи, который требует дополнительного исследования.

Работа по изучению богослужебно-певческой практики старообрядцев Приморья еще не завершена, впереди предстоит достаточно сложное исследование в беспоповских общинах края, которые дадут новый певческий материал и позволят сделать более глубокие выводы об особенностях бытования, сохранения и передачи старинных напевов молодому поколению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балановская Т.П. Богослужебно-певческая практика старообрядцев Белокриницкого согласия Приморского края // Проблемы музыкальной науки. Уфа : Уфимская гос. академия искусств, 2012. № 2 (11). С. 33–37.
2. Банин А.А. Е.Э. Линева и семиотическая теория музыки фольклорной традиции: опыт изучения музыкального языка «Лучинушки» // По следам Е.Э. Линевой: сб. науч. ст. / ред.-сост. А.В. Кулев. Вологда : Изд-во обл. науч.-метод. центра культуры и повышения квалификации, 2002. С. 112–149.
3. Бражников М.В. Многоголосие знаменных партитур // Проблемы истории и теории древнерусской музыки / сост. А.С. Белоненко. Л. : Музыка, 1979. С. 7–61.
4. Бражников М.В. Русская певческая палеография / науч. ред., примеч., вст. ст., палеогр. таблицы Н.С. Серединой. СПб. : Рос. ин-т истории искусств: С-Петербург. гос. консерватория, 2002. 296 с.
5. Денисов Н.Г. Старообрядческая богослужебно-певческая культура: к проблеме типологии: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / Рос. ин-т истории искусств. СПб., 2010. 44 с.
6. Калашников Л.Ф. Азбука церковного знаменного пения. М. : Знаменное пение, 1915. 38 с.
7. Калашников Л.Ф. Октай церковного знаменного пения. Киев : Знаменное пение, 1915. 46 с.
8. Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (середина XIX – 30-е годы XX в.). Владивосток : ПГОМ им. В.К. Арсеньева, 2004. 214 с.
9. Линева Е.Э. Великоорусские песни в народной гармонизации. Вып. 2. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1909. LXXVIII + ноты: 65 с. См. также URL : <http://ecmr.fi/scannedbooksandarticles.html> (дата обращения: 30.03.2013).
10. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
11. Пожидаева Г.А. Певческие традиции Древней Руси: очерки теории и стиля. М. : Знак, 2007. 880 с.
12. Полозова И.В. Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе. Саратов : Саратов. гос. консерватория им. Л.В. Собинова, 2009. 336 с.
13. Преображенский А.В. Культурная музыка в России. Л. : Academia, 1924. 123 с.
14. Разумовский Д.В. Богослужебное пение православной греко- российской церкви. Ч. 1. Теория и практика церковного пения. М. : Тип. О. Гербека, 1886. 172 с.
15. Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М. : Индрик, 2007. 432 с.
16. Смоленский С.В. О древнерусских певческих нотациях: историко-палеогр. очерк. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 122 с.

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ:
К ВОПРОСУ О ТРАНСМИССИИ КУЛЬТУРЫ В ДИХОТОМИИ ЗАПАДА
И ВОСТОКА

Статья посвящена вопросу культурной трансмиссии, которая способствует развитию духовного опыта человечества. Запад и Восток – это два «мирообразующих ареала». Автор обращает внимание на немецкий протестантский хорал. По ее мнению, этот религиозный музыкально-поэтический жанр стал одним из ключевых элементов в формировании уникального феномена мировой цивилизации – самой большой протестантской общины мира, образовавшейся в XX в. в Южной Корее. Исследование семиотического континуума протестантских хоралов через феномен их метатекста позволяет установить цикличность и разомкнутость процесса трансмиссии. Мнение автора находится в русле цивилизационного подхода, который воспринимает трансмиссию как важный принцип эволюции культуры, опираясь на пример Южной Кореи. В этой стране взаимодействие с культурным наследием западного протестантизма активизировало развитие национальной музыкальной культуры как религиозной, так и светской.

Ключевые слова: культурная трансмиссия, Южная Корея, музыкальная культура, протестантизм, протестантский хорал.

The musical heritage of Protestantism in South Korea: transmission of culture in the context of dichotomy of East and West. GALINA N. DOMBRAUSKENE (Maritime State University named after G. I. Nevelsky, Vladivostok).

The article focuses on the cultural transmission that contributes to the development of the spiritual experience of mankind. East and West are the two areas forming the world. The author focuses on German Protestant choral. According to her this religious musical and poetic genre became one of the key elements in the formation of a unique phenomenon of modern world civilization – the largest Protestant community in the XXth century South Korea. The research of the semiotic continuum of Protestant chorales through the phenomenon of metatext allows to trace cyclicity and openness of the transmission process. Exploring the example of South Korea, the author follows the civilization approach which treats the transmission as an important principle of the evolution of culture. The interaction with the cultural heritage of Western Protestantism intensified the development of national musical culture (both religious and secular) in South Korea.

Key words: cultural transmission, South Korea, musical culture, Protestantism, protestant choral

Актуальность исследования процессов культурной трансмиссии протестантского хорала в Южной Корее обусловлена возросшим в последние годы интересом к культурному наследию протестантизма, который стоит на пороге знаменательных событий – пятисотой годовщины своего рождения.

В настоящее время в мире насчитывается приблизительно шестьсот миллионов протестантов. На основе реформированной религиозной мировоззренческой системы возникла уникальная культурная среда, продуцирующая в мировую аксиосферу многообразные объекты культуры и искусства.

*ДОМБРАУСКЕНЕ Галина Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства и культуры Морского гуманитарного института (МГУ им. адм. Г.И. Невельского). E-mail: dombrauskene@mail.ru

© Домбраускене Г.Н., 2013

Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ по теме «Комплексное исследование механизмов межкультурной коммуникации в АТР», 2013 г.

Одним из уникальных элементов протестантской культуры стал немецкий хорал, музыкально-поэтическая ценность которого получила повсеместное признание. Выйдя за рамки богослужбной практики, многочисленные мелодии гимнов образовали своеобразный «словарь символов», которые стали носителями определенных смыслов и значений. Обладая богатым мелодическим потенциалом, они сыграли важную роль в эволюции европейской музыкальной культуры. Благодаря своей компактности и семиотической концентрации хоральные символы легли в основу огромного количества музыкальных произведений самых разных жанров. Их музыкально-семиотические структуры можно встретить в инструментальных фантазиях, прелюдиях, фугах, кантатах, симфониях, операх, концертах и др. Их мелодии можно услышать на эстраде и в кино.

Научное осмысление этого феномена потребовало комплексного исследовательского подхода с привлечением современной литературы, позволяющей осветить различные стороны функционирования хоральной лексики, проникнуть в глубину ее семиозиса, осмыслить роль и принципы культурной трансмиссии протестантских гимнов, как на Западе, так и на Востоке.

Музыкальная сторона гимнов в большей степени освещается в трудах, исследующих творчество одного из величайших композиторов, – лютеранина И.С. Баха; среди них работы Б.Л. Яворского, А. Швейцера, М.С. Друскина, Р.Э. Берченко, Е.В. Вязковой, Е.В. Гордеевой, С.В. Дружинина, Х. Майстера, В.В. Медушевского, В.Б. Носиной, Е.В. Сидоровой, Н.А. Эскиной, а также работы авторов сборника «Музыка и проповедь: К интерпретации наследия И.С. Баха» [13].

Специальное внимание протестантской музыке уделено в трудах Р.И. Грубера, С. Миллера, О.В. Муравской, Д. Цагера, Э. Уилсона-Диксона.

Жанровая специфика протестантского хорала определяется многими факторами – культурологическими, социальными, даже экономическими и политическими. В связи с этим значимыми представляются работы М. Вебера, Г. Зассе, И.В. Подберезского, М.В. Рудакова, М.Ю. Смирнова, Н.В. Ревуненковой, Г. Фауселя, Н.Н. Шевляковой, Л.П. Савельева.

Исследование вопросов культурной трансмиссии протестантского хорала в музыкальном пространстве Запада и Востока опирается на труды Е.У. Байдарова, С.А. Боевой, Ван Ина, А.Г. Инговатовой, А.Б. Каяк, А.И. Кобзева, М.С. Когана, Е.Г. Халтуриной, Е.М. Алкон, Пэн Чэна, Т.В.Тихоновой, С. Хантингтона и др.

Поскольку особое внимание в статье отведено Республике Корея, на примере которой рассматривается культурное взаимодействие через протестантизм, интерес представляют источники, посвященные культуре, музыкальным традициям и современному музыкальному искусству этой страны (Г.Д. Бердышев, Н.Я. Бичурин, Бэк Хи Сук, М.В. Воробьев, Зо Ок Хи, И Нам Сун, Г.Н. Ким, Л.И. Киреева, А.Н. Ланьков, В.М. Марков, Пак Кюн Син, Пак Кён Хва, Чжон Сан Ил, Е.В. Шульгина, сборник «Корееведение в России»).

Целью статьи является освещение уникального процесса культурной трансмиссии через протестантский хорал в дихотомии музыкальных культур Запада и Востока.

Современный цивилизационный подход в осмыслении отношений Запада и Востока отстаивает идеи «культурного плюрализма», который предполагает уважительное отношение к разнообразным формам жизненных проявлений без утверждения преимуществ какой-либо одной культуры. «В наше время рождается культура, стремящаяся вместить в свои пределы всю человеческую вселенную, соединить, свести Запад и Восток, создать эстетический прообраз чаемого всечеловеческого сообщества будущих столетий» [1, с. 131].

Пример уникальной адаптации христианства можно наблюдать в Южной Корее, где уже к началу XX в. сформировалась национальная протестантская община, а к настоящему времени христианами являются около половины жителей этой страны – 45% (34,4% протестантов и 10,6% – католиков) [3]. Период с 1908 по 1912 г. был ознаменован мощным движением религиозного пробуждения, его центром был Пхеньян, который даже называли «азиатским Иерусалимом».

Во всех исторических перипетиях судьба протестантского христианства была не однозначной. Но, тем не менее, такой межкультур-

ный контакт оказался весьма благоприятным для развития южно-корейской культуры, искусства, социально-культурных институтов, социально-культурной инфраструктуры. Аксиологически значимым результатом этого процесса стала активизация национального самосознания, стимулировавшая процесс развития национальной культуры при содействии научно-технических и социальных достижений западной культуры.

Исследование семиотического континуума протестантских хоралов через феномен их метатекста¹ позволяет установить его цикличность и разомкнутость. Рассматривая культурную трансмиссию как принцип эволюции культуры, можно утверждать, что метатекст гимна при каждом новом цикле актуализации его аксиологического потенциала расширяет свои границы, обретая новые качества и функции в постоянно изменяющемся мире.

Е.У. Байдаров, рассматривая процессы развития мирового искусства в дихотомии Запада и Востока как целостность, существующую в едином синхронистическом пространстве, отмечает, что синтез является неотъемлемой частью всемирного художественного процесса: «Культурный синтез не является ассимиляцией, он сохраняет основное позитивное содержание каждого из компонентов, добавляя к нему типологически иное, при этом осуществляя скачок в новое качество, которое ведет от этнической, региональной замкнутости – к общечеловеческой разомкнутости, общечеловеческой универсальности. Это знаменует становление подлинно единой мировой культуры, на просторах глобальной Ойкумены» [1].

Актуальность исследования процесса трансмиссии немецкого протестантского хорала обусловлена тем, что этот религиозный музыкально-поэтический жанр стал одним из ключевых элементов в формировании уникального феномена мировой цивилизации – самой большой протестантской общины мира, образовавшейся в XX в. в Южной Корее.

Следует отметить, что миссионеры, которые первыми принесли протестантизм в Корею,

¹ Метатекстом гимна автор статьи называет музыкальный феномен, представляющий собой пространство памяти, в котором главенствует идея гимна как аксиологический элемент культуры [6, с. 156].

а вместе с ним и гимны, были представителями не лютеранской, а реформатской традиции – методисты и пресвитериане. Здесь мы сталкиваемся с еще одним явлением – протестантская музыкальная культура, несмотря на внутренние межденоминационные различия, образует собой единое пространство.

Уже в XVI в. последователи М. Лютера стали переводить немецкие гимны на другие языки. Популярные песнопения вместе с реформаторскими идеями быстро распространялись за пределами Германии.

Большой вклад в перевод хоралов внесли британские протестанты – Джон Гэмбольд (1711–1771), поэт и политический деятель Эмброуз Филлипс (1674–1749), Томас Карлейль (1795–1881) и многие другие. Неоценимый вклад в развитие мировой протестантской гимнической культуры был сделан английской переводчицей Катериной Уинкворт (1827–1878), которая во время поездки в Дрезден заинтересовалась немецкими лютеранскими песнопениями, и в 1854 г. опубликовала книгу «*Lyra Germanica*», представлявшую собой коллекцию немецких гимнов, переведенных на английский язык. В *Harvard University Hymn Book* (Книге гимнов Гарвардского университета) сказано, что она «сделала больше, чем кто-либо, чтобы сделать богатое наследие немецких песнопений доступным для англоязычного мира»².

Действительно, переведенные на английский язык немецкие гимны стали распространяться не только в странах Великобритании, но и в Новом Свете, а также в английских колониях. В XIX в., когда наблюдался подъем миссионерского движения и протестанты устремились на Восток, большой процент из них составляли именно британские верующие.

Миссионеры привезли гимны в Корею и стали обучать духовному пению корейское население. Этот процесс протекал параллельно с внедрением западной классической музыки, что, несомненно, оказывало содействие развитию музыкально-слухового опыта у корейцев. В результате на рубеже XIX–XX вв. в соответствии с изменяющимися общественными настроениями формируется чханга (кор. *Chong-ak* «пение»; песенный стих на европейскую музыку) [10]. В этом жанре писали Хен Че-Мен, Ким Се-Хен, Йи Хун-йол, Ким Тон Чжин и др.

² В китайской династийной истории («Сань го чжи», III век).

Успех западных религиозных гимнов на корейской почве имеет и другие более глубинные основания. В 2001 г. в Женеве пресвитериане издали новую редакцию корейско-английского сборника гимнов «*Come, Let Us Worship*» («**Придите, поклонимся**»), включающий 392 песнопения [16]. Предисловие начинается так: «*Korean Christians are a singing people*» («Корейские христиане – поющий народ»).

Как отмечает кореевед Г.Н. Ким, пение песен всегда сопровождало жизнь корейцев: «У корейцев великое множество народных песен, и они поражают тем, что знают наизусть десятки и сотни песен, как народных, так и современных» [8].

Народная корейская музыка складывалась на протяжении трех тысяч лет на основе религиозных музыкально-танцевальных обрядов древних племен. Общие представления о древней музыке Корё основываются на сохранившихся исторических документах Китая и Кореи, а также на росписях на древних гробницах, дотируемых периодом Когурё (I в. н. э.).

В дальнейшем ее развитие протекало в условиях межкультурных контактов с близлежащими странами, поэтому в ней ощущается влияние музыки Китая и Центральной Азии. Среди собственных глубинных особенностей корейской музыки выделяют неторопливость, бульшую, чем в китайской или японской, интонационную чувственность. Самый распространенный песенный жанр чханга имеет медленный темп; музыка приобретает спокойный созерцательный характер, который сравнивают с ритмикой дыхания, в отличие от ритмики сердцебиения, которая, как считают, свойственна европейской музыке.

Г.Н. Ким, рассматривая народную музыкальную культуру Кореи, пишет: «К XVIII веку с формированием так называемого среднего сословия, появились классические песни. Они относились к так называемой "истинной музыке" – "чхеонгак" и делились на три жанра: "кажок", "каса" и "сичжо"». Происхождение лирических песен кажок связывается обычно с гораздо более ранним периодом, возможно, с эпохой Когурё. Сегодня цикл кажок состоит из 26 песен, которые исполняются как мужчинами, так и женщинами. Двенадцать наименований каса образуют собственный репертуар классиче-

ских песен. Большинство каса возникли в срединный период династии Чосон, т. е. в XVI–XVII вв. в окрестностях Сеула и самой столице. Что касается сичжо, то они больше известны как своеобразные корейские стихи, состоящие из трех строк. Расцвет популярности поэзии сичжо выпал на годы правления ванна Ёнго (1725–1776) и первые десятилетия после его смерти. В это время любившиеся сичжо перекладывались на незатейливую базовую мелодию, которая варьировалась лишь совсем чуть-чуть» [8].

Развитие песенного жанра также связывают с традициями творчества хваранов – людей, занимавшихся в Корё деятельностью, сродни актерской. Сведения о них сохранились в таких древних документах, как «Исторические записи Трех государств» («Самгук саги») историка Ким Бусика и «Достопамятные события Трех государств» («Самгук юса») буддийского монаха Ирена. О хваранах повествуют древнейшие памятники корейской поэзии в жанре песен хянга, которые дошли до наших дней, – «Песня о хваране Чукчи», «Песня о хваране Кипха» [10].

Современный исследователь музыкального искусства и культуры на Дальнем Востоке В.А. Королёва цитирует один фрагмент из работы А. Рогоза «Посыетский участок» (1891 г.) о том, что корейцы музыку «очень любят и с восхищением ее слушают, они учатся и читают даже на распев» [11]. В домах многих имелись музыкальные инструменты, на которых они играли в свободное время.

На необычайную музыкальность корейского народа обращает внимание и известный в России и за рубежом кореевед А.Н. Ланьков [12]. В песенных традициях Кореи можно усмотреть культурный параллелизм с песенными традициями Германии. Не исключено, что схожая ментальная расположенность к музыке у корейского народа способствовала быстрому распространению протестантизма в Корею в XX в., как это было в Германии в XVI в.

Культурным итогом трансмиссии протестантского хора можно считать активизацию национального музыкального мышления, сопровождающуюся, с одной стороны, интересом к достижениям музыкального искусства Запада и, с другой – возрождением интереса к национальному музыкальному наследию.

Во второй половине XX в. в Южной Корее интенсивно развивается профессиональное музыкальное искусство. У его истоков стояли такие корейские композиторы, как Ли Сан Юн, который в 1955 г. получил национальную премию, а затем продолжил свое обучение в Германии. Он использует в своих произведениях народные корейские мотивы; также занимается организацией музыкальных мероприятий посвященных корейской музыке.

Композитор Ким Ки Су (1917–1986) признан основоположником современной корейской классической музыки. Он систематизировал и составил нотные записи многих образцов народного музыкального фольклора.

Такие корейские композиторы, как На Ун Ён, Чун Хо Гап, Ли Сан Гун и другие, стали применять современные композиторские техники в обработке традиционного музыкального материала.

В 1970-е гг. в Республике Корея была создана Международная ассоциация современной музыки, которую возглавил известный в стране композитор Кан Сук Ху. Кроме этого в Южной Корее были основаны такие творческие организации, как «Корейский клуб композиторов», «Азиатская лига композиторов», «Ассоциация женщин-композиторов», творческое объединение «Третье поколение» [9].

В 1956 г. дирижером Лим Вон Сик, получившим впоследствии мировую известность, был основан симфонический оркестр Корейской системы вещания (KBS). Также Лим Вон Сик является основателем высшего музыкального образования в Республике Корея – «Высшей школы искусств», в которой он преподавал, помимо своей концертной деятельности.

Всемирное признание получил корейский дирижер Чунг Мунг Вун, бывший сотрудник французского Национального Bastille Opera, основавший в 1970 г. со своими братьями скрипачом и виолончелистом «Трио Чунг» («Chung Trio»). Они выступают с оркестрами мирового класса по всему миру и делают многочисленные записи.

Другой значительной личностью в музыкальной корейской культуре стал композитор и дирижер Хон Юн Тэк. В 1985 г. он основал Корейский симфонический оркестр. Он явля-

ется автором популярных в стране произведений, таких как оперы «Нонгэ» и «День свадьбы», кантаты «Слава родине» и «Дай мне твою руку, брат».

Оригинальное явление в корейской музыкальной культуре представляет творчество композитора Ким Чон Гиля, который был музыкальным руководителем открытия Олимпийских игр 1988 г. в Сеуле. В своем творчестве он осуществляет уникальные, с точки зрения культурной трансмиссии, эксперименты по обработке корейских песен на основе западного мелоса. К его известным сочинениям относятся «Сюита для оркестра» и «Ритм-83».

Есть в Южной Корее и свой музыкальный авангард, сформированный под влиянием западных экспериментальных течений XX в. Пионером здесь является композитор Кан Сук Хиль, который первым в Корее создал сочинения электронной музыки «Мозаика», «Манпха», «Соло для флейты с оркестром» и др. В 1966 г. им впервые в стране было организовано представление электронной музыки.

Формирование композиторской школы Республики Корея протекало, как это было типично для других культур Востока, в три этапа: во-первых, это были попытки синтезировать национальные и западные композиции с применением простейших приемов соединения восточной мелодики и европейской гармонии и полифонии; во-вторых, стали создаваться новые техники, основанные на более тонком синтезе национальных и европейских традиций; в-третьих, авангардные поиски, которые направлены на синтез различных стилевых традиций внутри национальной культуры.

К настоящему моменту корейское профессиональное музыкальное искусство стало «неотъемлемой частью мировой музыкальной культуры, музыкальной жизни, слухового опыта» [7]. Мировое признание получили корейские исполнители: сопрано Джо Су-ми, Хонг Хе Ген, Шин Юн Ок и Ким Ен-ми; баритон Чой Хен-Су; скрипачи Чунг Гюн Ва, Кан Тонг Сок, Ким Ен; виолончелист Чунг Мен-ва; пианисты Ли Кён Сук, Хан Дон Иль, Пэк Кон-у, Пэк Кон У, Чон Мён Хун, Со Хе Кён, Кан Чхун Мо, Пэк Хе Сон и др.

Центрами исполнительского искусства являются Национальный театр, культурный центр в Сайгоне, Сеульский центр искусств. В стра-

не действуют пять вузов искусств, среди которых самые известные Seoul National University, Yonsei University, Hanyang University, and Ewha Womans University. Каждый университет имеет свой колледж. В этих учебных заведениях обучались многие выдающиеся музыканты Кореи; обучение ведут как корейские специалисты, так и крупные профессора со всего мира (включая США, Германию, Россию, Венгрию).

На сегодняшний день в Республике Корея действуют 125 высших школ искусств и музыкальных колледжей, 49 музыкальных управляющих компаний, 27 издательских и звукозаписывающих компаний, 18 камерных ансамблей, 10 оперных трупп, 31 оркестр и других музыкальных организаций [19].

В русле всех эти культуротворческих процессов развивается и современная христианская музыка протестантов. На сегодняшний день музыкальное служение протестантских церквей в Южной Корее приобрело колоссальный размах. Ему уделяется особое внимание, так как, по словам профессора и члена Всемирной академии искусств и наук Е.С. Гончаренко: «Богослужение – это лицо церкви, и роль музыки, духовного пения чрезвычайно важна» [5].

После окончания Корейской войны (1950–1953 гг.) в Южную Корею стали прибывать миссионеры из США. Они привезли с собой свои христианские гимны, а также популярный в 1950-х и 60-х гг. госпел (жанр религиозного песнопения афроамериканцев южных штатов).

В 1973 г. миссионер О Дэ Вон основал издательство «Yesujeondodan»; он не только перевел много религиозных песен на корейский язык, но и стал сочинять свои. К концу 1970-х годов христианские песни обрели большую популярность в стране в связи с ростом протестантских церквей в Корее.

Духовные гимны в протестантских церквях Южной Кореи считаются важной частью жизни верующих. Свидетельством тому является издание Библии, которое в приложении содержит нотный песенник, включающий 550 гимнов.

В распространенном в Южной Корее и за ее пределами издание «The Holy Bible with Reference Hankul and Revised» (2001 г.) каждый

гимн имеет название как на корейском, так и на английском языках, а также имена авторов мелодии и текста [18]. Все это позволяет произвести анализ состава, по сути, канонизированного сборника корейских протестантских песнопений.

Обзор сборника позволил выявить, что среди репертуара значительную часть составляют гимны, созданные в XIII – начале XX вв. авторами, большинство которых принадлежит церквам реформатской традиции – методистами, пресвитерианами, баптистами и др.

Также в сборнике имеются несколько старинных гимнов, принадлежащих католической традиции, в т. ч. и гимны из Шотландской псалтири.

Существуют гимны, основанные на народных мелодиях, – английских, финских, итальянских, французских и др.

Есть гимны из Женевской псалтири.

Значительную часть составляют немецкие протестантские гимны.

Еще один сегмент – гимны корейских авторов.

В рамках настоящей статьи автор фокусирует внимание именно на немецких лютеранских песнопениях, так как они рассматриваются как субстрат протестантской музыкальной культуры. Вполне понятно, что формирование национальной корейской протестантской гимнической культуры протекало под влиянием музыкальных традиций не только разных деноминаций, но и разных стран на протяжении четырех столетий.

Можно говорить об исторически сформированном каноне протестантского гимна в форме песни, как правило, гармонизованного на четыре голоса, с ясной, удобной для коллективного пения тесситурой.

Как отмечала в свое время Н.Г. Шахназарова, взаимодействие музыкальных культур Запада и Востока приводит к столкновению двух эстетик, двух мировоззрений. Попытки композиторов проникнуть в другой тип музыки приводит к вторжению в существо иной профессиональной традиции [15].

Трансмиссия немецкого хора способствовала, во-первых, формированию музыкальной богослужебной концепции в корейском про-

317 **어서 돌아오오** 부르심과 영접
 신영택, 1943 박재훈, 1943
 「이에 일어나서 아버지께로 돌아가니라.」 (눅 15:18-24)
 보봉으로 ♩ = 88

1. 어서 돌 아오 오 어서 돌 아 만오 오 지은 죄 가아 무 리
 2. 어서 돌 아오 오 어서 돌 아 만오 오 우리 주 는날 마 다
 3. 어서 돌 아오 오 어서 돌 아 만오 오 채찍 맞 아아 파 도

Пример 1

69 **Приди к Христу** Ч. Х. ПАРК

1. О, друг, при-ди к Хри-сту! О, о-бра-тись к Не-му! Как
 2. При-ди, о друг, к Хри-сту И о-бра-тись к Не-му! Он
 3. О, друг, при-ди к Хри-сту И о-бра-тись к Не-му! Хоть

Пример 2

256 **눈을 들어 하늘 보라** 전도와 선교
 석진영, 1952 44 장
 「눈을 들어 발을 보라 회개지 추수하게 되었도나.」 (요 4:35) 박재훈, 1952
 보봉으로 ♩ = 88

1. 눈을 들 어하 늘 보라어 지 러운세상중 에곳곳 마 다상 한 영의
 2. 눈을 들 어하 늘 보라어 두 워진세상중 에외치 는자 많 건 마는
 3. 눈을 들 어하 늘 보라살 아 계신주하나 님약한 자를부 르 시어
 4. 눈을 들 어하 늘 보라다 시 사신그리스 도만백 성을사 랑 하사

Пример 3

115 **Верующим** Ч. Х. ПАРК

1. О, под-ни-ми-те взор к свету не- бес От ми-ра су-е-ты и бед!
 2. О, под-ни-ми-те взор к свету вы- сот От мра-ка и зло-бы мир-ской!
 3. О, под-ни-ми-те взор свой к небе-сам! Жи-вой Хри-стос, Бог вечных сил,
 4. О, по-смо-три-те на не-бес ла- зурь: Хри-стос-наш Гос-подь воскре-сший!

Пример 4

тестантизме; во-вторых, подвигла корейских верующих к созданию собственных духовных песнопений. В свою очередь южно-корейские миссионеры стали переводить и распространять их по всему миру, т.е. и в страны Запада, пополняя мировую музыкальную культуру протестантизма.

В предисловии к русско-корейскому сборнику духовных песен, опубликованному Корпорацией церковной музыки (г. Сеул), составленному и изданному пастором Чай-Хун Парком, дается краткое пояснение роли гимнов в жизни верующих. Важно то, что оно выражает мнение корейских верующих в отношении музыкального поклонения Иисусу Христу: «Гимн – один из самых драгоценных даров Бога людям. Вначале он принадлежал только небесам, слишком святой и неоценимый, чтобы его произносили уста человека, согрешившего против Бога. Но, прощенные и очищенные кровью Иисуса Христа, мы теперь можем хвалебными гимнами прославлять Бога. Для верующих в эту истину духовное песнопение может быть могущественным источником вдохновения и силы, производящей благотворное влияние на людей, на семьи, на общество и на народы. В течение короткой истории христианства многие корейцы искренно уверовали в истину во Христе, приняли ее и, в свою очередь, стали народом, поющим славу Богу. <...>. Этот русско-корейский сборник песен небольшой размер, но в нем собраны гимны о силе Евангелия и Святого Духа»³.

Ниже приведены примеры гимнов, написанных корейскими авторами.

Этот гимн, как и другие корейские песнопения, созданные в XX–XXI вв., был переведен корейскими миссионерами на разные языки, в т. ч. и на русский.

На сегодняшний день Южная Корея стоит на втором месте после США по количеству миссионеров-протестантов. Корейские миссионеры активно распространяют христианство не только в своем регионе, но и в западных странах. Они вносят свой вклад в перевод Священных Писаний на другие языки и вместе с этим переводят духовные гимны.

Сущность обратной трансмиссии заключается в том, что христианские ценности, принесенные в XIX в. на корейскую землю протестантами из Европы и Америки, прижились в пространстве восточной культуры. Они в значительной степени обогатили корейскую культуру, во-первых, за счет достижений западной цивилизации; во-вторых, за счет активизации национального самосознания.

В результате корейские верующие из группы-реципиента оказались в роли группы-донора. Сохраняя традиции мировой протестантской культуры, они внесли национальный культурный вклад, сделав его достоянием мирового религиозного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад–Восток», «Восток–Запад» в глобалистике // CREDONEW. Теоретический журнал. Санкт–Петербург. 2007. № 4 (52) С. 131–156.
2. Байдаров Е.У. Роль и место религии в культурно-цивилизационном развитии социума эпохи глобализации // Мир и религия. Общественный и научно-популярный журнал. Астана. 2009. №2. С. 39–43.
3. Бачинин В.А. Биографический метод в социологии религии: жизненный мир южнокорейского пастора // Материалы четвертых Торчиновских чтений «Философия, религия и культура стран Востока», 7–10 февраля 2007 г. СПбГУ, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.torchinov.com> (дата обращения: 5.03.2012).
4. Бердяев Н.А. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности). М.: Мысль, 1990. 207 с.
5. Гончаренко Е.С. История издания сборников духовных песен евангельских христиан-баптистов // «Гость». 2007. № 5/6. С. 22–25.
6. Домбраускене Г.Н. Метатекст протестантского хора: семиотический континуум в музыкальной культуре Запада и Востока. LAP LAMBER Academic Publishing GmbH. Германия. 2011. 262 с.
7. История зарубежной музыки. XX век / сост. и общ. ред. Н.А. Гавриловой. М.: МУЗЫКА, 2005. 576 с.
8. Ким Г.Н. Песни – душа народа / Ким Г. Н. Рассказы о родном языке. Популярное корееведение. Сер. АКК, Алматы: ЗАО «Сенім», 2003. 287 с.
9. Ким Г.Н. «Республика Корея» / Справочник. Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 1993. 525 с.
10. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009 г. 680 с.
11. Королева В.А. Диалог культур как феномен

³ Христианские гимны. Первое издание – июль 1992 г. Напечатано комитетом по изданию русско-корейского сборника духовных песен. Издано и напечатано Корпорацией Церковной музыки (Сеул).

- художественной жизни на Дальнем Востоке России 1860–1930 гг. исторический аспект // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад: материалы науч. конф. Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток–Запад (29–30 апреля 2008 г.) и III науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы музыкального образования на Дальнем Востоке» (17–19 ноября 2008 г.) / ДВГАИ Вып. 15. Владивосток : Изд-во ТГЭУ, 2008. С. 144–151.
12. Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. М. : Восточная книга (Восток–Запад Муравей), 2005. 445 с.
13. Музыка и проповедь: К интерпретации наследия И.С. Баха: материалы науч. конф. М., 2006. 224 с.
14. Нысанбаев, А. Глобализация и диалог культур // Евразийское сообщество (Eurasian community). Алматы, 2002. № 1. С. 109–114.
15. Шахназарова Н.Г. Музыка Востока и музыка Запада: Типы музыкального профессионализма. М. : Сов. композитор, 1983. 153 с.
16. Come, Let Us Worship, The Korean-English Presbyterian Hymnal and Service Book. Louisville, Ky. : Geneva Press, 2001. 365 p.
17. The Harvard University Hymn Book. Harvard University Press, 1964. P. 288. (396 p.)
18. The Holy Bible with Reference Hankul and Revised. Korean Bible Society, Seoul, 2001. 423 p. (ноты).
19. Korean Contemporary Christian music [Электронный ресурс]. URL: http://www.enotes.com/topic/Korean_Contemporary_Christian_music. (дата обращения: 4.06.2012).

Д.В. Гордеев*

СИМВОЛЫ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ЧЕСТЬ ИКОН БОГОМАТЕРИ, ПОЧИТАЕМЫХ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В работе предпринята попытка выявить универсальные тексты в службах в честь икон Богородицы, при звучании которых в пространстве православного храма раскрываются, объясняются смыслы всех богородичных икон.

Ключевые слова: символ, Богородица, икона, богослужение, стихира, канон.

Symbols of hymnographic texts in honor of the Virgin Mary's icons, revered in Vladivostok.
DENIS. V. GORDEEV (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

The research seeks to identify universal texts in the services in honor of the Virgin Mary's icons, which sound at Orthodox Church and reveal and explain the meaning of all the icons of the Theotokos.

Key words: icon, the Theotokos, church service, symbol, sticheron, canon.

В городе Владивостоке, по данным Приморской митрополии, три храма посвящены иконам Богородицы – «Всех скорбящих Радость», Казанская икона Божьей Матери, Порт-Артурская икона [13]. Предмет нашего исследования – тексты праздничных служб в честь икон Божьей Матери, особо почитаемых во Владивостоке. В традиции Русской Православной Церкви Казанская икона Божьей Матери считается хранительницей восточных рубежей России. Также в Приморской митрополии чтят Порт-Артурскую икону Пресвятой Богородицы как хранительницу границы между Россией и Китаем. В честь иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» был освящен придел Свято-Никольского храма, ставший центральной частью православных владивостокцев начала XX в.

Л.А. Щенникова, И.А. Шалина и другие исследователи доказывают, что в праздничных гимнах и библейских текстах раскрывается сюжетный

и композиционный ряд праздничной иконы [14, 15]. О.Е. Этингоф, рассматривая иконографию Успения Богородицы XIII в., приходит к выводу о том, что «в иконографии... Успения Богородицы отчетливо проявилась литургическая символика, основанная на гимнографических, гомилигических текстах, литургических толкованиях, значении чинопоследований и традиции почитания святых мест» [16, с. 217]. Таким образом, в иконе праздника художественными средствами отображается история события, богословское осмысление, а в некоторых конкретных изображениях – и процесс литургического чествования этой памяти.

Исследования, рассмотренные нами, посвящены раскрытию содержания икон через гимнографические и другие литургические тексты; они имеют узкий ракурс анализа, когда конкретное изображение разбирается через службу этому со-

*ГОРДЕЕВ Денис Владимирович, старший преподаватель кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток). E-mail: dionisiy@mail.ru

© Гордеев Д.В., 2013

Работа подготовлена при поддержке проекта Научного фонда ДВФУ № 12-05-04-200-12 «Семантические опоры византийско-русской православной культуры в АТР как ведущие факторы формирования метаязыка межкультурной коммуникации с Россией».

бытию или лицу. По итогам краткого обзора научных работ мы задаемся логичным вопросом: есть ли общие элементы в текстах служб в разные дни года, посвященных одному лицу и событиям, через которые раскрываются, актуализируются или по-новому объясняются все иконы, относящиеся к этому лицу?

Для выявления общего связующего элемента в гимнографических песнопениях, прославляющих Богоматерь, анализируются службы в честь трех икон Божьей Матери, которые особо почитаются во Владивостоке.

Празднование Казанской иконы Божьей Матери отмечается 21 июля (8 июля по ст. ст.) и 22 октября (4 ноября по ст. ст.); службы в честь этой иконы помещены в минеях под числами по старому стилю, тексты служб идентичны¹.

День памяти иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» празднуется 6 ноября (24 октября); служба записана в октябрьской минее².

День празднования Порт-Артурской иконы Пресвятой Богородицы отмечается 29 августа (16 августа); службы в честь этого образа нет в минее. Она была составлена клириками г. Уссурийск и напечатана в 2007 г. отдельным изданием по благословению правящего архиерея Владивостокской епархии³.

Дни памяти Казанской иконы Божьей Матери, иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», Порт-Артурской иконы Пресвятой Богородицы являются престольными праздниками одноименных храмов. Значимы события литургического года для прихожан соответствующего храма и других приходов: верующие люди приезжают на храмовый праздник⁴. В этот день совершается самая торжественная служба (Всенощное бдение), равная по значимости двенадцатым праздникам. Так, в дни престольных праздников в честь икон

Божьей Матери храмовые главы Типикона № 8 и 9 отсылают церковнослужителей в раздел месецеслова под восьмое сентября (по ст. ст.) – для точного повторения указаний со службы в честь Рождества Пресвятой Богородицы⁵.

Литургисты В. Розанов и А. Кашкин, комментируя Типикон, указывают на то, что в храме в честь Богоматери канон из праздничной службы храма звучит в любой день субботы на Утрени, если случится память полиелейного или бденного святого [7, с. 307; 10, с. 180, 185].

Мы полагаем, что символы Богородицы были общими как для гимнографических текстов, так и для иконописных изображений, определяя тем самым древний храмовый синтез, знание которого необходимо для изучения процессов адаптации византийской культуры в Древней Руси. Для проведения данной работы важное значение имеет методология исследований, предложенная Г.В. Алексеевой сначала на певческом материале [2], а затем на тонких синтезирующих связях текстов, иконописных изображений и действия в целом при анализе процессов адаптации византийского искусства в Древней Руси [1].

Итак, полный комплект текстов в честь икон, посвященных Богоматери, поется в день памяти чудотворной иконы, а самое большое гимнографическое произведение из службы – канон – звучит в субботу на Утрени.

Рассмотрим состав текстов исследуемых служб. Все три службы имеют тексты для Малой вечерни, что дает возможность проанализировать больше стихир⁶: 1) на Малой вечерне – стихиры на «Господи возвах» и стихиры на стиховне⁷; 2) на Великой вечерне – стихиры на «Господи возвах», по восемь в каждой службе, стихиры на литии, стихиры на стиховне и тропарь; 3) на Утрени – седальны⁸ по 1-м и 2-м стихословии

⁵ Типикон. Т. 2. СПб.: О-во свт. Василия Великого, 1997. С. 1101.

⁶ Стихира – песнопение, написанное стихотворным размером или присоединенное к стихам. Современный церковный устав знает несколько видов стихир, различая их употребление по месту в богослужении. Это стихиры на «Господи возвах», литийные стихиры, стихиры на стиховне, на «Хвалитех».

⁷ Стихиры «на стиховне» или «стиховны» присоединяются не к повседневному псалму, например «Господи возвах», а к особым стихам, приуроченным к данному дню или празднику.

⁸ Седален – песнопение, предназначенное для сидения

¹ Минея октябрь. М.: Изд. совет Рус. Православ. Церкви, 2002. С. 544–615.

² Минея октябрь. С. 596–615.

³ Служба Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь и память обретения иконы Ея Порт-Артурския. Владивосток, 2008. 25 с.

⁴ Из личных наблюдений епископа Иннокентия (Ерохина), епископа Уссурийского, настоятеля храма в честь Успения Пресвятой Богородицы (Владивосток) и протоиерея Ростислава Мороза, настоятеля храма в честь Казанской иконы Божьей Матери.

(после чтения кафизм), седален по полиелее, по 50-м псалме стихира, канон (в службе в честь «Всех скорбящих Радость» два канона, и у каждой песни минимум 6 тропарей; в службе в честь Казанской иконы – два канона по четыре тропаря в каждой песне, а в службе Порт-Артурской иконе один канон по четыре тропаря), светилен⁹, стихиры на хвалитех¹⁰.

Тексты, посвященные Пресвятой Богородице, в литургической традиции именуется богородичными и крестобогородичными (в них рассказывается о стоянии Богородицы у Креста).

Но нашему мнению, богородичны по содержанию делятся на несколько видов.

Тексты, в которых рассказывается история празднуемого события.

«От Господа примите обещания плод, Иоаким и Анна Божию Матерь, благоприятную жертву, в храм введоша днесь, и Захария, великий архидиакон, благословив, прият» – первая стихира на «Господи воззвах» малой вечерни праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы¹¹.

«Радуйся, Иоакиме и Анно: радуйтесь, яко радости и спасения Ходатаица, от неплодове Дева, нам раждается» – первая стихира на стиховне малой вечерни праздника Рождества Пресвятой Богородицы¹².

Тексты с историческими событиями используются исследователями И. Языковой, П. Бусалаевым и др. для объяснения сюжетного ряда в иконе [4, 17].

Тексты, в которых истолковывается значение праздника или иконы в деле спасения человека и дается его богословское осмысление.

«Жизни присносущныя и лучшия смерть Твоя бысть прехождение, Чистая, от привременныя к божественней воистину и непреходимей представляя Тя, Чистая, в веселии Сына зрети Твоего и Господа» – второй тропарь четвертой песни первого канона праздника Успения Божьей Матери¹³.

«Прими от нас песнь исходную, Мати живаго Бога, и светоносною Твоею и Божественною осени Благодатию, воистину победительная,

молящихся во время его исполнения.

⁹ Светилен – песнопение, завершающее собою канон.

¹⁰ Хвалитные стихиры – тексты, исполняемые между стихами «хвалитных псалмов», – 148, 149, 150 Пс.

¹¹ Минея ноябрь. Ч. 2. 2002. С. 167.

¹² Минея сентябрь. 2003. С. 232.

¹⁰ Минея август. Ч. 2. 2002. С. 43.

христолюбным людям мир, оставление поющим и душам спасение подаючи» – третий тропарь девятой песни второго канона праздника Успения Божьей Матери¹⁴.

М. Скабалланович говорит о значении праздника Воздвижения Креста, используя не святоотеческие творения, а богослужебные тексты [11, с. 232–237]. М. Кено использует тексты Октоиха и Постной Триоди для богословского объяснения изображения «Сошествие во Ад» [8, с. 63–68]. Митрополит Иларион (Алфеев) раскрывает богословское содержание двенадцатых богородичных праздников, рассматривая содержание тропарей, стихир и других песнопений в честь этих событий Священной Библейской истории [4, с. 438–442; 446–450; 472–474; 550–553].

Вышеуказанные исследователи не рассматривают как отдельную группу тексты, в которых встречаются символы, однако, на наш взгляд, данная группа текстов заслуживает внимания, так как в них содержатся объяснения богородичных икон.

Тексты, в которых встречаются символы:

«Дверь непроходную Божий дом приемля днесь, престати сотвори всякой службе законной...» – первый тропарь четвертой песни первого канона праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы¹⁵.

«Всемирную славу, от человек прозябшую, и владыку родшую, небесную дверь воспоим Марию Деву... сия боя вся небо, и храм Божества...» – догматик первого гласа¹⁶.

«Яко дверь приводящую к божественному входу, яко рай божественный, яко мысленное место священства, яко доброту Иаковлю Деву ублажаем» – богородичен четвертой песни канона в службе священноисповеднику в Общей Минеи¹⁷.

«Гору и дверь небесную и мысленную Тя лествицу боголепно лик божественный пронарече...» – второй тропарь седьмой песни первого канона праздника Рождества Пресвятой Богородицы¹⁸.

Из рассмотренных примеров фрагментов служб, которые предназначены для звучания

¹⁴ Минея август. Ч. 2. С. 48.

¹⁵ Минея ноябрь. С. 178.

¹⁶ Октоих. Т. I. Украинская Православная Церковь. Киевская Митрополия, 2001. С. 25.

¹⁷ Минея общая. М.: Изд-во Москов. Патриархии, 1998. Лист 143.

¹⁸ Минея сентябрь. С. 244.

в разных моментах богослужения, можно предположить, что тексты с символами являются связующими звеньями между службами и гимнографическими текстами в честь Богородицы.

Выявим символы в службах в честь икон Пресвятой Девы, особо почитаемых во Владивостоке.

В честь Казанской иконы Божьей Матери: палата, престол, скиния (переносной храм, построенный Моисеем), кивот, гора, золотая стамна (сосуд), свещник, жезл Ааронов, трапеза (жертвенник), жилище, дом, град (город) одушевленный, свеча (свеча)¹⁹.

В честь иконы «Всех скорбящих Радость»: покров, пристанище в бури, стена необоримая (неприступная), град, дверь, престол, колесница Слова, облако, источник, купина, гора, сад, рай, свещник, чертог, селение, кивот, лестница (лестница)²⁰.

В честь Порт-Артурской иконы: звезда, чертог, дверь, лестница, ковчег, бездна щедрот, храм, рай, гора, престол, стена, двор пространнейший, палата, дом, скрижаль, купина, жезл, источник²¹.

Сравнивая символы, видим, что для всех служб одинаковы: престол, гора, свещник, жезл, град, дверь и лестница. Но в текстах отдельных служб есть свои особые символы, выражающие и раскрывающие образ Богородицы.

В рамках статьи нет возможности рассмотреть значение всех символов на основании литургических текстов. Рассмотрим смысл символа *Гора*, так как он чаще других встречается в исследуемых службах.

Именование *Горой* Богородицы встречается:

– в четвертой стихире на литии в службе Казанской иконе Божьей Матери – «*Гора еси великая и преславная паче горы Синайския, Богородице...*»²². Такое же начало имеет третья стихира на стиховне великой вечерни в службе «Всех скорбящих Радость»²³. Гора Синай – то место, где Бог беседовал и давал Закон еврейскому народу. Во время Теофании (Богоявления) гора Синай явилась еврейскому народу прообразом Божьей Матери;

– в первой стихире на литии в службе Порт-Артурской иконе – «*Кшми похвальными венцы увязем Тя, Мати Божия? Яко показала еси гора*

великая и преславная, паче горы Синайския, Богородице, она бо, не терпящи снития славы Божия во образех и сенех, огнем возгарашеся, и громи и молнии тамо быша, Ты же Божественный Огнь во чреве Твоем неопально носила еси»²⁴. В этих текстах *Гора* – это аллюзия на первые главы книги Исход Ветхого Завета;

– во втором тропаре четвертой песни канона в службе Порт-Артурской иконе – «*Божественный пророк Аввакум, видя грядущаго от горы приосененна, незаходящее Солнце, Спаса Христа, рождаемаго от Девы, и убояся...*»²⁵. Здесь встречается другая аллюзия символа *Гора*: в этом тропаре говорится о том, что гора в видении пророка Аввакума явилась прообразом Богородицы.

Исследователи иконографии и миниатюр, встречающихся в Евангелиях и Псалтири, чаще всего истолковывают изображение (образ) *Горы* как прообраз Божьей Матери, описанный у пророка Даниила и в Псалтири. Например, это можно видеть в трудах О.Е. Этингоф [16, с. 16].

Итак, символ *Горы* в гимнографических текстах и исследованиях ученых является аллюзией на три места Ветхого Завета: книга Исход, книга пророка Даниила и Псалтирь.

В следующих рассмотренных текстах символ *Горы* несвязывается с какой-либо книгой Священного Писания, а значит, понимание смысла верующим зависит от его уровня знания Священного Писания и Предания:

«*...радуйся, купино неопалимая; радуйся, гора святая; радуйся, саде живиносный...*» – шестая стихира великой вечерни на «Господи воззвах» в службе «Всех скорбящих Радость».

«*...радуйся, храме Господень, радуйся, гора приосененная...*» – восьмая стихира на «Господи воззвах» великой вечерни в службе «Всех скорбящих Радость».

«*Небесную дверь и кивот, всевятую гору... яко спасение в Ней содалася мирови...*» – четвертая стихира на литии в службе «Всех скорбящих Радость».

В первом тропаре 9-й песни второго канона в честь Казанской иконы Божьей Матери говорится о том, что все нижеперечисленные символы есть прообразы Девы Марии и, следовательно, являются

¹⁹ Минея сентябрь. С. 544–562.

²⁰ Минея сентябрь. С. 596–616.

²¹ Служба в честь иконы Порт-Артурския. С. 25.

²² Минея октябрь. С. 601–602.

²³ Служба в честь иконы Порт-Артурския. С. 7.

²⁴ Минея октябрь. С. 599.

²⁵ Минея октябрь. С. 560.

аллюзиями на события Ветхого Завета: «...лик пророческий многообразно провозвести, сень святую, Небес пространнейшую, скрижаль Богописанную и купину неопалимую, дверь Богопроходную, гору же и лествицу, и мост и жезл прозветиший...».

Богослужбные тексты с символами Богородицы служат не только для раскрытия смысла иконы Пресвятой Богородицы, но и для толкования литургического действия. Так, В. Лепяхин считает, что «само богослужение можно рассматривать как икону, как образ. В православии иконичны как богослужбные циклы (годовой, седмичный, суточный), так и каждая Литургия и отдельные богослужения. Весь годичный богослужбный цикл – это икона всемирной истории от сотворения мира до Страшного Суда» [9, с. 68].

Рассмотрим это на конкретном примере. Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин (XIX в.) считал пение «Господи возвах» временем провозглашения пророчеств в Ветхом Завете о событиях спасения Нового Завета [5, с. 57]. Иерей Николай Антонов говорил, что в этот момент не произносятся пророчества о грядущих событиях, а уже провозглашается учение о воплощении Сына Божия [3, с. 135]. В рассмотренных выше примерах указывается, что символ *Гора* встречается в возвзашных стихирах. Использовать этот символ можно для раскрытия смысла момента богослужения, так как он употребляется в тексте и как пророчество, и как видение исполнения пророчества о Боговоплощении в Вифлееме.

Подводя итоги нашего рассуждения, приходим к следующим выводам.

Тексты с символами Богоматери являются универсальными связующими звеньями в службах в честь Нее. Выявив значения символов в разных службах, мы предполагаем, что они будут раскрывать любое изображение Пресвятой Девы в пространстве храма во время литургического действия в любой день года.

Все символы, которые встречаются в богородичных гимнографических текстах, обозначают, раскрывают и именуют один образ – Пресвятой Богородицы.

В исследуемых службах встречаются символы: гора, купина, звезда, ковчег и пр.; в каждой из служб есть символы, которые отсутствуют в дру-

гих. Такое многообразие дает возможность в дальнейшем более глубоко и детально раскрыть образ Богоматери в текстах и иконах.

Символ *Гора* обозначает пророческое и богословское осмысление двух событий Священной истории: события Зачатия и Рождества Иисуса Христа.

Для раскрытия смысла символа необходимо большее количество текстов служб праздника и иконам в честь Пресвятой Девы.

Символы можно использовать для толкования моментов литургического действия независимо от места проведения.

Анализ процессов адаптации византийского искусства в Древней Руси необходимо проводить в опоре на выявленную символику, так как выразительные средства символики приходятся, как правило, на кульминационные точки гимнографии и являются определяющими для сюжетов иконографии, обеспечивая тем самым исследователя механизмом для сравнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г.В. Механизмы адаптации византийского искусства в Древней Руси и их значение для православной культуры стран АТР // Византийский след в культуре и искусстве Тихоокеанского побережья в пространстве полилога Китай–Корея–США–Австралия–Россия: материалы междунар. науч. конф. Владивосток : Дальнаука, 2012. С. 35–43.
2. Алексеева Г.В. Современные методологические подходы к изучению взаимодействия византийской и древнерусской певческих культур // Музыковедение к началу века: прошлое и настоящее. Российская академия музыки им. Гнесиных. М. : РАМ им. Гнесиных, 2007, с. 120–130.
3. Антонов Н.Р., иер. Храм Божий и церковные службы. СПб. : Типогр. М.А. Александрова, 1912. 236 с.
4. Бусалаев П. «Читаем» икону Сретения. URL: <http://www.taday.ru/text/166717.html> (дата обращения: 30.10.2012).
5. Вениамин, архиеп. Новая скрижаль, или объяснение о церкви, о литургии и всех службах и утварях церковных. М. : Изд-во Православного Братства святителя Филарета Митрополита Московского, 1999. 309 с.
6. Иларион (Алфеев), митр. Православие. Т. 2. М. : Сретенский монастырь, 2009. 975 с.
7. Кашкин А.С. Устав православного богослужения. Саратов : Саратовская Православная духовная семинария, 2010. 687 с.
8. Кено М. Воскресение и икона. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2001. 280 с.
9. Лепяхин В. Значение и предназначение иконы. М. : Паломник, 2003. 512 с.

10. Розанов В. Богослужебный устав Православной Церкви. М. : Православный Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 2000. 679 с.
11. Скабалланович М. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Киев : Пролог, 2004. 556 с.
12. Скабалланович М. Успение Пресвятой Богородицы. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 117 с.
13. Храмы. Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/churches/> (дата обращения: 30.10.2012).
14. Шалина И.А. Псковские иконы «Сошествие во ад». О литургической интерпретации иконографических особенностей // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. С. 230–263.
15. Щенникова Л.А. Силы Небесные: иконография и литургические тексты // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. С. 179–185.
16. Этингф О.Е. Образ Богородицы. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 312 с.
17. Языкова И. Акафист Пресвятой Богородице в иконах и фресках. URL: <http://www.taday.ru/text/962095.html> (дата обращения: 30.10.2012).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ ЭТНИЧЕСКИХ КОРЕЙСКИХ РЕПАТРИАНТОВ, ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ РОССИИ (1998–2011)

Рассматривается проблема сохранения культурной идентичности русскоговорящих этнических корейцев, вернувшихся на постоянное местожительство в Республику Корея из России. Выявлены факторы, способствующие и препятствующие сохранению культурной идентичности корейских репатриантов в принимающем обществе.

Ключевые слова: корейские репатрианты, социокультурная адаптация, русскоговорящие корейцы, культурная идентичность, этническая память.

Sociocultural adjustment of the Russian-speaking repatriates who returned from Russia to the Republic of Korea (1998–2011). DARIA A. SOKOLOVA (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

In the end of XX – the beginning of XXI century many Korean repatriates from the Sakhalin Island returned to the Republic of Korea for a permanent residence. This paper explores the issue of preservation of cultural identity of the Russian-speaking Koreans who moved to the Republic of Korea. The author determines the factors that help to promote the identity of the Korean repatriates in the host society and those that impede it.

Key words: Korean repatriates, socio-cultural adjustment, Russian-speaking Koreans, cultural identity, ethnic memory.

Проблема «разделенных народов» достаточно актуальна в современном мире. На сегодняшний день до конца не изучен вопрос формирования культурной идентичности вынужденных мигрантов и их роли в создании единого социокультурного пространства. Общины репатриантов являются важным элементом сложившейся системы социокультурных, политических и экономических отношений, что привлекает большое внимание социологов, антропологов, культурологов, исследователей в сфере этнополитической конфликтологии, демографии и юриспруденции.

Участь «разделенных народов» не обошла и Корейский полуостров. Корейские эмигранты были вынуждены покинуть родину не по своей воле. Корейская эмиграция в Россию была вызвана нуждой – не хватало земли, вводились огромные налоги, существовала безнаказанность

чиновников. В Россию корейские крестьяне попадали через неохраемые границы в качестве рабочей силы. Более полутора веков корейцы живут в России и бывших республиках СССР. Тема их переселения с Дальнего Востока долгое время оставалась запрещенной. Однако в конце 1990-х годов Япония предложила России и Южной Кореи организовать кампанию по репатриации сахалинских корейцев на историческую родину. Массовая репатриация корейцев с о-ва Сахалин в Республику Корея началась в 2000 г. На сегодняшний день в Республике Корея проживают около 3500 репатриантов из России и стран СНГ (данные посольства Республики Корея: www.infokorea.ru) [6].

Проблема сохранения культурной идентичности корейских репатриантов рассмотрена нами через призму их социокультурной адаптации в принимающем сообществе. Сделана попытка

*СОКОЛОВА Дарья Андреевна, аспирант кафедры философии Школы гуманитарных наук (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток). E-mail: selivanova_d@mail.ru
© Соколова Д.А., 2013

изучения данной проблемы на примере русскоговорящих корейских репатриантов. В ходе исследования решались следующие задачи: характеристика общности корейских репатриантов как устойчивой социокультурной системы; определение степени социокультурной адаптации репатриантов и изучение атрибутов их социокультурной компетенции в качестве показателя степени сохранения культурных границ сообщества.

В 2011 г. нами проведено анонимное анкетирование, в результате которого было опрошено 300 корейских репатриантов, компактно проживающих в специально построенных для них жилых районах в различных городах Республики Корея. Сбор социологических данных осуществлялся в режиме стандартизированного индивидуально-интервью. Выборочную совокупность можно охарактеризовать следующими параметрами:

1) большинство респондентов (71,3%) – это прибывшие в Республику Корея в период 2000–2008 гг. в рамках реализации кампании по репатриации корейцев из различных районов российского Дальнего Востока: Сахалинской области (89,3%) и Камчатского (0,7%), Хабаровского (5,1%) и Приморского (4,9%) краев;

2) почти половина репатриантов данной группы (44%) имеет среднее и специальное среднее образование, 34% – высшее или незаконченное высшее и 22% – неполное среднее образование;

3) сообщество представлено людьми, возраст которых свыше 55;

4) большинство респондентов переехали на постоянное место жительства в Республику Корея с супругом (супругой), и только 6,3% приехали без семьи.

Репатрианты, прибывшие на постоянное место жительства, представляют особую категорию мигрантов. Их характеризует добровольный выбор вернуться на родину своих предков, наличие «этнической памяти», что способствует более быстрой их адаптации в Республике Корея.

Хотелось бы отметить приверженность традициям, стремление к сохранению национальной культуры этнических корейцев, проживающих за пределами страны. Проведенный опрос показал, что 68,7% респондентов старались соблюдать корейские обычаи и традиции, отмечать национальные праздники, проживая в стране вынужденной эмиграции, 19,3% из них это делали регулярно,

49,4% – соблюдали только самые распространенные корейские национальные праздники, такие как Новый год по лунному календарю, сто дней со дня рождения, 60-летний юбилей, День корейской письменности, 1 Марта, День освобождения Кореи, Праздник урожая, Чхусок¹, обряд погребения, свадебный обряд, а также национальные обычаи – нормы поведения со старшими, деловой этикет и др. Большинство (73,9%) репатриантов и сейчас регулярно соблюдают национальные праздники, хорошо знают корейские обычаи и традиции. Проживая в стране эмиграции, этнические корейцы уже владели базовыми знаниями родного языка. Большая часть респондентов (70,5%) оценила степень владения корейским языком как «свободное» или отметила позицию «могу поддерживать разговор на бытовые темы».

В нормативно-регулятивном механизме сообщества корейских репатриантов можно выделить два аспекта: явный и скрытый. Явный аспект управления выполняется элитарной группой – Советом старейшин, деятельность которого распространяется в пределах данного сообщества. Большое значение в организации жизнедеятельности сообщества имеет и скрытый аспект управления, основанный на соблюдении обычаев, традиций. Оба эти аспекта управления тесно взаимосвязаны, что обеспечивает устойчивое и эффективное функционирование данного сообщества корейских репатриантов. С целью выяснения утилитарных принципов его функционирования в анкету был включен вопрос: *Если Вам требуется помощь в разрешении житейских проблем, то к кому Вы, скорее всего, обратитесь?* (Респонденты выбирали одновременно два и более ответов). В проблемных ситуациях опрошенные нами репатрианты чаще всего (в 64,1% случаев) обращаются в органы местного самоуправления; в совет старейшин – около 10,8%; к помощи родственников и друзей в разрешении житейских проблем прибегают 24,8%; стараются решить проблемы самостоятельно 6,4% опрошенных. Примечательно, что чаще всего репатрианты об-

¹ Чхусок (кор. 추석(秋夕), дословно осенний вечер) – корейский традиционный праздник. Празднуется 15 числа 8-го лунного месяца. В Республике Корея Чхусок, а также день до и после него являются нерабочими. Во время Чхусока корейцы обычно едут к себе на родину для встречи с родственниками.

ращаются за помощью в государственные представительства. Правительство Республики Корея в качестве взаимодействия с репатриантами выбрало стратегию диалога, основанную на принципах толерантности, взаимной уступчивости, признания прав меньшинства, взаимопонимания.

Стремление к сохранению границ сообщества обеспечивает внутри него культурную идентичность, «защиту от ассимиляции» [4, с. 214] в принимающем обществе. В данном случае одной из форм защиты целостности социокультурной общности можно считать (вос)производство культурной идентичности. Сообщество корейских репатриантов за время проживания в стране эмиграции аккумулировало информацию о ценностных нормах, установках, что позволяет в нынешних условиях проживания идентифицировать личность в категории «чужой–свой». В результате коммуникации как внутри сообщества, так и за его пределами происходит постоянная трансляция приобретенных за время эмиграции и вновь сложившихся в процессе социокультурной адаптации культурных форм, предпочтительных норм поведения, взаимодействия с принимающим социумом.

С целью оценки роли коммуникативного аспекта в формировании социокультурной общности корейских репатриантов респондентам было предложено проанализировать следующую ситуацию: *Слыша постоянно быструю речь на языке, которым еще не вполне владею, сталкиваясь с отношениями, к которым не приучен(а)*, – выбрать одну из предложенных моделей поведения человека, оказавшегося в ней: а) *Воспринимаю ситуацию как сложную и стремлюсь быстрее «выйти» из нее;* б) *В такой ситуации вижу возможность быстрее и полнее выучить язык, ближе узнать культуру.* Большинство респондентов (70,8%) выбрали модель поведения «б». К сожалению, данный вопрос анкеты оказался не очень удачным, так как 29,2% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Интересно отметить, что, проживая долгие годы в Республике Корея, большая часть репатриантов (76,7%) продолжает интересоваться событиями, происходящими в стране эмиграции, довольно часто обсуждает их в своей среде. Около четверти респондентов (23,3%) иногда или

очень редко интересуются и обсуждают события, происходящие в стране предыдущего проживания. И ни один респондент не ответил на вопрос анкеты: *Обсуждаете ли Вы в своей среде события, происходящие в России*, категорично *Никогда не обсуждаем.* Все респонденты поддерживают тесные связи с оставшимися в России родственниками, друзьями, знакомыми, регулярно используя для этого переписку, телефонные переговоры, электронные средства связи, личные встречи, в т. ч. и на территории Республики Корея. Таким образом, сообщество корейских репатриантов включает не только всю совокупность индивидов, которые принимают непосредственное участие в миграционных процессах, но и опосредованно, через сеть социокультурной коммуникации, распространяют свою идентичность на другие сообщества, способствуя сближению и объединению различных социокультурных пространств.

В процессе аккультурации репатриантов как на уровне отдельной личности, так и сообщества в целом, возникает неизбежный выбор: интегрироваться в принимающее общество, принять в каком-то роде уже чужую для них культуру или найти компромисс между социокультурной идентичностью и культурной адекватностью принимающему обществу.

Как показывают исследования, корейские репатрианты стремятся выдерживать социокультурную дистанцию и сохранить свою культурную идентичность, что подтверждают ответы респондентов на вопрос анкеты: *На Ваш взгляд, русскоговорящие корейцы стремятся быть похожими на местных корейцев или, наоборот, быть не похожими?* Респонденты дали отрицательный ответ в 56,9% случаев, более того, они отметили, что необходимо стараться сохранить свою самобытность. Часть респондентов (15,1%) считают, что у местных корейцев необходимо перенять только положительные качества и 25,4% – стремятся быть похожими на местных корейцев; 2,6% респондентов не смогли однозначно ответить на поставленный вопрос.

Для определения самоидентификации личности респондентам было предложено соотнести себя с той или иной группой, ответив на вопрос: *Как бы вы ответили на вопрос о том, кем лично Вы себя ощущаете, если бы Вас спросили*

об этом в какой-либо стране? Для ответа были предложены следующие варианты: *кореец, гражданин Республики Корея, русский и другие*. Большинство респондентов (74,5%) назвали бы себя «кореец», 14,3% выбрали ответ «русский», 11,2% – «гражданин Республики Корея». По-видимому, с понятием «кореец» респонденты ассоциируют культурную идентичность большей степени обобщенности, чем с понятием «гражданин страны». Стремление к сохранению идентичности может рассматриваться как системообразующий фактор консолидированности корейских репатриантов, направленный на сохранение устойчивости социокультурного сообщества.

Сохранение социокультурной дистанции в некотором роде препятствует полной ассимиляции корейских репатриантов. На сегодняшний день мы наблюдаем процесс интеграции корейских репатриантов, основанный на «усвоении культуры принимающего общества и сохранении основ своей культуры, формировании новых повседневных практик кросскультурного взаимодействия» [1, с. 9]. По утверждению С.Н. Иконниковой, стратегия интеграции в принимающее общество является «наиболее успешной стратегией достижения межкультурной компетенции» [2, с. 29]. Несмотря на интеграционные процессы, сообщество корейских репатриантов можно считать достаточно устойчивой этно-, социокультурной системой, обладающей собственной культурной идентичностью и вполне устоявшимися культурными формами.

Далее рассмотрим культурные формы выражения идентичности репатриантов. Идентичный культурный опыт репатриантов и есть особенность, отличающая их от принимающего общества. Укоренившиеся за годы проживания на чужбине традиции, определенный тип мировоззрения, сформировавшийся под влиянием культур стран эмиграции, поведенческие стереотипы являются определенными формами выражения идентичности корейских репатриантов. К тому же, по мнению профессора Иконниковой [2, с. 34], «этническое меньшинство, долгое время проживающее за границами своей исторической родины, стихийно формирует некий идеальный образ отчего края. Никакие реальные сведения не способны внести в такую этнокультурную утопию существенные коррективы». Данное

предположение подтверждают и результаты исследования. Все опрошенные корейские репатрианты определили цель своего переезда на постоянное место жительства в Республику Корея как «возвращение на историческую Родину, землю предков». Образ исторической родины также может рассматриваться как один из способов выражения идентичности корейских репатриантов. Проблема культурной идентичности корейских репатриантов и культурных форм ее проявления требует дальнейшего тщательного изучения. Общность материнского этноса и единообразие социокультурного мышления, глобализация культуры стирают специфические особенности культурных признаков между репатриантами и коренным населением.

Несмотря на относительно дружелюбное отношение местного населения к репатриантам, данное сообщество сохраняет свою дистанцированность от автохтонного населения. Границы сообщества корейских репатриантов можно считать довольно устоявшимися и жесткими. Учитывая возрастной контингент адаптантов и особенности их социального положения (относительная территориальная, социальная изолированность, маловероятность межкультурных браков и т. д.), непосредственные контакты с принимающим населением практически сведены к минимуму и включение новых членов маловероятно.

Показателем степени консолидированности, целостности сообщества может служить социокультурная адаптация в принимающем обществе [5, с. 49]. Различия между культурами в языке, религии, структуре семьи, уровне образования, материальном комфорте, климате, пище, одежде и пр. корейских репатриантов вызывают определенные трудности при вхождении их в инокультурную среду Республики Корея.

Респондентам было предложено оценить степень своей адаптированности к условиям проживания в Республике Корея по 9-балльной шкале: от 1 – совершенной непригодности до 9 – полной приспособленности. Подавляющее большинство респондентов (87,9%) считают, что они достаточно полно адаптировались к условиям проживания в Корее, и оценивают степень своей приспособленности выше 5 баллов, из них более половины (62,2%) считают себя полностью адаптированными (9 баллов).

К чему же труднее всего привыкать репатриантам? Труднее всего для респондентов оказалось привыкнуть к климату, особенно к летней жаре (на это указали 74,8% опрошенных). Это вполне объяснимо, так как они являются пожилыми переселенцами с российского Дальнего Востока, которым тяжело переносить жаркое сухое лето Корейского полуострова. Также большинство (76,3%) репатриантов беспокоит экологическая обстановка в месте проживания (шум, загрязненность воздуха, большая скученность народа). Трудности в понимании языка отметили 30,1% респондентов. Часть респондентов (12,4%) скучают по оставленным родственникам и друзьям. Ни один представитель репатриантов не отметил смену «кухни» как проблему адаптации. Проблему разницы в менталитете отметили 14,3%. И только 4,6 % от всех опрошенных практически не испытывали никаких трудностей.

В ответах на вопросы, касающиеся их личной безопасности в стране пребывания, все респонденты подтвердили, что, проживая в Республике Корея, они практически не испытывают беспокойства за свою личную безопасность. Следовательно, проблема личной безопасности не была приоритетной при принятии решения о переезде. Большая часть респондентов (74,2%) не испытывала особого беспокойства по поводу своей личной безопасности и проживая в России, но более четверти респондентов (25,8%) до переезда в Корею были обеспокоены этой проблемой.

Итак, одним из наиболее важных факторов сохранения культурной идентичности корейских репатриантов является культурный опыт, приобретенный за время проживания в стране вынужденной эмиграции, а именно: укоренившиеся традиции, определенный тип мировоззрения, поведенческие стереотипы, языковые особенности. Сформированный за время эмиграции «идеальный» образ исторической родины также является положительным фактором, направленным на сохранение культурной идентичности корейских репатриантов. В свою очередь общность

«материнского» этноса и социокультурного мышления, глобализация культуры направлены на нивелирование культурных признаков репатриантов и коренного населения. Сообщество корейских репатриантов через сеть социокультурной адаптации распространяет свою идентичность за пределы общины, осуществляя тем самым транснациональную роль в формировании единого социокультурного пространства.

Полученный в результате исследования феноменологический срез процесса формирования и сохранения культурной идентичности корейских репатриантов в современных условиях Республики Корея может быть использован для дальнейшего более детального исследования. В частности, представляет интерес проблема более конкретного изучения культурных форм, характеризующих культурную идентичность корейских репатриантов, а также вопрос определения баланса между культурной идентичностью личности и ее культурной компетентностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос, 2003. 350 с.
2. Иконникова Н.И. Механизмы межкультурного восприятия // СОЦИС. 1995. № 11. С. 26–34.
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ в поликультурном городском центре // Актуальные проблемы современности: наука и общество: сб. науч. тр. / ИЦ «Социум и молодежь», ПАГС (филиал в г. Балаково). Саратов : Наука, 2006. Вып. 5. С. 6–17.
4. Мокин К.С. Социальные сети мигрантов // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 210–222.
5. Мокин К.С. Этничность как конфликтогенный фактор // Балаковский меридиан: сб. науч. тр. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. М., 2007. № 2. С. 45–55.
6. Корейская культурно-информационная служба / Посольство Республики Корея. URL: www.infokorea.ru (дата обращения: 06.10.2011).

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПСИХОЛОГА

Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что личность творит культуру, а культура питает и растит личность, что между ними существует двусторонняя и притом духовная связь. Оба этих акта представляют собой не разделенные во времени причину и следствие, а единый процесс, и разделение их весьма условно, хотя и привычно. Например, психологи уже давно забыли, что психология – это наука о душе. С.С. Аверинцев как-то заметил, что гуманитарная наука – это наука без человека. Наличие в ней субъекта – это уже кое-что, но субъект человека не заменяет. Не заменяет и личности. Автор данной статьи вначале, следуя установившейся инерции, разделяет культуру и личность, а затем пытается представить их как единое нераздельное и неслиянное целое.

Ключевые слова: личность, психология, культурно-исторический подход, культура, субъект.

Personality in the context of the cultural historical approach: reflections of a psychologist.
VLADIMIR P. ZINCHENKO (Russian Academy of Education).

We could hardly find people who would question the statement that personality creates culture and culture nourishes and raises personality, that they both are connected to each other in a very close spiritual way. The creation of culture by personality and the formation of personality by culture constitute a unified process though it is very familiar for the everyday cognition to treat them as independent acts. For example, many psychologists have forgotten that psychology is a study of soul. Sergey Averintsev once noted that humanities are studies without human. Every of them do has its own subject, but whatever this subject is it can't be a substitute neither for a human nor for a personality. The author of this paper first follows the tradition of separating the phenomena of culture and personality, but then tries to prove that they are tied in a unified, indivisible and unmerged whole.

Key words: personality, psychology, cultural historical approach, culture, subject.

Субъект, индивид, личность

Психология давно мечется, скорее даже, заблудилась в терминах «субъект», «индивид», «персона», «личность», «Я», «человек». Последний кажется наиболее безобидным, так как он со всех сторон увешан ни к чему не обязывающими, преждевременными комплиментами: *sapiens, faber, habilis, erectus* и т. д. «Человек» – это всё и ничего. В последние десятилетия в психологии слишком большое распространение полу-

чила философская категория «субъект», вполне уместная в традиционной субъект-объектной парадигме. При этом психологи, кроме экспериментаторов, пренебрегли этимологией этого слова. Субъект (*sub-ject*) – это под-лежащее, в экспериментальной психологической лаборатории – это испытуемый, подлежащий оценкам, испытаниям, исследованиям. К тому же подобные оценки и испытания носят, как правило, частичный характер, например оцениваются скорость

*ЗИНЧЕНКО Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра комплексных исследований развития человека Института общего среднего образования РАО. E-mail: vzinchenko@hse.ru

© Зинченко В.П., 2013

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект 11-03-00011

реакции, пороги ощущений, объем внимания и памяти и т. п. Другими словами, субъект вполне может идентифицироваться с тем или иным прибором, выполняющим те или иные функции. Этим, собственно, и исчерпывается вся «психология» субъекта. Сегодня философски и психологически подозрительные субъекты с неясными смыслами и значениями блуждают по страницам психологической литературы, далеко выходя за пределы психофизики, психометрики и входя в сферы психологии деятельности, сознания, индивидуальности и личности. Более того, часто термины «индивид», «личность», «я», «персона» оказываются в тени термина «субъект». Возможно, психологи, ощущая некоторый когнитивный диссонанс, связанный с трудностями определения тех или иных терминов, образуют из них синкреты, якобы проясняющие предмет их размышлений и исследований. Подобных словосочетаний множество: «личностный субъект», «субъектность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «индивидуальность личности как субъекта» жизни, познания, чувства и т. п. На этом фоне значительно понятнее звучат, видимо, не без иронии и шарма, предложенные термины: В.С. Библер – «многояйность», М. Пруст – «роистое Я», В.А. Петровский – «единомножие Я». Мне трудно судить о мотивах образования подобных странных синкретов. Может быть причиной является опять-таки ощутимая авторами несамодостаточность каждого отдельного из них. Чтобы ее компенсировать, идут не по трудному пути превращения слова в концепт или в понятие, а по пути как бы разъясняющего дополнения одного слова другим. Второй путь лишь затрудняет понимание, так как за каждым словом тянется шлейф ассоциаций, культурных значений и смыслов, скрытых в его внутренней форме.

Например, психологи игнорируют многообразные значения слова «субъект» в философии, где оно вполне содержательно и дифференцировано: эмпирический, конкретный, индивидуальный, коллективный, синергетический, общественный, этический, эстетический, трансцендентальный, абсолютный и даже X субъект. Психологи используют это понятие как нечто само собой разумеющееся, не раскрывая его содержания. Словосочетания «личностный субъект», «субъектность личности» небезобидны.

Их принятие, конечно, существенно облегчает работу психолога, поскольку деиндивидуализирует и обезличивает личность, освобождает его от работы с реальным человеком, заменяет ее игрой со словами «субъект» и «личность». Спору нет – индивидуальность сложна, уникальна, неповторима, а субъект обманчиво прост, он знак того, что, например, такие акты, как познание, чувство, воля не витают в пустоте, а к чему-то (кому-то?) привязаны. Раньше они признавались атрибутами души, а потом, когда от нее отказались, их приписали в качестве функций неопределенному *психологическому субъекту*. Это произошло не вчера и даже не позавчера. В 1922 г. Г.Г. Шпет в контексте размышлений о соответствии логических и онтологических форм слова язвительно писал, что учителям грамматики не до шуток, «когда из под масок логических и грамматических субъектов начнут вылезать рогатые рожи еще и *психологических субъектов*, которых здоровые и трезвые люди никогда и не видели, ни во сне, ни наяву. Психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют. Психологического в таком субъекте – одно наваждение, и стоит его принять за всамделишного, он непременно втащит за собой еще большее диво – *психологическое сказуемое!*» [13, с. 225]. Предваряя дальнейшее, скажу, что злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессознательный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски. Вспомним комичный протест обиженного персонажа чеховской «Свадьбы» в блистательном исполнении Эраста Гарина: «Я вам не субъект какой-нибудь!». Задолго до Г.Г. Шпета В. Дильтей писал: «В жилах познающего субъекта, которого конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности» [12, с. 274]. У перечисленных Дильтеем философов и сегодня есть подражатели, предлагающие заниматься «сборкой субъекта».

Шпет говорил об искусстве, что оно, прежде чем стать деятельностью производящей продукт, «есть познание цельного предмета целью личностью в их взаимной характерности» [13, с. 145]. Этот же мотив мы встречаем у П. А. Флоренского: «Итак, познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей, из которых каждая для другой является и объектом и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью» [10, с. 74]. В книге «Введение в этническую психологию», опубликованной в 1927 г., Г.Г. Шпет как бы подвел итог своих ранних размышлений о смысле и значении концепта «субъект», используемого в контексте психологии. Он считал необходимым окончательно преодолеть «традиционное представление о субъекте как индивидуальной особи – туманном биологическом прикрытии все той же гипотезы субстанциональности (например, души – В.З.). И далее, легко показать уже действительное содержание термина. *Формально* это есть лишь указание на некоторого рода тип или характер, а потому нечто изначально коллективное, что обязывает нас, обратно, и индивидуальное – в его структуре и составе – трактовать как коллективное. Все это уже не просто истолкование или перетолкование термина, а новый *смысл*, новый *принцип*, новый *метод*» [12, с. 420]. В отличие от приведенных выше трактовок субъекта, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет (добавим и М.М. Бахтин), хотя каждый по-своему, но единодушно рассматривали уникальность, единственность, неповторимость, незаместимость индивидуальности, личности и «я».

Иное дело субъект как знак. Шпет писал, что он хочет «сделать предметом принципиального анализа самого субъекта как *своего рода* объект, точнее, со-объект, притом как “социальную вещь”, но не в качестве только *средства*, а в качестве также *знака как такового* и носителя знаков» [13, с. 477]. И далее: «Лицо субъекта выступает как некоторого рода *репрезентант*, представитель, «иллюстрация», знак общего смыслового содержания, *слово* (в его широчайшем символическом смысле архетипа всякого социально-культурного явления) *со своим смыслом* (Цезарь — знак, слово, символ и репрезентант цезаризма. Ленин – коммунизма и т. п.)» [13, с. 486].

Не уверен, читали ли классики отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета, откуда взята эта выписка. Но они не злоупотребляли термином «субъект» за пределами философской субъект-объектной парадигмы. В психологическом же контексте им достаточно было пары «индивид – личность», или – другой триады: «организм – индивид – личность» (см. более подробно [4]).

На мой взгляд, подлинным предметом психологии являются неделимый индивид, индивидуальность, от которой возможны два пути. Первый, условно говоря, вниз – к субъекту, к функции, к подлежащему, например эксплуатации, в пределе – зомбированию. Второй путь вверх – к личности, которая есть предмет зависти, ненависти, удивления, восхищения, подражания, незаинтересованного художественного изображения, а не исследования, тестирования, формирования (М.М. Бахтин). «Сформированная» извне личность – это наличность того, кто ее сформировал. Личность есть тайна, чудо, миф (А.Ф. Лосев). Она не нуждается в экстенсивном раскрытии. Ее видно сразу – по жесту, слову. П.А. Флоренский утверждал: личность, как и деятельность, не подлежит научному определению, понятию и выходит за пределы всякого понятия. Личность сама есть предел *устремлений*, предел самосозидания, самостроительства, самоактуализации, идущей вместе с самосозиданием. Главные черты личности – абсолютная свобода и ответственность. У Б. Пастернака встречается нечто подобное: «Человек, деятельность человека должны заключать элемент бесконечности, придающий явлению определенность, характер» [7, с. 235]. Определенность и характер, но не понятие. Вяч. И. Иванов когда-то заметил, что древнее имя личности – герой. В этом же направлении шли размышления К. Юнга: «Героем, вожаком, спасителем является как раз тот, кто открывает новый путь к большей безопасности. Ведь все могло остаться по-старому, если бы этот новый путь не стал настоятельной необходимостью и не был открыт; человечество не нашло бы новый путь, если бы не претерпело всех казней египетских. Неоткрытый путь в нас – нечто психически живое, что классическая китайская философия

называет “дао”, уподобляя водному потоку, который неумолимо движется к своей цели. Быть в дао означает совершенство, целостность, исполненное предназначение, начало и цель. А также полное осуществление смысла земного бытия, от рождения присущего вещам. Личность – это дао» [15, с. 208]. Приведенное яркое описание трудно счесть определением личности, оно, скорее, похоже на лосевские *чудо и миф*.

Личность не только не подлежит определению, она не подлежит и измерению. Этим она отличается от безличного и измеримого субъекта. Поэтому «субъектная личность», «измеримая личность» это оксюмороны, подобные оксюморонам «живая смерть» и «смертная жизнь». Я понимаю, что *число пьянит* (Ш. Бодлер), но слово отрезвляет. Личность как предел измерить нельзя. Как измерить *наши беспредельный к беспредельности порыв* (Р. Фрост)? Даже *То, на что способно человеческое тело, никто еще не определил*. Спиноза имел в виду *мыслящее тело*. М. Цветаева не случайно спрашивала: *Что же мне делать <...> С этой безмерностью в мире мер?* Только безмерность может стать мерой всех вещей. Культура ведь тоже *безмерна*. И тем не менее обе безмерности – личность и культура – могут служить мерами (мерилами) друг для друга. Личность способна достигать высот культуры в каких-то областях и даже превосходить их. В противном случае развитие культуры остановится.

Н.А. Бернштейн и Л.С. Выготский характеризовали личность как верховный синтез поведения, деятельности, сознания; добавлю – и синтез не в меру расплодившихся Я. Этот странный синтез переходит в авторство. Видимо, чудо личности скрыто в таинственном избытке индивидуальности (С. Дали), в способности преодолевать, например, избыток возможных траекторий развития, выбирать (строить) ту единственную, о которой будут потом говорить, как о судьбой ей предназначенной. Оно, подобно чуду души, скрытому в столь же таинственном избытке познания, чувства и воли. Избыток или остаток: *Целое не делится на разум без остатка* (В. Гёте).

Приведенная возвышенная характеристика личности выходит за пределы психологии. Она содержит в себе культурно-исторические, философские, эстетические и этические аспекты.

Не *чересчур ли широка* так понимаемая личность? Не пытаются ли психологи ее *сузить*, добавляя слово субъект, привести ее в соответствие с существующими методами естественнонаучного исследования индивидуальности и субъекта и пренебрегая гуманитарными? Разницу между ними ясно выразил М.М. Бахтин: «“Научность” обладает двумя точными признаками (конститутивными): отношение к эмпирии и отношение к математике; такова естественная научность. Другой (из единственно 2 существующих) типов научности есть научность гуманитарных наук, определяемая отношением к эмпирии и отношением к смыслу и цели» [1, с. 327]. Отдавая предпочтение математике и измерениям, психологи парадоксальным образом превращают почитаемого ими субъекта, а вместе с ним и личность в объект, прежде всего, в объект тестирования, манипулирования, управления, формирования. Происходит нечто вроде леонтьевского сдвига мотива на цель, и математические измерения и формулы становятся единственным и абсолютным смыслом (и целью) исследований личности, что роковым образом делает их бессмысленными. Человек выпрыгивает из пифагоровых штанов, то есть трансцендирует. Кто-то резонно заметил, что лошадь, конечно, можно заставить войти в воду, но ее нельзя заставить эту воду пить. Человек в этом смысле похож на лошадь.

Когда я говорю, что главным предметом психологии является индивидуальность, то это не означает отказа психологии в праве на изучение личности, ее раскрытия, становления, взлетов, кризисов, падений, потери лица, нового рождения (возрождения) и т. п. Нелепо противиться дискуссиям на тему, с чего начинается личность? С чувства «Я», с осознания себя, с овладения собой, со способности к сопротивлению, с *самостоянья*, со *свободного ума*, с переживания, с открытия своего пути, с поступка? Или дискуссий о том, что является ядром личности? Мотивы, аффекты, воля, позиции, свобода, творчество? А может быть, сама личность, понимаемая, например К. Юнгом, как наделенная силой душевная целостность, – ядро всего? Я против обыденности словоупотребления культурного концепта «личность». В конце концов, личность – это человек исторический, понимающий свое место в истории, в социуме, в культуре. И ее следует рассматривать в этом более широком контексте.

Выход в такой контекст заставляет задуматься о далеко не всегда завидной судьбе личности. К. Юнг начинает разговор о становлении личности строками В. Гёте: *Счастлив мира обитатель / Только личностью своей*. Затем он умеряет энтузиазм поэта, говоря, что «развитие личности от исходных задатков до полной сознательности это харизма и одновременно проклятие: первое следствие этого развития есть сознательное и неминуемое обособление отдельного существа из неразличимости и бессознательности стада. Это – одиночество, и по этому поводу нельзя сказать ничего утешительного. От этого не избавит никакое успешное приспособление к существующему окружению, а также ни семья, ни общество, ни положение. Развитие личности – это такое счастье, за которое можно дорого заплатить. Тот, кто более всего говорит о разворачивании личности, менее всего думает о последствиях, которые сами по себе способны отпугнуть слабых духом» [15, с. 193]. Юнг даже подозревает педагогическое и психологическое воодушевление по поводу воспитания личности ребенка в бесчестном умысле: говорят о ребенке, но, по-видимому, имеют в виду ребенка во взрослом, в котором застрял именно ребенок, вечный ребенок.

Несмотря на давние предупреждения Юнга и многих других, демагогия о формировании личности едва ли не с колыбели и до студенческого возраста включительно продолжается. Попытки неумелой и насильственной реализации этой демагогии есть ущемление прав ребенка на детство. А без нормального проживания и переживания своего детства раскрытие в Себе Личности (которое, по Бахтину, сродни Откровению) невозможно.

С чем же (с кем же!), помимо индивидуальности и личности, должна иметь дело психология? Думаю, что психологи недальновидно поспешили передать психоанализу проблему «Я», которой психоаналитики неплохо распорядились, показав, что проблема «Я» может быть предметом научного анализа, хотя она далеко не исчерпана (см. [3, с. 157–194]). Замечу, что психоаналитики достаточно трепетно относятся к проблеме личности. Рассматривая «Я» (и даже «Сверх-Я») как инстанцию или подструктуру личности, они воздерживаются от определения и расшифровки ее структуры. Действительно, трудно понять, что

значит возникновение «Я» в результате расчленения какой-то психической сущности с плохо определенным статусом. Для возникновения «Я» нужен «Другой».

И все же «Я» ближе, чем таинственная и недоступная личность. Близость «Я» к нам и одновременно к культуре и творчеству демонстрирует поэзия. Например, О. Мандельштам: *Я, создатель миров моих; Я и садовник, я же и цветок; Я слепой и поводырь; И, несозданный мир лелея / Я забыл ненужное «я»*. Наконец, из стихотворения Notre Dame:

*И думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.*

Здесь психология может не издалёка смотреть на человека, индивида, личность, персону, а на изнутри исходящую активность, на драму поиска собственного «Я», на драму взаимоотношений «Я – второе Я», на «Совокупное (с другим) Я», на детское «Я сам», на «фиктивное Я» и т. д. Не будет преувеличением сказать, что развитие Я ведет, в конце концов, к культуре «Я». Когда мы, вслед за М. Фуко, понимаем известную сентенцию: *Познай самого себя* как психотехническую процедуру и критерий успешности *Заботы о себе*, то имеем в виду не отчужденную от себя личность, а именно себя, свое или чужое «Я».

Творческий потенциал «Я» направлен не только на внешнее, на создание культурных благ, но и на созидание самого себя, на достижение собственных успехов (и неприятностей!). В такой работе «Я» претерпевает, преодолевает, овладевает собой, своими действиями, чувствами, помыслами, становится свободным и может сказать: *Я свободе, как закону, / Обручен...* Отсюда же и ответственность: *Все в мире переплетено / Моею собственной рукою* (О. Мандельштам).

Не все обстоит гладко и с различением личности и индивидуальности. В свое время Б.М. Теплов справедливо писал, что неразработанность вопросов общей (!) психологии личности есть, несомненно, одна из причин неудовлетворительной разработки вопросов индивидуально-психологических различий. Если мы внимательно посмотрим на нашу психологическую литературу, то увидим, что большее число работ, судя по их названиям, посвящено личности, хотя на самом деле они относятся

к индивидуальности. Это вполне объяснимо влиянием англоязычной литературы. При переводах слово «personality» переводится не как «индивидуальность», что было бы адекватно содержанию, а как личность. Поэтому не всегда удается понять, что на самом деле является предметом исследования того или иного автора. Приведу пример. В.Д. Небылицын определял темперамент как характеристику индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности, т. е. темпа, быстроты, ритма, интенсивности, составляющих эту деятельность психических процессов и состояний. Далее автор выделял в структуре темперамента общую психическую активность индивида, а сущность последней видел в *тенденции личности* к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности. В другом месте он писал, что понятием общей активности объединяется группа личностных качеств, обуславливающих внутреннюю потребность, тенденцию индивида к освоению внешней действительности и к тому же самовыражению относительно внешней действительности. В этих дефинициях и рассуждениях индивид и личность неразличимы [6, с. 60]. Действительно, как отделить личность, если, конечно, она есть, от ее носителя? Попробуйте отделить:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

А.С. Пушкин

Здесь личность Александра I едва просматривается. И есть ли она?

Может быть, в отсутствии строгих определений имеется некоторый смысл, так как открывается простор для игры в слова, чем не без удовольствия мы можем заниматься. Например, Б.Г. Ананьев считал, что *личность* является вершиной структуры психологических свойств, а индивидуальность – глубиной личности, т. е. глубиной той же анонимной структуры психологических свойств. Переведу на понятный мне язык: личность – поверхностное явление – она мелко плавает, а индивидуальность взлететь не может. Видимо, чувствуя возможность подобной иронии, Б.Г. Ананьев использовал термин «структура», а не «человек».

Не отличается определенностью и понятие «индивидуация» К. Юнга. Это *процесс* интеграции личности, ведущий к ее фундаментальной целостности. Цель индивидуации (как процесса) в высшем самопознании и идентификации. Невольно вспоминается Гёте: *Познай себя... Что толку в том? Познаешь, а куда бежать потом?* Однако эти две *когнитивные процедуры*, согласно К. Юнгу, представляют собой *путь* достижения личностью высочайших образцов, таких как Иисус Христос, Будда, для чего требуется иррациональный зов самости. При становлении личности такой зов, как и предназначение и избираемый путь, непременно должны быть осознаны. Здесь можно увидеть прототип призывов к созданию «Я-концепции» и к модной ныне самоактуализации. Первая хороша не до, а после, например: *Ай да Пушкин, ай да сукин сын!* Сказано после создания «Бориса Годунова», а не до. Поучительна «Я – концепция» А.А. Ухтомского: *Я – слуга и орган Духа*. Встречаются и курьезные «Я – концепции» или самоидентификации: *Я – председатель Земного шара* (В. Хлебников), *Я – гений Игорь Северянин*. В них, по крайней мере, есть шарм, в отличие от дремучей «Мы – Николай II» и множества ей подобных.

Отсутствие определений не мешает изучать недоопределенный предмет и думать о нем. Психология мало по малу, вслед за другими науками, становится толерантной к неопределенности. Былая нетерпимость к ней тем более удивительна, что в нашей науке вполне определенными были только артефакты, полученные в лабораторных условиях. Г.Г. Шпет более ста лет тому назад, еще до А. Эйнштейна, писал о необходимости сформулировать в психологии общий закон относительности, подобный закону Вебера-Фехнера.

Напоминание о культуре

Общий смысл сказанного выше состоит в том, что с психологической точки зрения соотношение концептов «человек», «личность» и «Я» с культурой более культуросообразно, чем соотношение с ней «субъекта». Культурное действие есть действие социальное, историческое, оно наиндивидуальное, личное, личностное действие. Конечно, за термином «личность» должен слышаться некоторый аванс, ее потенциал, перспектива развития, ожидание нового рождения, внутренний закон, определенность, целостность.

В трагические для России годы между 17-ми и 20-ми гг. XX в. Г.Г. Шпет в докладе «Социализм или гуманизм» свел воедино четыре понятия: человечность (гуманизм), культура, сознание, творчество. Публикатор конспекта доклада Т.Г. Щедрина, подчеркивая личностный характер текста, видит в нем возможные причины того, почему Густав Шпет остался в России, а не отплыл на «философском пароходе» (см. [14, с. 236]). Видимо, уже понимая, что его доклад – это глас вопиющего в пустыне, он до самой своей гибели продолжал работать во благо возрождения культуры в России. Тем внимательнее нужно относиться к его текстам.

Начну с данной Шпетом характеристики культуры: «Совокупность осуществленных благ – культура – наука, искусство, поэзия, философия, религия, правда. Самый процесс осуществления – та же культура. Идея, осуществляемая в культуре, – человечность: эмпирически слабый и немощный человек в человечности осуществляет абсолютную человеческую правду – подлинную свою сущность. Вот почему культура есть то, что санкционирует все, и что не подчиняется никаким санкциям – безусловная свобода и анархия духа!

Здесь правда человечности, потому что культура – единственное, что оправдывает нашу жизнь! Впрочем, не только оправдывает, но и возлагает обязательства: возвышать себя к ней и в ней развитием своих духовных сил. Суду культуры подлежит все наше человеческое, подлежит и социализм, и только в ее свете: что в нем осуществляет идею человечества, что в нем – благо, и что – сор?» [14, с. 249].

Далее Шпет отдает должное творцам культуры, их прояснившейся человеческой мысли и человеческой совести: «И вот, если оглянемся назад – над хаосом социальной, политической борьбы – высокие вершины творцов человечности – и во все времена группы лиц, их чтущих, за ними идущих, распространяющих далее полученные от них блага» [14, с. 250]. И здесь же Шпет определяет условия *чистого творчества* как такового:

«1, абсолютно свободно в смысле мотивов и побуждений.

2, имеет цели в себе самом, т.е. ни для чего...

3, оно всегда в *настоящем*, не знает «истории».

4, оно есть раскрытие и осуществление идеи.

5, эмпирически осуществленное сохраняет свое единичное значение.

6, абсолютно лично.

7, осуществление идеи человечества или *гуманизма*»

Шпет связывает культуру и творчество с сознанием. Он пишет, что культурные блага, воплощающие *идею*, имеют объективное значение. Они «как предмет культурного переживания не составляют замкнутой отгороженной сферы от полного содержания жизни. Напротив, все содержание проникается ими, приобретает новую структуру, по-новому организуется: культура организует сознание! Новый тон и стиль сознания!» [14, с. 252]. Обратим внимание, что культура организует сознание через культурное *переживание*, а не непосредственно. Близкие мотивы мы находим у М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Ф.В. Бассина, считавших переживание единицей, источником сознания (и личности). Далее Г.Г. Шпет характеризует состав сознания:

«I, data – созерцание – чистое созерцание – культурное благо – абсолютное и в идее: красота.

II, акты раскрытия смысла – разум – чистое разумение – в идее: истина.

Единство проникновения – истина = красота в царстве разума.

III, акты поведения – жизненная реакция и творческое преображение – чистое оправдание – в идее: правда.

То же единство: от замысла к осуществлению – правда = истина на деле.

Культурное сознание переходит в культурное действие в творчество *культурных благ*! Кто же творит: мы видели – только *личность*» [14]. М.М. Бахтин бы добавил: только изнутри организованная активность личности творца.

Шпет к понятиям «культура», «человечность», «сознание», «творчество» добавил не менее важное понятие – «личность», которая является носителем или выразителем некоторой совокупности объективируемых социально-исторических потенций, а не совокупностью индивидуально-психологических черт. Личность, согласно Шпету, есть социально-историческая реальность [11, с. 402], живое единство, цельность. Поэтому «Воспитание и организация культурного сознания = воспитание в себе личности. Осущест-

вление личности = творчество культурных благ. Личность уже не только идея, но реальность, – и это единственно подлинная реальность, ибо правда реальна только в личности. Каждый человек – потенциально – личность, но актуально – только наши «герои», творцы культуры и ее благ. Осуществление личности, однако, по самому понятию – в обществе, в общей жизни. Отсюда понятно, почему личность, как высшее культурное благо, – идеал общественных учений и достижений» [14 с, 252]. Из приведенной выдержки «Конспекта», написанного и произнесенного доклада, выступает яркая личность автора, ощущавшего, а возможно, и знавшего, что Россия находится накануне эпохи, которую в 1920 г. интеллигент Шпет прозорливо и слишком мягко обозначил как жизнь – на место мысли, рынок – на место храма.

В заботе о культуре Шпет не был одинок. В 1922 г. П.А. Флоренский с горечью констатировал: «Здание культуры духовно опустело». Дополню данный Шпетом образ культуры рядом других с тем, чтобы создать (напомнить) у читателя некоторое объемное представление (не определение) о таком многогранном явлении, как живая культура. Именно живая, т. е. человекомерная, вызывающая культурные переживания, рождающие новые жизненные смыслы и вместе с ними – сознание и личность.

Б. Пастернак: *Культура – это плодотворное существование.*

А. Блок: *Рост мира есть культура.*

Г. Шпет: *Слово есть архетип культуры; Культура – культ разумения, слова – воплощение разума.*

П. Флоренский: *Культура – это язык, объединяющий человечество; Культура – это среда, растягивающая и питающая личность.*

М. Пришвин: *Культура – это связь людей. Цивилизация – это сила вещей.*

Вяч. В. Иванов: *Вся человеческая культура до сих пор остается протестом против смерти и разрушения...*

М. Бахтин: *Не должно представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культуры нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый*

момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность: отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым и умирает; Эстетическая культура есть культура границ и потому предполагает тонкую атмосферу глубокого доверия, обнимающую жизнь.

А. Белый: *Современные дикари — не остатки примитивного человека, а дегенераты когда-то бывших культур; Культура – это заклятие хаоса.*

Ф. Ницше: *Культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом.*

О. Мандельштам: *Культура всегда больше себя самой на докультурное сырое бытие.*

О. Мандельштам: *У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стран. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории.*

О. Мандельштам: *Вино старится – в этом его будущее. Культура бродит – в этом ее молодость.*

М. Мамардашвили: *Декарт не хочет сидеть в культурной нише, которая как бы для того предназначена, чтобы он ее занял и в которой было бы уже все расписано: как выглядит гений, какая мысль интересная, а какая неинтересная, чем нужно заниматься, что производить, как нужно страдать, – короче, как пчелке сидеть в улье и, так сказать, выделять культурные ценности; Культура – это усилие человека быть.*

И все же приведу классические определения. Первое – номинально-формальное, в котором выделены главные составные части культуры:

Э.Б. Тайлор: *Культура... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества.*

Второе – выражает существо дела, как бы схватывает и одновременно задает способ построения вещи, в данном случае культуры, характеризует культурный акт как таковой:

Х. Ортега-и-Гассет: *Собственно культурным актом является созидательное действие, посредством которого мы извлекаем logos некоего объекта, до этого момента являвшегося необозначенным (I – logico).*

Наконец, последнее говорит об органической целостности культуры:

Ю. Лотман: *Я представляю себе культуру не в образе механически соположенных различных видов искусства, науки и т. д., а как некое органическое целое, если угодно, некоторое живое существо, сложно соотношенное как со своим окружением, так и со своим прошлым и будущим. Вопрос усложняется еще и тем, что входящие в культуру элементы (различные искусства, духовные достижения и т. д.) не заключены в ней, как какие-то предметы в мешке, а, скорее, напоминают органы единого организма, связанные и конфликтующие одновременно.*

Приведенные характеристики культуры дают еще раз людям почувствовать, что самая верная их защитница – культура, а самый опасный враг – бескультурие. К сожалению, это значительно лучше известно людям, крайне далеким от культуры, которые умеют все обернуть себе на пользу, даже культуру. Поэтому свойственный людям оптимизм не должен быть бездумным и пассивным. Обращусь к авторитету В. Шекспира, но выражу это словами Б. Пастернака: *В «Короле Лире» понятия долга и чести притворно орудуют только уголовные преступники. Только они лицемерно красноречивы и рассудительны, и логика, и разум служат фарисейским основанием их подлогов, жестокостей и убийств. Все порядочное в «Лире» до неразличимости молчаливо или выражает себя противоречивой невнятицей, ведущей к «недоразумениям».*

Не то же ли самое происходит с культурой? Воспользуюсь метафорической персонификацией культуры и дополню ее персонификацией бескультурия. Культура непосредственна, искренна и скромна, а бескультурие расчетливо, притворно и нагло.

Культура бесстрашна и неподкупна, а бескультурие трусливо и продажно. Культура совестлива, а бескультурие хитро, оно стремится рядиться в ее тогу. Причина этого состоит в том, что культура первична, непреходяща, вечна, а бескультурие подражательно, преходяще, временно, но

ему, при всем своем беспамятстве, больше, чем культуре, хочется в вечность. Культура непрактична, избыточно щедр и на своих плечах тащит в вечность Неронов и Пилатов, что, впрочем, не оказывает на их последователей отрезвляющего влияния. Культура ненавязчива, самолюбива и иронична, а бескультурие дидактично, себялюбиво и кровожадно: «Невежда начинает с поучения, а кончает кровью», – писал Б. Пастернак. Чтобы этот перечень сопоставлений не звучал слишком мрачно, закончу его на ноте булгаковской иронии. Бескультурие не понимает и не принимает культуры, таланта, гения. Оно считает все это делом ловкости, недоразумения, случая: «Вот пример настоящей удачливости.., – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло!.. – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Слишком хорошо и давно известно, что нет большей ненависти, чем ненависть посредственности к таланту. Но посредственность не может опознать талант в колыбели и заблаговременно его задушить. А когда он разовьется, как правило, уже слишком поздно... Сила культуры в ее преемственности, в непрерывности ее внутреннего существования и развития, в ее порождающих и творческих возможностях. Творчество в любой сфере человеческой деятельности должно быть замешано на дрожжах культуры, пользоваться ее памятью. Только преемственность и форма могут обеспечить новшество и откровение. Поэтому, если принять бахтинское «пограничье» культуры, то имеется еще одна граница, на которой располагается культура – это граница времени. Она находится «на границе» прошлого и настоящего, настоящего и будущего. История культуры – это «летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего» (О. Фрейденберг). Поэтому культура обеспечивает движение исторического времени, создает его семантику, мерой которой являются события, мысли и действия. Без куль-

туры время застывает и наступает безвременье или времена временщиков. Но поскольку живое движение истории продолжается, защитный механизм культуры даже во время остановок этого движения права голоса не утрачивает, хотя он и становится едва слышим. Позволю и себе одну метафору. Мне представляется, что образ сложноорганизованного социокультурного живого вакуума, уже использовавшийся в контексте психологии В.А. Лефевром, довольно точно описывает ситуацию человеческого развития. Человек может находиться в культуре и оставаться вне ее. Может быть таким же пустым местом, как для него культура, смотреть на нее невидящими глазами, проходить сквозь нее как сквозь пустоту, не «запахавшись» и не оставив на ней своих следов (ср.: О. Мандельштам: *А мог бы жизнь просвистать скворцом*). Последнее, может быть, – не самый худший вариант обращения с культурой. Это и означает – быть в культуре как в мертвом вакууме. Худший – это разрушение культуры, что эквивалентно разрушению духовного здоровья нации. Вакуум может ожить, опредметиться лишь благодаря человеческому усилию, разумеется, не всякому. Усилие вовсе не обязательно выражается в телодвижениях: «Это ведь действие – пустовать», – сказала М. Цветаева. Далеко не каждому дано светить в пустоте и в темноте, как Б. Пастернаку, писавшему в цикле стихов, который называется «Второе рождение»:

*Перегородок тонкоробрость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.*

«Образ входит в образ» – это замечательная иллюстрация жизни культуры и плодотворной деятельности человека. Отношения человека и культуры взаимно активны, диалогичны. Диалог может быть дружественным, напряженным, конфликтным, он может переходить и в агрессию. Человек может принять вызов со стороны культуры или остаться равнодушным. Культура также может пригласить, а может оттолкнуть или не заметить. Как говорил Б. Пастернак: «Культура в объятья первого желающего не падает». Между культурой и индивидом существует разность потенциалов, что и порождает движущие силы развития. Эти силы рождаются не в культуре и не в индивиде, а между ними, в их взаимоотношениях.

Завершу эти напоминания о культуре реалистическим высказыванием Ж.-П. Сартра: «Культура никого и ничего не спасает и не оправдывает. Но она – дело рук человека, в ней он ищет свое отражение, в ней он узнает себя и только в этом критическом зеркале он может увидеть свое лицо». К сожалению, многие не видят себя в некритическом «зеркале» антикультуры. Парадокс состоит в том, что культуре, не имеющей собственной территории, слишком много сил приходится тратить, чтобы защищать и отстаивать свои границы. А недостатка в желающих их нарушить и нарушающих их никогда не было. Поэтому приходится напоминать не только о творцах культуры, но и о варварах.

Итак, с помощью Шпета и приведенной коллекции характеристик и размышлений о культуре мы могли убедиться, что человечность, сознание, культура, творчество, личность, свобода, ответственность – все это одно. В этих размышлениях не нашлось места концепту «субъект», что, конечно, не отрицает наличия у личности таинственного субъективного избытка, который она способна передавать и придавать продуктам культуры.

Когда говорится, что личность – это человек исторический, имеется в виду, что она довольно поздний результат человеческой истории. Это было убедительно показано В.Н. Топоровым при характеристике образа Энея не только как человека судьбы, но и как личности – человека исторического: «Стоя перед судьбой лицом к лицу (как и перед смертью), Эней выработал новую стратегию поведения, в которой многое, напоминающее традиционные реакции, – не более, чем результат омонимии, более или менее легко снимаемой при учете более широкого и сложного контекста, который для Энея был актуален. Выработав эту новую поведенческую стратегию и органично усвоив ее себе, сделав ее своей натурой, Эней тем самым сложил и новый свой «психоментальный» тип, обладающий объяснительной силой как в отношении внешних обстоятельств, так и в отношении той модели мира, которая в наибольшей степени адекватна психоментальному типу Энея и – шире – «энеевского» человека, новой стадии в эволюции homo-mediterraneus,

обусловившей многие черты более поздних представителей "европейского человечества" (Достоевский)» [8, с. 4].

Топоров следующим образом завершает характеристику Энея: «Сам Эней как личность как бы отступает в тень своего дела, в котором из частного и личного вырастает общее, сверхличное, и отчетливо ощутимо дыхание почвы и судьбы» [8, с. 149]. Личность – не только позднее, но и редкое явление в человеческой жизни. В 1922 г. в очерке «Конец романа» О. Мандельштам писал: «Ясно, что когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают <...>. Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз, и законами их деятельности, как столкновением шаров на бильярдном поле, управляет один принцип: угол падения равен углу отражения» [5, с. 73–75]. Поэт прозорливо писал о ситуации, которая только начинала складываться в европейской цивилизации и культуре. Но у России свой путь. Акции личности не просто падали, личности увозились целыми пароходами. Потом еще круче. 16 января 1930 г. М.М. Пришвин писал в дневнике: «По всей стране теперь идет уничтожение культурных ценностей и живых организованных личностей». Спустя еще несколько лет, в эпоху террора итог подвел Б. Пастернак:

*О личностях не может быть и речи.
На них поставим тут же крест.*

Несколькими десятилетиями позднее свой прогноз дал И. Бродский: «Обновляющийся мир будет менее духовным, более релятивистским, более безличным, я бы сказал, менее человеческим. Не забудем, что 11 сентября 2001 года наступивший XXI век сменил XX – "век-волкодав"».

С констатациями и прогнозами поэтов трудно спорить. Их собственная жизнь доказала их правоту.

Сегодня акции личности, как и акции культуры, тоже не слишком высоки. Утешает, что в человеке все же есть некоторый запас прочности. Изредка случаются эпохи возрождения, как минимум, – оттепели, даже вёсны, что позволяет надеяться, что изложенные выше соображения и реминисценции не совсем бесполезны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1996–2012.
2. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 2000.
3. Зинченко В.П. Проблема Я и другие тайны (Языковая игра: не с нулевой ли суммой?) // Проблема Я: философские традиции и современность (под ред. В.Н. Поруса). М.: Альфа-М, 2012.
4. Зинченко В. П. Блуждание в трех соснах, или тоска по личности // Человек. 2011. №4. С. 5–20.
5. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.
6. Небылицын В.Д. Темперамент // В.Д. Небылицын. Жизнь и научное творчество. М., 1996.
7. Пастернак Б.Л. Избранное. В 2 т. М., 1985.
8. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К средиземноморской персонологии. Ч. I. М., 1993.
9. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск. 1997.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: в 2-х т. М., 1990.
11. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избр. тр. М., 2005.
12. Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006.
13. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры. М., 2007.
14. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.
15. Юнг К.Г. Собр. соч. Конфликты детской души. М., 1997.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА КАК СРЕДСТВО УСПЕХА ПОДГОТОВКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ

Одной из основных причин низкой эффективности деятельности аспирантуры является невысокое качество научного руководства. Выявлены и проанализированы основные функции научного руководства, определено место каждой функции в общем процессе подготовки квалификационной работы. Показано, что основными функциями научного руководства являются формирование научного альянса, анализ и преодоление сопротивления, формирование индивидуальной научной траектории, организация и планирование научного исследования, мотивация субъектов научного руководства, контроль за проведением научного исследования.

Ключевые слова: аспирантура, научное руководство, функции, научный руководитель, руководимый.

Implementation of the main functions of scientific management as a means of successful preparation of the research qualification works. LEONID B. ERSHTEYN (North-West Institute of Printing Arts, St. Petersburg State University of Technology and Design, Saint Petersburg).

The author attempts to prove that one of the main reasons for the low efficiency of the post-graduate studies is the low quality of scientific supervising. It is shown that one of the most important components of scientific management techniques is the implementation of its functions. The author reveals and analyzes basic functions of scientific management and shows the location of each function in the process of scientific supervising.

Key words: post-graduate studies, scientific management, functions, scientific supervisor.

В настоящее время в нашей стране крайне низка эффективность деятельности аспирантуры. На это указывают, в частности, работы [3, 6, 9, 10]. Так, С.Д. Резник пишет: «Эффективность работы аспирантуры обычно оценивают процентом защитившихся в срок аспирантов. В 1992 г. этот показатель составил 21,12%, а в 2009 г. – 31,45%» [6, с. 7].

Одной из основных причин возникновения данной проблемы называют недостаточно высокое качество научного руководства [3, 6, 9, 10]. Важнейшей составляющей научного руководства является методика взаимодействия научного руководителя и руководимых в процессе проведения научных исследований. Сущность данной методики состо-

ит в разработке способов реализации специальных функций научного руководства. Резник перечисляет «минимум позиций, за которые логично спрашивать с научного руководителя: обеспечение планирования работы подопечного аспиранта; организация его деятельности, т. е. создание ему условий для научной работы; мотивация и стимулирование его работы; координация работы аспиранта; контроль за работой над диссертацией» [6, с. 6]. Разделяя в целом позицию исследователя, необходимо отметить, что перечисленные автором функции, во-первых, неполны, а во-вторых, освещены недостаточно подробно. Сходная ситуация обнаруживается и в других исследованиях по данной проблеме [2, 3, 5].

*ЭРШТЕЙН Леонид Борисович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных и управляющих систем Института печати (Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Санкт-Петербург).
E-mail: leoleo1972@mail.ru
© Эрштейн Л.Б., 2013

В результате возникает необходимость выявления и описания основных функций научного руководства.

Для начала коротко обозначим функции научного руководства. На наш взгляд, это формирование научного альянса, анализ и преодоление сопротивления, формирование индивидуальной научной траектории, организация, планирование научного исследования, контроль его проведения.

Необходимо отметить, что первые три функции касаются специфики взаимодействия руководителя и руководимого, а остальные логически следуют из основных функций управления и задач научного руководства как таковых.

Рассмотрим функции научного руководства подробнее.

1. *Формирование научного альянса.* В нашей работе [11] подробно обсуждается такая функция тьюторинга, как формирование учебного альянса. Однако в ситуации научного руководства речь идет не столько об обучении, сколько о совместной подготовке научного исследования. И хотя, как отмечалось выше, научный руководитель играет роль учителя, тем не менее сам процесс научного руководства не сводится к обучению, поэтому состояние глубокого сотрудничества между руководителем и руководимым (будь то личность, организация или группа лиц) предлагаем называть научным альянсом.

Формирование научного альянса предполагает совокупность действий руководителя и руководимого, направленных на создание коммуникации, основанной на взаимном доверии, знании индивидуальных особенностей друг друга и стремлении достичь цели научного руководства с наименьшими психическими и финансовыми затратами как можно быстрее. Достижение состояния научного альянса является самым желательным в ситуации научного руководства, так как способствует достижению поставленных целей наиболее эффективно.

Разумеется, научный альянс является динамическим процессом, а не конкретным идеальным состоянием, и характеристики этого процесса меняются со временем. Наличие устойчивого научного альянса показывает, что для участников процесса научного руководства работа над научным исследованием является ценностью высокого порядка. Глубокий на-

учный альянс с течением времени углубляется и может становиться очень устойчивым, вплоть до того, что сотрудничество между субъектами продолжается даже после достижения целей научного руководства.

Очевидно, что научный альянс является двусторонним процессом, он невозможен при наличии стремления к нему только одного субъекта и формируется при соответствующих действиях как научного руководителя, так и руководимого.

2. *Анализ и преодоление сопротивления.* Под сопротивлением как в процессе обучения [11], так и в случае научного руководства мы понимаем совокупность препятствий, мешающих достижению поставленных целей.

Прежде всего необходим анализ возможных препятствий как руководителем, так и руководимым. Такой анализ предполагает серьезную рефлексию процесса научного исследования. Фактически само научное исследование представляет собой главное препятствие. Поэтому в самом начале определяются основные действия по его преодолению.

Препятствия, возникающие в процессе проведения научного исследования, можно разделить на несколько групп, а именно:

1. Психологические – препятствия внутреннего психологического характера, как правило, связанные с индивидуальными особенностями руководителя или руководимого. Например, недостаточность мотивации того или другого в проведении исследования.

2. Материальные – недостаточность средств для проведения и подготовки научного исследования. Например, отсутствие дорогостоящего оборудования.

3. Организационные – отсутствие или недостаточность необходимых для эффективного проведения исследования социальных составляющих. Например, невозможность найти место для проведения экспериментальной части исследования.

4. Научные – недостаточность исследования проблемы, принципиальное отсутствие необходимого оборудования или инструментов. Например, для проведения исследования требуется разработать новый прибор, до этого не существовавший.

Иногда препятствие преодолеть невозможно, тогда оно приводит к разрушению ситуации научного руководства. Очевидно, имеет смысл говорить о силе и важности препятствий. С этой

точки зрения можно выделить препятствия: 1) слабые – почти не мешающие проведению исследований, однако создающие некоторые сложности. Для их преодоления не требуется большое количество ресурсов; 2) средние – препятствия, которые создают достаточно серьезные сложности при проведении исследования, без их преодоления успешное завершение исследования сильно затруднено и эффективность его проведения существенно уменьшится; 3) критические – препятствия, без преодоления которых успешное завершение исследования невозможно.

С точки зрения возможностей преодоления сопротивление может быть преодолеваемым, легко или с затруднениями, и непреодолимым. Если у субъектов научного руководства имеются в достаточном количестве временные, психологические или материальные ресурсы, препятствия принципиально преодолимы. Если же у субъектов научного руководства недостаточно необходимых ресурсов, то препятствия могут оказаться непреодолимыми.

В свою очередь воздействие сопротивления на ход исследования может быть легким, средним и разрушительным.

Возможное влияние препятствий на ход исследования показано в таблице, которую мы предлагаем назвать матрицей сопротивления.

Сила препятствия, преодолимость препятствий	Слабое препятствие	Сильное препятствие	Критическое препятствие
Легко преодолимые	Лёгкое воздействие	Лёгкое воздействие	Лёгкое воздействие
Средне преодолимые	Лёгкое воздействие	Среднее воздействие	Среднее воздействие
Непреодолимые	Разрушительное воздействие	Разрушительное воздействие	Разрушительное воздействие

Указание в каждой ячейке матрицы конкретного фактора сопротивления и осознание каждым из субъектов значимости данного фактора для работы позволят субъектам научного руководства сконцентрировать внимание на важнейших препятствиях и, напротив, не ставить во главу угла факторы, пусть и препятствующие проведению исследования, но не оказывающие на него сколько-нибудь важного влияния.

Исходя из матрицы, в четырех из девяти возможных вариантов сопротивление не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на проведение исследова-

ния. Однако, поскольку в пяти случаях препятствия могут оказывать существенное или разрушительное влияние на его проведение, анализ сопротивления представляется, безусловно, важным, тем более что средние и критические препятствия встречаются достаточно часто. Препятствия средней преодолимости тоже достаточно распространены, и лишь непреодолимые препятствия встречаются редко, что обусловлено их предупреждением в процессе выбора темы и на начальной стадии исследования. Устранение тем, несущих непреодолимые препятствия, является одной из важнейших задач начальной стадии исследования.

3. *Функция формирования индивидуальной научной траектории.* Процесс взаимодействия научного руководителя и руководимого является в своей специфичности уникальным, нельзя привести и двух случаев, когда научное руководство было бы в деталях одинаковым. Специфический индивидуальный путь, который проходят руководитель и руководимый в процессе руководства, является индивидуальной траекторией научного руководства. Она формируется как следствие паттернов взаимодействия руководителя и руководимого, роль каждого из субъектов в данном случае равная. Кроме того, огромное значение имеют особенности конкретной ситуации. Специфика самой траектории отражает эффективность научного руководства в целом, поэтому задача руководителя – сформировать такую траекторию как можно более короткой и прозрачной, т. е. осознаваемой субъектами ситуации, и затем следить за ней и по мере возможности оптимизировать ее, используя те или иные методические приемы.

4. *Организация научного исследования* предполагает определение основных параметров научного исследования, создание инфраструктуры для его эффективной реализации, разработку основных мероприятий, необходимых для проведения исследования.

С точки зрения значимости этой функции все исследования можно разделить на три группы: 1) высокая значимость функции организации характерна для всех исследований, требующих постановки и организации эксперимента, экспедиционных работ и т. п., а также для случаев научного руководства организацией или рабочей группой; 2) средняя значимость функции организации харак-

терна в основном для математических, технических исследований, исследований по общей педагогике и психологии, общей биологии и т. п.; 3) низкая значимость фактора организации для исследований по строго теоретическим дисциплинам. Таким образом, можно сформулировать следующую закономерность: уровень значимости фактора организации в процессе научного руководства прямо пропорционален удельному весу прикладного элемента в исследовании. Однако полностью фактор организации нельзя исключить даже в чисто теоретических исследованиях.

Организация научного исследования включает организацию: 1) эксперимента – определение основных параметров и экспериментальной базы исследования, необходимого оборудования, материалов, людских и иных ресурсов; 2) написания научного исследования – выявление библиографической базы, определение структуры, общей характеристики и других параметров эффективного изложения научного исследования в письменном виде; 3) защиты научного исследования – определение места защиты, оппонентов, необходимых отзывов, оформление необходимых документов и др.

Немаловажным представляется вопрос о вкладе в организацию субъектов научного руководства. Далеко не всегда в процессе организации роль научного руководителя является самой главной или решающей. В случае руководства организацией или при наличии большой прикладной или научной базы роль научного руководителя в этой функции может быть вообще незначительной.

5. *Планирование* осуществляется по ходу всего научного исследования, но основную роль играет на начальном этапе. Научный руководитель совместно с руководимым разрабатывает план проведения научного исследования, включающий предварительное определение общих характеристик исследования, необходимых организационных мероприятий.

Планирование необходимо при реализации всех остальных функций научного руководства и фактически представляет собой дополнительную функцию, его роль в проведении научного исследования очень велика, оно предусматривает построение прогноза проведения исследования и является одним из средств анализа и преодоления сопротивления. Планирование является своеобразной картой исследования, но картой не статической, а динамической, из-

меняемой в зависимости от получаемых на каждом этапе результатов. С функцией планирования тесно связана функция контроля.

6. *Контроль*. В соответствии с основными принципами науки управления [4] контроль представляет собой способ, при помощи которого осуществляется обратная связь между всеми параметрами других функций управления. Он позволяет вносить своевременные коррективы во все этапы реализации научного исследования. Именно контроль является тем механизмом, который дает возможность оптимизировать научное исследование и держать его в определенных, установленных планом границах. Контроль позволяет научному руководителю перераспределять ресурсы в наиболее значимых в данных конкретных ситуациях направлениях. Процесс контроля включает: 1) изучение текущей ситуации в данном аспекте проведения научного исследования; 2) выявление имеющихся проблем; 3) анализ их причин; 4) выработку мер, необходимых для устранения выявленных проблем.

Относительно контроля необходимо сделать два важных замечания: 1) контроль всегда конкретен, т. е. контролируется тот или иной конкретный параметр научного исследования; 2) в процессе контроля принимают участие все субъекты научного руководства. Конечно, контроль может инициироваться или руководителем, или руководимым, но в реализации последних трех фаз контроля всегда принимают участие все субъекты.

7. *Мотивация*. В понимании данного термина мы придерживаемся определения, данного М. Месконом с соавторами в классической работе «Основы менеджмента»: «Мотивация – это процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации» [4, с. 233].

Рассматривая природу и сущность мотивации, мы ориентируемся на представления о мотивации, сформулированные в нашей работе по проблеме ценностей [8, с. 42]. Данный взгляд предполагает, что мотивация осуществляется наиболее оптимально в том случае, когда мотивирующий изучает индивидуальные ценности мотивируемого и затем разрабатывает стратегию и приемы мотивации, учитывающие наиболее значимые для мотивируемого ценности.

В свою очередь сам мотивационный процесс можно разделить на две большие сферы. Одна из них является непосредственно мотивацией, т. е. побуждением личности к действию. Однако, коль скоро существует мотивация, то, очевидно, должен существовать и обратный процесс – процесс антимотивации, т.е. ситуация, когда создается система воздействий на человека, побуждающая его прекратить или замедлить данную деятельность.

О существовании обратного процесса теоретики мотивации умалчивают. Авторы, рассматривающие проблемы мотивации, пишут о демотивации, причем данный термин понимается двояко. Так, С.В. Шпитонков понимает демотивацию как процесс мотивации средствами отрицательного подкрепления: «Демотивация – это комплексная система наказания сотрудников за совершенные проступки во время работы или ненадлежащее выполнение своих должностных обязанностей» [7]. Т. Андреева и Е. Юргайкин понимают демотивацию как процесс потери мотивации [1]. Термина же, отражающего процессы, заставляющие субъекта замедлять или прекращать деятельность, в литературе мы не обнаружили. Между тем представляется следующая закономерность: побуждение к действию происходит в том случае, если совокупность мотивирующих воздействий больше, чем совокупность антимотивирующих воздействий, иначе говоря, если мотивация больше, чем антимотивация.

Кроме того, мотивация может быть отрицательной и положительной. Под положительной мотивацией понимается процесс побуждения к действию при помощи средств положительного подкрепления, а под отрицательной – при помощи средств отрицательного подкрепления (то, что некоторые называют демотивацией).

И положительное, и отрицательное воздействия могут носить как мотивирующий, так и антимотивирующий характер. Иными словами, существует четыре типа мотивирующих воздействий: 1) побуждающее положительное, когда положительное подкрепление способствует побуждению к действию, например заслуженная похвала и слова поддержки; 2) побуждающее отрицательное, когда воздействие имеет отрицательный характер, но способствует побуждению к действию, например конструктивная критика; 3) антимотивирующее положительное, т. е. воздействие положительного подкрепления, однако имеющее антимотивирующий, уменьшающий мотивационный характер, например незаслуженные похвала или одобрение; 4) антимотивирующее отрицательное, т. е. отрицательное подкрепление, уменьшающее уровень мотивации субъекта, например грубость или хамство. Субъекты научного руководства должны осознавать, какой характер имеет каждый паттерн поведения в процессе их взаимодействия друг с другом с точки зрения возможного влияния на мотивацию.

Полное рассмотрение проблемы мотивации в научном руководстве требует специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Т., Юргайкин Е. Почему опадают яблоки, или Внутренняя демотивация. URL: http://www.iteam.ru/publications/human/section_48/article_2452 (дата обращения: 30.10.2012).
2. Волошина Т.В., Цыбаева Л.А. Система научного руководства как ресурс развития инновационного учреждения // Пед. обозрение. 2009. № 9. С. 12–13.
3. Котляров И.Д. Проблемы осуществления научного руководства соискателями ученой степени кандидата наук // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 4. С. 50–54.
4. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: учеб. пособие / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Высш. шк. междунар. бизнеса. 2-е изд. М.: Дело, 2004. 799 с.
5. Пикан В.В. Научное руководство экспериментом в школе: [пособие]. М.: Школьные технологии, 2011. 175 с.
6. Резник С.Д. Научное руководство аспирантами: практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2012. 477 с.
7. Шпитонков С.В. Мотивация или демотивация. URL: http://www.elitarium.ru/2011/08/03/print:page,1,motivacija_ili_demotivacija.html (дата обращения: 30.10.2012).
8. Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб.: СПбГУНиПТ, 2008. 122 с.
9. Эрштейн Л.Б. Коллективное научное руководство в процессе подготовки квалификационных работ // Изв. ПГПУ им. В.Г. Белинского. Обществ. науки. 2012. № 28. С. 1138–1143.
10. Эрштейн Л.Б. Результативность деятельности аспирантуры и необходимость разработки общей теории научного руководства // Пед. образование в России. 2011. № 15. С. 218–223.
11. Эрштейн Л.Б. Формирование информационно-коммуникационной компьютерной компетентности на основе тьюторинга в процессе обучения студентов по направлению «Менеджмент»: автореф. дис. ... канд. пед. наук/[Рос. гос. пед. ун-тим. А.И. Герцена]. СПб., 2009. 24 с.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОБЛЕМАТИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Проблематика человеческой безопасности в международных отношениях приобретает все большую значимость, заменяя и отгесняя на задний план вопросы национальной и государственной безопасности. В качестве арбитра в споре национальных и государственных интересов широко привлекаются международные экспертные сообщества, поскольку они способны разрабатывать независимые прогнозы и рекомендации. С некоторым отставанием от политических процессов, имеющим место на Западе, эта тенденция наблюдается в Восточной Азии.

Ключевые слова: человеческая безопасность, международные экспертные сообщества, Восточная Азия.

International expert communities and the human security issues in East Asia. SERGEY E. YACHIN, FELIKS E. AZHIMOV, KIRILL YU. KOLESNICHENKO. Far Eastern Federal University, School of Humanities, Vladivostok).

The problem of human security in international relations gains more and more importance edging out the questions of national and state security. International expert communities, apt to work out independent forecasts and recommendations, are widely attracted as the third party in national and state disputes. Though this trend is most salient in the West, this article observes how it manifests itself in East Asia.

Key words: human security, international expert communities, East Asia.

Проблематика безопасности, безусловно, является сегодня центральной во всех аспектах международных отношений. Даже если речь идет о собственной (национальной, государственной) безопасности – забота о ней сегодня считается наиболее легитимной и обладающей наибольшей аргументативной силой. Забота о безопасности – это аргумент в любых отношениях субъектов права и политики. Вместе с тем можно заметить, что логика аргументации меняется со временем. Например, когда-то аргумент национального суверенитета использовался довольно часто в международных отношениях. Сегодня к нему прибегают только «отсталые» субъекты

этих отношений. Вместе с тем именно этот аргумент обладал непосредственной силой. Он не требовал каких-либо научных подкреплений. Ситуация резко меняется, когда речь заходит о коллективной безопасности. В этом случае необходим расчет взаимных потерь при возникновении конфликта. Классический пример «расчета», который был сделан известными учеными, относительно ситуации ядерного конфликта [1]. Они показали, что в ядерной войне не может быть победителя. Таким образом, если обоснование собственной безопасности в виде ссылки на интерес национального суверенитета не требует научной экспертизы, то интерес коллективной без-

*ЯЧИН Сергей Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ДВФУ; АЖИМОВ Феликс Евгеньевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, директор Школы гуманитарных наук ДВФУ; КОЛЕСНИЧЕНКО Кирилл Юрьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук ДВФУ. E-mail: yachin@land.ru

© Ячин С.Е., Ажимов Ф.Е., Колесниченко К.Ю., 2013

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Научного фонда ДВФУ № 12-05-06-680-09/13

опасности в обязательном порядке предполагает т. н. расчет согласия». И в этом случае без ученых, специалистов по предмету спора (распределения спорного ресурса) не обойтись. В этом пункте и возникает неизбежный диалог политиков и ученых. Стоит заметить, что функция юристов (специалистов по международному праву), которые всегда использовались в международных делах, не является собственно «научной» в том же смысле, какой является компетенция физиков, экологов, психологов и т. д. В международных делах юрист это выражение политического, а не научного дискурса. Роль ученых-экспертов еще более возрастает, когда предметом международных отношений становится человеческая безопасность. Дело в том, что все виды природных ресурсов так или иначе или преимущественно привязаны к государственным границам и как таковые подпадают под действие аргумента от суверенитета. Поэтому роль научных рекомендаций всегда разбивается о право субъекта распоряжаться своими национальными ресурсами. Другое дело человеческие ресурсы. Сегодня государство в значительной степени ограничено в своем праве на распоряжение этим «ресурсом». Человек в значительной степени стал рассматриваться как независимая переменная, требующая независимого и объективного рассмотрения. Чем меньше власть отдельного государства над человеком, тем большее значение приобретают рекомендации ученых-экспертов, как следует распоряжаться человеческим капиталом. Оказалось, что забота о человеческой безопасности, вне зависимости места пребывания человека, способна интегрировать данные многих (если не всех) наук. Но это в перспективе. На сегодняшний день проблематика человеческой безопасности еще пребывает в основном лоне политического дискурса и его риторики.

Следует ожидать, что в ближайшей перспективе проблематика безопасности человека займет весомое место в деятельности экспертных групп и эпистемических сообществ при международных организациях АТР (прежде всего АТЭС), которого сейчас она пока не имеет.

Прогноз базируется на следующей предпосылке – все интеграционные процессы, а международное научно-технологическое

сотрудничество является одним из них, в Восточной Азии идут с опозданием относительно Европы и ее сопредельных стран. Для Восточной Азии передаточной зоной является Северная Америка. США и Канада – в большей мере принадлежат Западному миру, но в то же время оказывают влияние на интеграционные процессы в Азии. Исходя из того фактического положения вещей, которое складывается в Европе и Северной Америке относительно наиболее актуальной проблематики эпистемических сообществ, и ожидая, что в перспективе она станет преобладающей в работе эпистемических сообществ АТР, мы можем сделать вывод о том, что экспертная тематика будет сосредоточена на вопросах, связанных с человеческой безопасностью (*human security*).

Особо следует обратить внимание на феномен становления международных эпистемических (экспертных) сообществ как выражения власти знания в современном мире, поскольку через работу этих сообществ научное знание оказывает наиболее сильное влияние на процесс принятия политических решений. Эпистемические сообщества (принятое международное именование: *epistemic communities*) это такие проектно-ориентированные сетевые сообщества специалистов разного профиля (**a network of knowledge-based experts or groups**), **которые объединены не только** общей сферой познавательной деятельности, но и общими ценностями, что позволяет им оказывать влияние на принятие решений международными организациями, промышленными корпорациями и правительствами в инновационно-технологической, экономической, политической и культурной сферах [2]. Главное отличие этих сообществ от обычных экспертных групп и национальных центров стратегических разработок состоит в том, что это *самоорганизующиеся* сообщества, в рамках которых специалисты стремятся вывести свое коллективное знание (и свое понимание должного) на уровень общезначимых (в основном политических) решений [3]. Мы можем наблюдать изменение тематики работы международных экспертных групп и эпистемических сообществ. Как правило,

экспертная постановка проблем международного сотрудничества с некоторым опережением возникает в Европейской зоне и после этого переносится в АТР. Такое запаздывание понятно, поскольку Европа являет миру пример опережающих интеграционных процессов и ближе сталкивается с возникающими здесь затруднениями.

Тема человеческой безопасности по вполне понятным причинам возникла в зоне контакта Европы и Ближнего Востока и связана преимущественно с ростом организованного насилия, но постепенно включила в себя и остальные аспекты безопасности: экономической, экологической, политической, гендерной и пр. В Европе проблема стала обсуждаться со середины 90-х годов. Отправным пунктом считается доклад ООН 1994 г. о человеческом развитии, где аспект безопасности жизни был выдвинут в качестве одного из показателей *Индекса человеческого развития*. А в Восточной Азии инициатором постановки проблем безопасности стала Япония, которая во многих двусторонних встречах, а также на ряде международных конференций, стала выдвигать на обсуждение этот аспект международных отношений [6].

Япония играет активную роль в обеспечении безопасности человека после окончания холодной войны в Юго-Восточной Азии. Широкие рамки человеческой безопасности, которая включает в себя установление мира, постконфликтного миростроительства, а также отправка войск для оказания гуманитарной помощи в Юго-Восточной Азии Японии позволяют не только играть более активную политическую роль, но и избежать упреков за усиление своей военной мощи со стороны внутренних и международных критиков.

Помимо Японии существенный рост интереса к проблемам человеческой безопасности отмечен в Республике Корея, особенно с начала 2000-х годов.

Так или иначе, но во всех случаях проблематика человеческой безопасности была специфическим отражением политических интересов упомянутых государств, стремящихся к переосмыслению собственной роли в региональных политических и экономических процессах. Человеческая безопасность является

своего рода «свободной нишей», позволяющей занять лидирующие позиции в сфере человеческой безопасности, что дает возможность принимать активное участие в выработке общих концептуальных подходов, базовых принципов и целей, программ и механизмов их конкретной реализации на региональном уровне.

Определенный интерес к этому вопросу отмечается и в КНР, хотя и в несколько иных формах по сравнению с Японией и Южной Кореей – здесь этот интерес проявляется на уровне анализа роли и возможностей проблематики человеческой безопасности.

На уровне межгосударственных организаций официальную позицию в этом вопросе заняла АСЕАН: с 2008 г. в этой международной организации работает комиссия по правам человека¹.

Но собственно научный интерес к теме международной безопасности явно проявляется только с середины 2000-х годов и до сих пор не стал устойчивой темой международных *научных* конференций в Восточной Азии и тем более прямо не вошел в исследовательскую (проектную) тематику рабочих органов международных организаций. Проблематика *human security* (HS) преимущественно обсуждается на уровне политических деклараций, без достаточного научного сопровождения. Именно разрыв между нарастающей политической активностью в продвижении принципов HS в международных отношениях

¹ Шестое совещание Межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека (AICHR) состоялось 28 июня – 2 июля 2011 г. в Вьентьяне, Лаос. Это совещание было третьим совещанием AICHR в 2011 г. В соответствии с его назначением, AICHR поручена разработка Декларации АСЕАН по правам человека. Редакционная группа приняла во внимание ценности и принципы в Устава АСЕАН, а также международных документов по правам человека, включая Всеобщую декларацию прав человека. AICHR также встретились и обменялись мнениями с представителями Программы развития ООН (ПРООН), Управления Верховного комиссара по правам человека, Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Рабочей группы АСЕАН по механизму по правам человека на их сотрудничество. Совещание Седьмой Межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека состоится 27 ноября–1 декабря 2011 г.

и их недостаточным научным сопровождением является, с одной стороны, главным сдерживающим фактором в установлении регионального режима безопасности такого рода, а с другой – позволят прогнозировать, что на этой области будет в основном сосредоточено внимание эпистемических сообществ. Причем этот разрыв имеет вполне конкретный смысл. До тех пор пока международные соглашения, соответствующая им теория международного права и правовая база будут базироваться на тех принципах, которые были установлены в результате Вестфальского мира (1648 г.), на принципах, которые в силу своего образования исповедуют политики и международные юристы (лица, вырабатывающие и принимающие решения), до тех пор их союз с современными научными исследованиями не будет достигнут. На сегодняшний день реальная политика в международных отношениях мало проницаема для научных фактов и современных теорий.

В качестве междисциплинарного (а может быть и метадисциплинарного) направления *антропология международных отношений* позволит решить главную научную задачу: она позволит увидеть факты, незримые в рамках любого отдельного дисциплинарного подхода (экономического, политического, социологического, демографического и др.). Показательно, что один аспект *human security*, а именно *human development* – уже прочно обозначил себя в тематике эпистемических сообществ (т. е. в отношении проблематики человека как ресурса экономики политики однозначно прислушиваются к рекомендациям ученых) и так, что эта проблема устойчиво обсуждается в экспертных группах международных организаций и именно в плане исследований и разработок (R&D). Сегодня мы уже наблюдаем, как исследователи (в Восточной Азии в первых рядах идет Национальный университет Сингапура) начинают преломлять традиционную научную проблематику в контексте безопасности человека (например, в мае с. г. на его площадке состоялся семинар «Изменение климата, миграции и безопасности человека в Юго-Восточной Азии» – пока только сугубо научный). В целом мы считаем, что нарастающая научно-исследовательская активность

в Восточной Азии еще не вышла на эпистемический уровень, т. е. не имеет достаточного влияния на ЛПП.

Научно-образовательные предрассудки политиков и юристов фактор важный, но не решающий. Причина, по которой исследовательский подход в *HS* не допускается к политическим соглашениям, прежде всего коренится в позиции таких ведущих стран, как США, Китай и России (применительно к АТР). Правительства, принимающие и развивающие тематику *human security*, расположены на периферии Восточно-Азиатского мира.

Десятилетнее отставание интеграционных процессов для Восточной Азии от Запада является нормой. Но в этом случае для отставания есть особые причины. Проблематика *human security* (*HS*) тесно связана с ведущей идеологией и политическим принципом западного мира – с правами человека. Но эта идеология не является органичной для коллективистского восточного мира. Данное обстоятельство оказывает и будет оказывать тормозящее влияние на развитие и расширение проблематики *HS* в эпистемическом пространстве стран Восточной Азии. Тем не менее мы считаем, что движение будет происходить именно в этом направлении, и именно в эту область будут продвигать свои знания политики и свои идеи ученые-эксперты самых разных областей и в рамках неправительственных организаций. Укажем на основные причины этой тенденции.

Первая причина состоит в том, что идея *human security* является новой парадигмой сотрудничества стран, культур и народов, парадигмой во многом альтернативной, а по существу комплементарной ныне господствующей идеологии *национальной безопасности*. Сторонники *HS* вполне сознательно выдвигают эту идею в качестве вызова традиционному понятию национальной безопасности, утверждая, что надлежащим референтом безопасности должно быть лицо, а не государство. Принципы национальной безопасности все более обнаруживают свою внутреннюю противоречивость, поскольку в самой постановке темы обсуждения заложен конфликт интересов. Конфликт объективно задан тем обстоятельством, что государства – это ресурсные образования. Их жизнеспособность

(экономическая и политическая устойчивость) базируется на доступе к соответствующим ресурсам. Национальная безопасность как проблематика международных отношений основана на двусмысленных компромиссах. Ярким свидетельством этого являются договоренности за контролем вооружений и предотвращение вооруженных конфликтов с одновременной конкуренцией на международном рынке вооружений. Близкие проблемы возникают при любом обсуждении распределения ограниченных природных ресурсов между государствами. Мы обратили внимание на то, что текущая проблематика конференций и рабочих встреч экспертных групп при международных организациях региона в основном работает в этой «ресурсной» логике.

Принципы *HS* имеют другую логику. Человеческая безопасность почти во всех ее аспектах действительно является общей и *неделимой* между государствами. При этом каждое правительство способно сделать свой вклад в эту общую задачу. Таким образом, логика *HS* основана не на принципе *распределения* ресурсов, а на принципе *вклада* в общее дело. В итоге оказывается, что многие ресурсные проблемы (например, в области морских биоресурсов) лучше решаются в логике вклада, а не в логике распределения этих ресурсов. Это вывод, к которому вынуждены прийти сами правительства. Принципы *HS* и вклада становятся фундаментом для национальной, региональной и глобальной стабильности.

Вторая причина состоит в том, что Восточная Азия неизбежно будет догонять (а затем перегонять) западный мир в области прав человека. Необходимость движения в этом направлении связана с фактором «человеческих ресурсов» (*human development*) как ведущего для экономического развития любой страны. Система современного научного образования и требования личностного знания в науке, рост международной академической мобильности и запрос инновационной экономики на творческий потенциал личности не оставляют восточным странам выбора в плане признания прав и свобод человека. Но мы ожидаем, что простого следования и повторения западных норм все же не произойдет. В плане ис-

пользования принципов *human development* и развития творческого потенциала личности мощным ресурсом станет именно коллективистские культурные традиции восточных народов. Современная методология решения творческих задач базируется не на индивидуалистических началах, но в первую очередь использует эффекты коллективной мыследеятельности и в этом отношении оказывается ближе к существу личности в ее исходном (во многом уже утраченном) западном понимании [2]. Принципы *HS* достаточно близки восточным (конфуцианским) идеалам гармоничного сосуществования и фактически продолжают и развивают принципы *коллективной безопасности*.

Третья причина связана с тем, что проблематика *HS*, принципиально лучше отвечает требованиям системности и междисциплинарности решения любой другой проблемы, которая может подниматься на уровне международных отношений. Слабость, а часто и тупиковый характер многих рекомендаций международных экспертов по «отраслевой» проблеме, вызваны тем, что проблема не может быть решена сама по себе. Например, задачи в области продовольствия, здравоохранения, туризма, развития бизнеса, инвестиционного климата и др. видятся более системно, если на них смотреть с точки зрения принципов *HS*. По аналогии с принципом решения даже национальных (корпоративных) проблем, часто именуемым *global vision*, сами глобальные проблемы требуют *human security vision*. Вопросы, которые поднимаются в дискуссиях, фактически охватывают всю традиционную проблематику международных эпистемических сообществ.

В эволюции проблематики *HS* наблюдается та же закономерность, что и со всеми эпистемическими сообществами. Происходит перехват инициативы со стороны ключевых глобальных институтов развития, например таких, как Всемирный банк, а также правительственных организаций. В источниках отмечается, что относительно 1994 г. концепция претерпела значительные изменения с тем, чтобы соответствовать организационным возможностям этих институтов. Так, правительства используют угрозу терроризма как основание укрепления

государственно аппарата, т. е. придают борьбе с этой угрозой вид заботы о национальной безопасности.

Встреча политики и науки в сфере проблематики человеческой безопасности неизбежна, вопрос лишь в том, на каких условиях она произойдет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов А.М. Безопасность человека // Ойкумена. 2011. № 2. С. 52–62.
2. Ячин С.Е. Состояние метакультуры: монография. Владивосток : Дальнаука, 2010. 268 с.
3. Adler, E., Haas, P.M. The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control/ International Organization, Vol. 46, No. 1, «Knowledge, Power, and International Policy Coordination» (Winter, 1992) MIT Press Stable, 1992. P. 101–145.
4. Haas, P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination/ International Organization, Vol. 46, No. 1, «Knowledge, Power, and International Policy Coordination» (Winter, 1992) MIT Press Stable, 1992. P. 1–35.
5. Yachin Sergey E., Zaychik Nadezda V., Smirnova Marianna Y. Role of Epistemic Communities in the Modern World and Specific Features of their Forming in the Asia-Pacific // Pacific science review. 2010. Vol.12, No.3. P. 285–289.
6. Yamanoto T. Human Security – From Concept to Action: A Challenge for Japan. Proceedings of the International Conference Human Security in East Asia. Korean National Commission for UNESCO. Ilmin International Relations Institute of Korean University. 2004. P. 3–21.

ОДИН СПОР О ЛОГИКЕ: А.И. ВВЕДЕНСКИЙ VS Н.О. ЛОССКИЙ

Рассматривается логическая дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского. Выявлены и проанализированы основные логические проблемы, обсуждавшиеся в споре. Выделены сходства и разногласия позиций этих авторов в целостном видении логики. Предложена методология рассмотрения такого рода эпизодов в развитии логики, основанная на понятии «образ логики».

Ключевые слова: А.И. Введенский, Н.О. Лосский, спор, логика в России, умозаключения, законы логики, методология историко-логических исследований, образ логики.

One discussion on logic: A.I. Vvedensky vs N.O. Lossky. VARVARA S. POPOVA (Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad).

The article analyzes the logical discussion between A.I. Vvedensky and N.O. Lossky and the main logical problems they focused on. The author identifies similarities and differences in the opinion of these authors on the integral vision of logic as a discipline. The author offers the methodology of consideration of such kind of episodes in the history of logic basing on the notion “image of logic”.

Key words: A.I. Vvedensky, N.O. Lossky, discussion, logic in Russia, laws of logic, methodology of historical-logical research, image of logic.

Логика представляла собой неотъемлемую часть университетской философии Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века. Многочисленные источники, свидетельствуют о том, что дискуссия стала одной из форм существования университетской логики. На одной кафедре вызревали различные логические идеи, которые находились в ситуации перманентного столкновения. Их авторы (например, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, С.И. Поварнин, И.И. Лапшин) проводили детальную критику позиций друг друга. Нахождение под постоянным вниманием сведущего критика должно было все более оттачивать учение и избавлять интерпретацию логики от возможных противоречий и недочетов, поскольку коллега-оппонент постоянно имел возможность указать на них. Какие проблемы затрагивали такого рода дискуссии, будет рассмо-

трено далее на примере столкновения мнений по логическим вопросам между А.И. Введенским и Н.О. Лосским.

Приведу несколько общих замечаний, указывающих на значимость логики в академической среде той поры: логика в С.-Петербургском университете кроме всего прочего представала как средство для грамотного изложения и оппонирования по разнообразным, часто не связанным с логикой вопросам; поскольку многие из сотрудников университетской кафедры философии преподавали логику, логическая культура и знание проблематики предмета предполагались как атрибутивные свойства участников дискуссий. При этом логическая терминология в философском сообществе зачастую не отличалась единообразием (несмотря на то, что в целом господствовал курс традиционной логики), возможно,

*ПОПОВА Варвара Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: varyud@mail.ru

© Попова В.С., 2013

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-03-00745а «Логика в России: спор А.И. Введенского и Н.О. Лосского»

в силу некоего «оригинальничания» и стремления развить новые подходы в рамках традиционного учения логики. Например, отметим своеобразный «иммунитет» к математической логике среди подавляющего большинства исследователей и преподавателей логики. Все перечисленное можно назвать характерными чертами университетской логики С.-Петербурга начала XX в.

Профессор А.И. Введенский, будучи ведущим логиком в академической среде своего времени, обладал достаточно сильной позицией и проявил себя как решительный и принципиальный оппонент при противостоянии научных взглядов. Об этом свидетельствует, например, то, как Александр Иванович существенно усложнил магистерский диспут Н.О. Лосского, описываемый им в «Воспоминаниях», а также сюжет с защитой А.П. Нечаева, в котором Введенский также отличился жесткостью оценок¹. Однако в критичности и требовательности А. И. Введенского как ученого и учителя можно усмотреть больше положительных следствий для развития философского знания в России, нежели досадных этому препятствий. Собственно, те коллеги, с которыми Введенский состоял в дискуссиях (Лосский, Нечаев, Радлов, С.Н. Трубецкой, Поварнин, Продан и др.), вполне успешно реализовали свои научные способности, а споры со столь пристальным критиком только закаляли их и повышали качество обсуждений на страницах периодических изданий и в Философском обществе, возглавляемом Александром Ивановичем. Можно констатировать значимость вклада Введенского в становления логики как науки и преподаваемой дисциплины в первой четверти XX века в стенах С.-Петербургского университета и за его пределами: везде, куда распространялась строгая, не терпящая профанаций деятельность профессора. Он способствовал философскому становлению своих учеников, не только являясь их авторитетным учителем, но и глубоким критиком. Показательно в этом контексте идейное противостояние А.И. Введенского с его ярким, высоко ценимым учеником, коллегой, но при этом отнюдь не последователем – Н.О. Лосским.

Выделю собственно логическую часть их спора, т. е. некоторые дискуссионные для этих философов логические проблемы. Сложность

заключается в том, что вопросы логики зачастую переплетены с гносеологической, психологической проблематикой, что сопровождается пространственными отступлениями полемистов от сути логического дела. Кроме этого в дискуссию вовлекались и другие философы (петербургские коллеги – С.И. Поварнин, И.И. Лапшин, иногородние оппоненты, напр., И.С. Продан²), придавая ей охват, выходящий за рамки частных логических обсуждений.

Расхождения в философских взглядах Н.О. Лосского и А.И. Введенского обозначились еще в студенческие годы Николая Онуфриевича. В качестве выпускного зачетного сочинения Н.О. Лосский хотел представить «рассуждение, в котором ставил целью доказать, что множественности причин не бывает и связь действия с причиною однозначна» [4, с. 107]. А.И. Введенский настоял на выборе историко-философской темы. Однако, как можно судить из последующих трудов Лосского, эту идею он не оставил и базировал на убежденности в однозначности связи причины и действия достаточно веские для концепции интуитивизма рассуждения. Итак, первое направление философских расхождений, ставшее источником дискуссий между учителем и учеником, – *взгляды на природу причинности*. В дальнейшем различие философских позиций по этому вопросу повлияло на трактовку вопросов логических, в частности – на видение ими сущности условно-категорических умозаключений и условной связи как таковой.

Рассмотрим этот пункт столкновения мнений подробнее. Традиционно считающиеся правильными виды условно-категорических умозаключений – *modus ponendo ponens* и *modus tollendo tollens* – используются, например, для доказательства или опровержения научных гипотез. Н.О. Лосский предложил альтернативный подход к теории условно-категорических умозаключений. Его особенности наиболее подробно философ изложил в «Логике» 1922 г., хотя основные идеи присутствуют уже в «Обосновании интуитивизма». Н.О. Лосский приводит следующие разновидности условно-категорических умозаключений. Умозаключения *от согласия с основанием к согласию со следствием (modus ponens)* Лосский именует прогрессивным

¹ Об этом см. подробнее статью [3].

² См. об этом столкновении подробнее [11].

положительным модусом, а умозаключения *от отрицания следствия к отрицанию основания* (modus tollens) – *регрессивным отрицательным модусом*. Соответственно, для умозаключения *от согласия со следствием к согласию с основанием* он вводит название *регрессивный положительный модус*, а для умозаключения *от отрицания основания к отрицанию следствия* – *прогрессивный отрицательный модус*. Понятия «прогрессивности» и «регрессивности» скрывают за собой обозначение характера связи между субъектом и предикатом суждения. Так, связь в прогрессивном направлении – это связь от субъекта к предикату, от основания к следствию; в регрессивном – связь от предиката к субъекту, от следствия к основанию³. Лосский обращает внимание на неравноценность связей в прогрессивном и регрессивном направлениях, что является основой классической трактовки условно-категорических умозаключений: «...связь основания и следствия однозначна в прогрессивном направлении и многозначна в регрессивном направлении; иными словами, основание приводит к одной определенной системе следствий и не может в разных случаях давать разные следствия, что же касается следствия – одно и то же следствие может быть получено из разных оснований» [6, с. 181] (курсив Лосского – В.П.). В силу этих причин в классической логике правильными признаются только умозаключения от утверждения основания к утверждению следствия и от отрицания следствия к отрицанию основания. В противовес сложившимся в логике представлениям, Н.О. Лосский замечает, что в процессе научных исследований некоторые гипотезы превращаются в обоснованные теории. Это возможно благодаря тому, что ученый по некоторому следствию может судить о возможной его причине, т. е. пользоваться неправильными видами условно-категорических умозаключений. Получается, что без такого рода умозаключений становится невозможным прогресс научного знания. Лосский исходит из практического обоснования эвристической необходимости таких умозаключений для развития наук (особенно наук о безвозвратном про-

шлом, в которых только лишь и можно судить по следствиям о событиях минувших лет). «Наука в такой же мере нуждается в умозаключениях от присутствия следствия, как и в умозаключениях от присутствия основания» [8, с. 287], – пишет он в «Обосновании интуитивизма», сохраняя эту идею и в «Логике». Он подчёркивает, что «... наука в своих исходных пунктах опирается бесконечно чаще на умозаключения от присутствия следствия, чем на умозаключения от присутствия основания. О практической жизни нечего и говорить: она шагу ступить не может без умозаключений от присутствия следствия» [8, с. 288].

Но помимо этого практического аргумента Лосский считает необходимым «подкопаться под принцип», исключая столь нужные умозаключения из теоретического логического обихода – под принцип *множественности причин*.

Негодность двух указанных выше видов условно-категорических умозаключений связывается с «многозначностью в прогрессивном направлении», т. е. с «обилием оснований для одного и того же следствия», что обозначается Лосским как *множественность оснований*. Учение о множественности оснований Лосский считает ошибочным: «...я не допускаю множественности оснований и полагаю, что всякое следствие во всех случаях имеет одно и то же основание...» [7, с. 75]. Основание условного суждения Лосский рассматривает как некое сложное явление, которое зачастую недостаточно исследовано для того, чтобы некоторый компонент его был признан непосредственной причиной. Подлинная же причина у некоторого следствия всегда одна. Именно из-за этой неясности, согласно Лосскому, и возникает ошибочность умозаключений от следствия к причине.

Н.О. Лосский выражает уверенность в том, что его позиция не вводит изменений в учение о видах условно-категорических умозаключений. На самом деле он, конечно же, принимает совершенно нетрадиционное для изложения логики решение относительно сложившейся их трактовки.

А.И. Введенский подвергает такую позицию критике, но наряду с этим показывает, что идея не нова (полагая, что она была воспринята

³ Примечательно, что Лосский отождествляет логическую связь субъекта и предиката в суждении с условной связью основания и следствия. См. [6, с. 180].

Н.О. Лосским из «Логике» М.И. Владиславлева). То же самое в таком случае произошло и с Л.В. Рутковским: он тоже признаёт неправильные виды условно-категорических умозаключений при условии единственности причины для следствия и с использованием модальности «возможно» [12, с. 41–42]. Но мнение Лосского по вопросу об условно-категорических умозаключениях вовсе не выглядит продиктованным чьим-либо влиянием, поскольку оно вполне объяснимо, если принять во внимание особенности его философии интуитивизма.

В «Логике как части теории познания» А.И. Введенский выражает уверенность в том, что «кроме двух указанных (*modus ponens* и *modus tollens*. – В.П.) не может быть никаких других правильных модусов простого условно-категорического силлогизма» [1, с. 188]. Кантианец утверждает, что «М.И. Владиславлев и Н.О. Лосский обязаны подтвердить свое мнение об условных силлогизмах фактами, т.е. посредством подходящих правильных примеров показать нам на деле существование проповедуемых модусов условного силлогизма. Но и М.И. Владиславлеву такое фактическое подтверждение своих слов не удастся, а Н.О. Лосский почему-то даже не заботится о нём. И, конечно, никому никогда не удастся...» [1, с. 193]. Этот выпад, вероятно, не представляется для Лосского опасным, тем более что практические примеры умозаключений он все же приводит. Гораздо важнее, что его нововведения в учение об условно-категорических умозаключениях подкрепляются интуитивистскими объяснениями и являются необходимыми, как признает сам Лосский, для последовательности концепции в целом. Ведь для того чтобы ввести условия применимости неправильных дедуктивных умозаключений, Лосский, по сути, постулирует равноценность основания и следствия (дабы были возможны выводы в регрессивном направлении). Для Введенского абсолютно не очевиден этот факт, более того, он настаивает, что эта идея о четырех правильных условно-категорических умозаключениях проникла в интуитивизм Лосского насильственно.

Второе идейное расхождение учителя с учеником обнаружилось на защите магистерской диссертации Н.О. Лосского. Введенский знал

о том, что его ученик придерживался лейбнизианских позиций. В таком случае базовые суждения его системы должны быть тавтологиями⁴. Потому вполне понятен вопрос А.И. Введенского об аналитичности главного тезиса (как и других основополагающих суждений) работы Лосского. Если главный тезис работы есть суждение аналитическое, то исследование Лосского представляет собой «набор пустых тавтологий». Ценность же диссертации определяется новизной. Выйти из этой ситуации Лосский мог, показав, что его главный тезис является суждением синтетическим (что он и предпринял), а это означало признать его суждением факта. Решить это затруднение Лосский мог в том случае, если он особенным образом характеризовал аналитические и синтетические суждения. В ходе защиты, судя по «Воспоминаниям» Лосского, учитель удовлетворился его доказательством синтетичности главного тезиса работы и не стал далее развивать дискуссию, что, однако, принципиально не снимало различий в их трактовке *аналитических и синтетических суждений*.

А.И. Введенский смотрит на аналитические и синтетические суждения с точки зрения их познавательного значения в соответствии с позицией Канта, на которую он ссылается в «Логике...» (он дополняет кантовское учение об аналитических и синтетических утвердительных категорических суждениях рассмотрением отрицательных категорических аналитических и синтетических суждений, условных и разделительных аналитических и синтетических суждений). Аналитические суждения имеют разъясняющий характер или же являются тавтологиями, только синтетические суждения расширяют знание. С точки зрения Введенского, чтобы удостовериться в истинности аналитических суждений, «достаточно понять их подлежащее и сказуемое, т.е. рассмотреть определения того и другого» [1, с. 96], для проверки истинности синтетических суждений этой процедуры недостаточно. «Что же касается синтетических суждений самих по себе, то в них нет никакой логической необходимости; ибо каждое из них можно отрицать без

⁴ Если взглянуть на субъект-предикатную структуру суждений с лейбнизианских позиций, всякое первичное для теории суждение предстает как аналитическое, это суждение разума, которое может быть представлено как тождество.

всякого противоречия с содержанием понятий, образующих данное суждение» [1, с. 297]. Лосский соглашается с тем, что методы обоснования синтетических суждений «менее прозрачны для мысли», чем абсолютная достоверность суждений аналитических («для оправдания которых достаточно ссылки на закон тождества или закон противоречия» [6, с. 141]). Однако, в противовес Введенскому, он утверждает, что в синтетических суждениях есть логическая необходимость, т. к. связь субъекта и предиката в суждении всегда есть связь основания и следствия, которая, в свою очередь, необходима («связь основания и следствия имеет необходимый характер» [6, с. 71], – неоднократно в своих работах фиксирует Лосский). В учении Н.О. Лосского логические связи являются выражением онтологических связей, потому могут быть охарактеризованы аналогично последним. Онтологические же связи «имеют синтетический характер, т. е. характер перехода от одних звеньев бытия к другим, новым в сравнении с первыми; точно такой же характер имеет и логическая связь, т. е. связь основания и следствия между субъектом и предикатом и, следовательно, суждения, имеющие такое строение, принадлежат к числу синтетических» [6, с. 71]. Исходя из такого рассуждения, выводим, что, поскольку всякое категорическое суждение имеет указанную Лосским субъект-предикатную структуру, постольку всякое категорическое суждение является синтетическим. Аналитические же суждения он определяет как суждения, в которых «субъект содержит в себе предикат, так что между субъектом и предикатом существует отношение тождества» [6, с. 141]. Все аналитические суждения – это тавтологии, к которым, по мнению Лосского, не могут быть сведены даже аксиомы (аксиомы тоже синтетические суждения [6, с. 141–142]). В итоге аналитические суждения, в понимании Лосского, не представляют ни для логики, ни для познания вообще никакого интереса, поскольку «представляют собой чистейшее пустословие», а «в действительности, в живом мышлении таких суждений вовсе не бывает» [6, с. 144]. Н.О. Лосский ставит в связи с этим перед собой цель – «изгнать из гносеологии и логики окончательно всякие положительные учения об аналитических суждениях» [6, с. 145]. А.И. Введен-

ский, хотя и делает акцент на познавательной значимости синтетических суждений, не доходит до подобной категоричности. Главное разногласие учителя и ученика по этому вопросу состоит в том, что Н.О. Лосский *вообще отрицает* аналитические суждения и всякое учение о них, А.И. Введенский же уверен в их существовании. Если обобщить, то особенности позиций учителя и ученика проистекают из представления о роли анализа и синтеза в познании. Для Лосского предмет познания представляет собой «отрезок мира, бесконечно содержательный и неисчерпаемый в человеческом знании» [6, с. 24]. Для познания предмета субъект должен совершить ряд актов (сосредоточения внимания, различения и т.п.). Так, например, «различение есть анализ (курсив Лосского – *В.П.*), выделяющий из сложного состава предмета лишь те стороны его, опознание которых дает ответы на вопросы, возникающие в уме субъекта...» [6, с. 24]. А.И. Введенский же полагает, что такого рода объяснения, даваемые Лосским, не приемлемы: различение анализа и синтеза не должно объясняться способом возникновения знания, поскольку это психологистский взгляд на вопрос.

Исходя из указанного различия в позициях по поводу аналитических и синтетических суждений, можно установить расхождение по поводу *определения понятий*. Проводя логическое различение аналитических и синтетических суждений, Введенский полагает, что оно определяется отношением между содержаниями субъекта и предиката. Содержание же указывается в определении понятия. Исходя из этого, Введенский к аналитическим суждениям относит «такие, в которых сказуемым служат исключительно составные части определения подлежащего» [1, с. 92]. Фиксируя возможность опираться на определение понятия при различении аналитических и синтетических суждений, Введенский, вероятно, полагает, что сами определения аналитичны (абсолютно достоверны). Позиция Лосского не согласуется с такой трактовкой. Он считает, что «содержание понятия есть не объект, а итог определения; мы не имеем сначала готового содержания, чтобы потом определить его, а, напротив, из определения впервые рождается понятие» [6, с. 139]. Таким образом, всякое определение носит синтетический характер.

Фактически ни учитель, ни ученик не критикуют позиций друг друга при изложении этого вопроса. Но это несогласие обнаруживается при сопоставлении текстов их Логик.

После защиты Лосским докторской диссертации («Обоснование интуитивизма», 1907) дискуссия между ним и Введенским продолжилась исходя из системы «обоснованного интуитивизма» и, соответственно, несогласия с ним. Так, показателен дискуссионный обмен статьями, произошедший в 1909 г. 7 ноября 1908 года профессор Введенский представил Санкт-Петербургскому Философскому обществу доклад на тему «Новое и легкое доказательство философского критицизма», после чего в 1909 г. вышла одноименная статья [2]. В июле того же года в «Журнале Министерства народного просвещения» в качестве ответа на предложенное доказательство была опубликована статья Н.О. Лосского «Основательно ли “Новое и лёгкое доказательство философского критицизма”?» [9]. В этом контексте основным философско-логическим пунктом спора сделался *вопрос о природе логических законов*.

Будучи кантианцем, А. Введенский поставил перед собой задачу – доказать основные выводы философского критицизма новым и более элегантным способом, нежели «очень трудным и запутанным» путём, изложенным в кантовских «Критике чистого разума» и «Пролегоменах». Эту задачу он решил посредством рассмотрения сущности логических законов. Он задается вопросом: «каковы же логические законы мышления: естественные или нормативные?» [2, с. 6] Ответ, к которому приводит его анализ каждого из четырёх законов логики, таков: закон исключенного третьего и закон тождества – чисто естественные законы мышления, а закон достаточного основания и противоречия – нормативный, т. к. в процессе мышления мы сознательно стараемся только «ни в чём не противоречить самим себе ... и не соглашаться ни с какой мыслью до тех пор, пока не усмотрим основания, достаточного для того, чтобы принудить нас согласиться с ней» [2, с. 13]. Получается, что логику с её оценочным отношением к мышлению должны интересовать только два закона, требующие усилий для своего исполнения.

Н.О. Лосский же, опубликовав критическую статью под названием «Основательно ли “Новое и лёгкое доказательство философского критицизма”?», выразил своё несогласие с трактовкой Введенским логических законов. Во-первых, Лосский делает некоторую поправку в терминологии: «неудобно, говоря о столь общих законах, как логические, называть их *естественными* (т. е. законами природы) (курсив Лосского – В.П.). Поэтому, вместо слова “естественный закон” мы будем употреблять просто слово “закон”, а то, что проф. Введенский называет нормативным законом, будем называть “нормой»» [5, с. 27]. Вопрос о логических законах представляется Лосскому крайне важным: если предлагается новое учение о логических законах, считает философ, оно может стать вкладом в логику (как это осуществилось, к примеру, в концепции воображаемой логики Н.А. Васильева). За учением Введенского о логических законах он такого вклада не признавал. Лосский соглашается с учителем в естественности закона тождества, но не соглашается с нормативностью закона достаточного основания. Этот закон логики, по Лосскому, в обязательном порядке сопровождает мышление, «только та деятельность, в которой выполнен закон достаточного основания, есть мышление» [9, с. 184], – пишет он. Отсутствие основательности в мышлении указывает на то, что нет связи основания и следствия. Для Лосского связь основания и следствия – то же, что логическая связь как таковая. Следовательно, поскольку эта связь отсутствует, постольку «здесь нет мышления». Таким образом, закон достаточного основания есть закон мышления. Отсюда следует интересный вывод: «мышление не бывает ошибочным, т. е. заблуждения возникают постольку, поскольку мы не мыслим (а производим какую-нибудь другую деятельность, принимая её иногда за мышление)» [9, с. 186]. Этот вывод, однако, сам Лосский считает не новым, а достаточно распространённым, приводя в пример концепцию Т. Липпса.

Закон противоречия и закон исключенного третьего, как полагает Лосский, «вовсе не играют такой важной роли в процессе умозаключения, какую им приписывает проф. Введенский» [9, с. 191]. Несогласие Лосского относительно этих двух законов состоит, во-первых, в том, что

трактовка их должна быть одинаковой в силу взаимозависимости этих законов (у Введенского закон исключенного третьего – естественный, а закон противоречия – нормативный); во-вторых, в том, что закон исключенного третьего и закон противоречия соответствуют онтологическому закону определенности, следовательно, они не могут нарушаться мышлением, поскольку оно есть мышление, а не что-либо другое. Какова же роль этих двух законов в логике? Лосский дает ответ: «чисто полицейская, не созидательная, не положительная, а сводящаяся лишь к тому, чтобы *после* процесса умозаключения, когда установлено по закону тождества и достаточного основания, что (к примеру – В.П.) “ртуть упруга”, больше *ни под каким видом не допускать* суждения, что “ртуть не упруга” [9, с. 192].

В упомянутой работе Н.О. Лосского «Логика профессора А.И. Введенского» представлена довольно обстоятельная критика позиции учителя и ответ на уже изложенные А.И. Введенским в других работах (главным образом – в «Логике, как части теории познания» 1912 года) выпады в адрес интуитивизма. Во-первых, Н.О. Лосский выражает сомнение в самих основаниях логицизма учителя: можно ли «построить систему логики, пользуясь лишь узким понятием аналитической необходимости (так мы условимся называть для краткости необходимость, основанную на законе противоречия...)» [5, с. 16]. Это возвращает к столкновению по поводу значения логических законов: для Лосского логическую необходимость выражает закон достаточного основания, для Введенского – закон противоречия. Почему Лосский сомневается в правомерности построения логики на таких основаниях? Введенский отрицает логическую необходимость синтетических суждений (как говорилось выше). В таком случае даже «столь основные синтетические суждения, как « $2+2=4$ », «могут быть отвергнуты без всякой явной нелепости» [5, с. 16]. Лосский полагает, что нельзя построить логики, не установив логической необходимости синтетических суждений (синтетической логической необходимости). «Препятствием для признания необходимости синтетических суждений всегда служит психологизм» [5, с. 16], – делает обобщение из рассмотрения истории логики и гносеологии Лосский. Введенский же, по его

мнению, «не нашел, в чем заключается разница между психологией и логикой, и не объяснил, каким образом логика и гносеология строятся *независимо* от психологии» [5, с. 18] (курсив Лосского – В.П.). А.И. Введенский, в свою очередь, усматривает психологизм в позиции Лосского. Сам Лосский описывает это возражение интуитивизму (и «самое важное», как говорит Николай Онуфриевич) так: в интуитивизме истинное бытие «оказывается сразу и нашим представлением, и независимым от представлений» [5, с. 42]. Эту трактовку можно отнести к вопросам теории познания. Но если принять во внимание, что Лосский различает субъективную и объективную сторону представлений (например, падение камня: субъективная сторона – внимание, сосредоточенное на камне, объективная – независимое от субъекта бытие камня, которое, тем не менее, присоединяется к его кругозору (см. [5, с. 43]), то всплывает и философско-логическая сторона этого вопроса. Логике, согласно Лосскому, есть дело только до объективной стороны представлений, которая может быть выражена в форме суждений – в этом убеждении состоит стремление Лосского отмежеваться от психологизма.

Далее в «Логике профессора А.И. Введенского» Лосский отмечает, что концепция его учителя практически никак не дает теории суждения, т.к. не дает никакого объяснения связи субъекта и предиката в суждении (за исключением указания на то, что это утверждение или отрицание сказуемого о подлежащем). Для Лосского же учение о суждении и связи **S** и **P** является **центральным**. В «Логике, как части теории познания» А.И. Введенский отвечает на это возражение тем, что «логической теорией суждений служит вся логика целиком. До психологических же и метафизических теорий (в том числе и до метафизико-психологической теории самого Н.О. Лосского, которую он ошибочно называет гносеологической) логике нет никакого дела» [1, с. 8]. Введенский полагает, что пространное рассмотрение суждения у Лосского перетекает в рассмотрение переживаний суждений и элементов душевной жизни, из которых состоит это переживание, что не является предметом логики.

Еще одним пунктом спора учителя и ученика стал *вопрос об условиях истинности единичных и общих суждений*. Для А.И. Введенского

как кантианца представляется важным выяснить пути доказательства общих синтетических суждений (поскольку они расширяют знание). Он полагает, что общее суждение о бесконечных классах не может быть доказано простой установкой данных опыта, т.е. непосредственным созерцанием, поскольку относится к бесконечному числу предметов [1, с. 107]. Из этого вытекает, что общие суждения (общие синтетические суждения) могут быть оправданы только опосредованным путём – путём умозаключений. Поэтому учение об умозаключениях Введенский считает важнейшей частью логики. Непосредственно же могут быть установлены лишь единичные суждения. Не соглашаясь с этим, в «Логике» 1922 г. Н.О. Лосский указывает: «Итак, если бесконечные общие суждения не могут быть устанавливаемы непосредственно, то логика в отношении к ним неизбежно должна вступить или на путь скептицизма, ...или на путь априоризма... И та и другая (логика – В.П.) полагает резкую грань между единичными и общими суждениями. Логика, основанная на гносеологии интуитивизма и принимающая к тому же идеал-реалистическое учение о понятии, отвергает этот дуализм и утверждает, что непосредственное созерцание оправдывает не только единичные, но и некоторые бесконечные общие суждения» [7, с. 7]. Этот эпизод дискуссии показателен тем, что демонстрирует практикуемый философами способ подтверждения своих позиций по частным логическим вопросам философскими аргументами.

Если окинуть общим взглядом несогласия А.И. Введенского и Н.О. Лосского по логическим вопросам, можно сделать вывод о том, что все они сводятся к одному и основному – *спору о статусе логики*. В этом контексте, например, Лосский обвиняет Введенского в том, что его система логики имеет не самостоятельное значение, а является лишь средством для уничтожения метафизики; обширным было также обсуждение вопроса о психологизме в интерпретации логики и др. Рассмотрение статуса логики, её сущности выводило оппонентов за границы чисто логических вопросов, протекало с использованием аргументов общефилософского характера. Соответственно, специфика позиций сторон может быть объяснена только экстерналистски, т.е. выходя за рамки логики и учитывая философские

предпосылки рассматриваемых логических учений. Решению этой задачи соответствует методология исследования логических учений, основанная на выявлении *авторских образов логики*⁵ и их сопоставлении.

Так, для образа логики А.И. Введенского характерны следующие черты:

1. Его логическое учение – это вариант традиционной логики. Введенский защищает традиционную логику, сводит к минимуму элементы формализации.

2. В основе логического учения лежит установка философского логицизма, который Введенский считал своим оригинальным научным достижением. Логика предстает не основой, а средством развития философского учения.

3. Область приложения логики заключается в её значимости для критического мышления; логика обязательно сопутствует открытию, поскольку она исследует способы доказательства открытий. При этом логика – это лишь инструмент проверки, служащий для обоснования, доказательства догадок, возникающих вне сферы ведения логики. Кроме этого логика имеет образовательное значение.

4. Вопрос о связи логики с мышлением Введенский решает антипсихологистски, четко разграничивая предмет логики и психологии. Логика представляется ему знанием, приближающимся к точным наукам, что подтверждает его антипсихологистскую интерпретацию логики.

5. Логические законы не одинаковы по природе (естественные и нормативные).

При сравнении выделенных позиций с концептуальными философско-логическими установками Н.О. Лосского, выявляется ряд существенных сходств. Во-первых, это приверженность традиционной логике и иммунитет к использованию новейших средств математической логики. Во-вторых, представление о значимости логики как руководства для критической проверки мышления; образовательное значение логики, эвристическая роль логики в обосновании открытий. В-третьих, можно выделить некоторые сходные черты в понимании логических законов: и Введенский, и Лосский рассматривают естественные и нормативные законы логики; отдельно трактуется природа каждого из законов и их значимость

⁵ См. об этом [10].

для логики и теории познания. В-четвертых, четко зафиксирована проблема психологической интерпретации логики и рассмотрены отношения логики и психологии (а также логики и гносеологии). Авторы сошлись также в критерии для проверки концепции на психологизм-антипсихологизм (способность отличать предмет психологии от предмета логики и гносеологии). Сфера главных расхождений учителя и ученика – различие философских установок, лежащих в основании логических учений. Каждый из философов стремился придать целостность логической теории, но для решения этой задачи они вводили гносеологические элементы в логику в виде объяснений, обоснований, трактовок логических понятий.

Таким образом, Введенский и Лосский, при существенных расхождениях в отдельных философско-логических вопросах, предложили философски отрефлектированные целостные концепции логики, основанные на использовании средств традиционной логики, которые были явно не достаточны для решения задач, возникающих как внутри их философских концепций, так и в процессе преподавания логики в начале XX в. В связи с этим философам пришлось явным образом вводить в свои логические учения гносеологические положения, придавая концепциям гетерогенный характер. Такие философские фрагменты восполняли относительную бедность используемых логических средств и становились интегрированной частью их логических концепций. В этом читается

определённая специфика многих отечественных логических учений того времени, которым был свойственен своеобразный иммунитет к современным средствам символической логики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Введенский А.И. Логика, как часть теории познания. Пг., 1917.
2. Введенский А.И. Новое и лёгкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909.
3. Ермичев А.А. О том, как поссорились два ученых мужа. Очерк истории нравов университетской профессуры в России XX века // Вопросы философии. 2003. № 5.
4. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994.
5. Лосский Н.О. Логика проф. А.И. Введенского. М., 1912.
6. Лосский Н.О. Логика. Часть первая. Пг., 1922.
7. Лосский Н.О. Логика. Часть вторая. Пг., 1922.
8. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М., 1991.
9. Лосский Н.О. Основательно ли «Новое и лёгкое доказательство философского критицизма»? // ЖМНП. 1909. Июль.
10. Попова В.С. Роль понятия «образ логики» в историко-логических исследованиях // Преподаватель. XXI век.
11. Общероссийский научно-практический журнал о мире образования. 2006. № 2.
12. Попова В.С., Пушкарский А.Г. Два критика логики профессора А. И. Введенского // Рацио.ru. Электронный научный журнал. 2011. № 6. <http://www.kantiana.ru/ratio/issues/2720/>
13. Рутковский Л.В. Основные типы умозаключений. Исследование Л.В. Рутковского. СПб., 1888.

Н.С. Автономова*

ОТ «КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ» К ПЕРЕВОДУ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ШАГ ПОЗДНЕГО РИКЁРА

В статье дается анализ важного сдвига в системе феноменологической герменевтики позднего Поля Рикёра. Показано, каким образом «конфликт интерпретаций», о котором много говорилось в работах 1960-х годов, привел Рикёра – через ряд концептуальных расширений и трансформаций – к философской проблеме перевода. Автор статьи считает работу перевода этическим отношением, в принципе незавершимым, «парадигмой отношения к другому» и вместе с тем утверждает, что трактовка познания как перевода (и перевода как познания) дает инструментарий для серьезного обновления современной эпистемологии.

Ключевые слова: феноменологическая герменевтика, интерпретация, перевод, признание, объяснение, понимание, конкретная рефлексия, построение соизмеримостей.

From «Conflict of interpretations» to translation: late Ricoer's conceptual step. NATALIYA S. AVTONOMOVA (Academy of Humanities Research).

The article analyses an important shift in the late Paul Ricoeur's phenomenological hermeneutics. It shows how the so called «conflict of interpretations» abundantly discussed in the 1960s led Ricoeur – through various conceptual amplifications and transformations – to a philosophical concept of translation. The author of the article sees translation as an endless ethical relation, as a paradigm of one's relation to the other and at the same time maintains that treating cognition as translation (and translation as cognition) provides conceptual instruments for modernizing contemporary epistemology.

Key words: phenomenological hermeneutics, interpretation, translation, recognition, explication, comprehension, concrete reflexion, constructing “comparables”.

Поль Рикёр, самый известный представитель феноменологической герменевтики, никогда не был теоретиком перевода, но был его компетентным практиком, а также аналитиком. Например, находясь в немецком плену, он украдкой переведил гуссерлевские «Идеи I» (в отличие от Хайдеггера, Гуссерль был тогда запрещенным автором). Много позже во Франции он был одним из проводников идей англо-американской аналитической философии, и его бывшие студенты, как я убедилась, до сих пор благодарны ему за это. Просветительская широта взглядов всегда позволяла ему отстаивать позиции, лишённые крайностей и какого-либо однобокого догматиз-

ма. У Рикёра были свои внутренние основания для того, чтобы сказать свое слово о переводе. Правда, это произошло лишь в конце его жизни, но воспринимается нами теперь как теоретическое и человеческое завещание. Его книжечка, в которой объединены три очерка о переводе, символически названа «Большие трудности и малые радости перевода»¹. Хотя переводческие трудности «большие», а радости «малые», поздний Рикёр трактует перевод как духовной опыт огромной человеческой значимости. И прежде всего потому, что в процессе перевода создается

¹ Ricoeur P. Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris, 2004.

*АВТОНОМОВА Наталья Сергеевна, доктор философских наук, член-корреспондент Академии гуманитарных исследований. E-mail: avtonomovanatalia@gmail.com

© Автономова Н.С., 2013

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 11-03-00011 а.

область соизмеримого опыта, без которого никакое общение невозможно. Рикёровская работа о переводе вышла почти одновременно с книгой «Путь признания»². И это совпадение во времени двух последних опубликованных его работ представляется символичным: важнейшая для позднего Рикёра идея признания (это может быть признание себя, признание другого, признание себя другим и т.д.), т. е. идея взаимной направленности человеческих жизненных усилий и проявлений так или иначе переплетается с идеей перевода как формы «человеческого гостеприимства», находит в ней свое методологическое, «операциональное» обоснование.

Подступом к проблематизации перевода была для Рикёра долгая, в течение всей жизни, работа с посткантианской дихотомией объяснения и понимания и проблемой интерпретации, которая ее опосредует. В соответствии с тенденциями западной философии второй половины XX в. Рикёр ставит саму эту дихотомию под вопрос; он делает и следующий шаг: предлагает рассматривать ее члены не как взаимоисключающие полюса, но как относительные моменты в сложном процессе, называемом интерпретацией. Понятие интерпретации пронизывает все творчество Рикёра. Оно обозначает процесс и/или результат истолкования смыслов (прежде всего текстов, но также – жизненного мира) через опосредующие их знаки и выступает как задача широко понимаемой дисциплины – герменевтики. Самое главное философское деяние Рикёра, по его собственному признанию, заключается в «прививке» герменевтики к феноменологии и тем самым – в обогащении спектра возможностей философского изучения человека и его культурного мира. Интерпретация в его концепции оказывается тем стержнем, вокруг которого переплетаются такие столь различные подходы к человеку, как философия жизни, экзистенциализм, персонализм, психоанализ, герменевтика, структурализм, аналитическая философия.

Отказываясь от дихотомии объяснения и понимания, Рикёр уходит от непродуктивного дуалистического дробления форм человеческого познания. Он видит в человеке существо, которое принадлежит одновременно и порядку причин

(с его законами и фактами), и порядку мотиваций (с его намерениями и проектами), а потому диалектическая связь этих порядков отображает сложные соотношения между социальными и естественными науками. Философская герменевтика, опирающаяся на интерпретацию, позволяет увидеть нечто глубинно-общее для различных типов знания. Это общее связано /с процессами символизации как одной из важнейших функций сознания.

Освоение символического мира выступает для Рикёра как область превращения абстрактной философской рефлексии, основанной на достоверностях индивидуального *cogito*, в так называемую конкретную рефлексию, раскрывающую многообразные формы символической деятельности. «Рефлексия – это присвоение нашего усилия существовать и нашего желания быть в произведениях, которые свидетельствуют об этом усилии и об этом желании...»[10, р.21]. При этом «философия рефлексии», отвергающая возможность непосредственного схватывания, противоположна философии сознания: она находит свое обоснование в слое онтологическом («я есмь»), с которым теснейшим образом связана речевая способность («я говорю»). Язык не есть основание или объект, он – медиум, среда, в которой субъект полагает себя, а мир обнаруживает себя. Именно в сфере языка феноменология должна изучать позицию субъекта, в котором есть выговоренное бытие (*l'être dit*) и говорящее бытие (*l'être parlant*). В целом концептуальное средоточие феноменологической герменевтики – это проблема человека как субъекта интерпретации и включение индивида в целостный контекст культуры.

В исследованиях Рикёра интерпретация виртуозно выполняет функции, которые обычно разводят по разным полюсам. Например, мы исходим из того, что всякое понимание требует объяснения, ибо непосредственный диалог, равно как непосредственное чтение или слушание, невозможны: ведь они направляются и намерением автора, и кодами повествования, и еще многим другим. Углубляясь в анализ данной ситуации, мы видим это на примере развертывания интерпретации: объяснение оказывается необходимым моментом абстрактно возможного на пути от события к системе, тогда как понимание, напротив, – актуализацией возможного на пути от системы

² Ricœur P. *Parcours de la reconnaissance. Trois études*. Paris, 2004. В русском переводе И. Блауберг и И. Вдовиной: Рикёр П. *Путь признания: три очерка*. М., 2010.

к событию (в частности, от языка как системы к конкретному высказыванию). Рикёр, как известно, отказался от противопоставления объяснения и понимания. Он предлагает нам увидеть, что понимание (точнее, пред-понимание) предваряет объяснение, сопутствует ему в коммуникативном процессе и наконец завершает его, приближая текст к тому, кто его воспринимает. Однако и понимание без объяснения тоже невозможно, так как именно объяснение позволяет развертывать, артикулировать те или иные стадии понимания. В обоих этих случаях интерпретация выступает как способ многомерного опосредования объяснения и понимания в процессе их взаимодействия.

Выше было показано, как интерпретация разрешает и опосредует конфликты между объяснением и пониманием. Однако из этого не следует, что это некая всепримиряющая стихия: в ней рождаются новые конфликты и новые напряжения, которые требуют той или иной формы разрешения. И здесь можно видеть стимул, который в дальнейшем привел Рикёра к проблеме перевода как способа преодоления, пусть и неокончательного, этих конфликтов. Но об этом – позже. А пока вернемся к объяснению и пониманию: они соотнесены, но не замкнуты друг на друга, между тем и другим (например, между объективным анализом структур повествования и субъективным пониманием его значений) находятся, по Рикёру, «мир текста» и «мир возможных путей реального действия». Текст выполняет в философской герменевтике Рикёра особые, первостепенно значимые функции: это не только последовательность фраз, но нечто большее – структурированная целостность, в которой реализуются различные виды полисемии (согласно Рикёру, можно говорить о «текстуальной полисемии точно так же, как говорят о лексической полисемии»³). А потому процесс интер-

претации, работающей с текстовым материалом, неизбежно оказывается конфликтным: каждый раз мы имеем дело не с одной, но со многими интерпретациями. И это не выпадение из правила, но нечто неизбежное. По Рикёру, «конфликт интерпретаций» вовсе не свидетельствует о бессилии понимания, напротив, его можно считать «достоинством понимания, образующего суть интерпретации» [6, с.8]. Конфликтность интерпретативных практик обусловлена, по-видимому, не только функционированием языков и текстов, но и их столкновениями с реальной неоднозначностью бытия.

После 1960-х годов концепция Рикёра претерпела ряд расширений и модификаций, причем ключевыми понятийными привязками на этих стадиях становятся соответственно: слово – фраза – повествование – действие (акт) – перевод. Все эти проблемные модификации примерно совпадали с десятилетиями его творческого пути: это обращение к метафоре как творческому механизму языка (1970-е), изучение механизмов повествования (рассказа) и через него – включения индивида в более широкий культурный контекст – (1980-е), анализ проблем этики и политики, – а также механизмов исторической памяти (1990-е). Параллельно этим расширениям и сдвигам, как можно предполагать, нарастало и то проблемное напряжение, которое подтолкнуло Рикёра в конце 1990-х годов к эксплицитной формулировке проблемы перевода. Рикёр не успел исследовать ее развернуто, но со свойственной ему ясностью и широтой ума зафиксировал общий план ее эпистемологических, онтологических, этических разверток. А потому можно сказать, что проблема перевода как условия культуры, как механизма интерпретации и понимания стала у Рикёра маркером новой стадии в его творческой эволюции.

Рикёр, как уже отмечалось, трактует перевод как практик и аналитик, но не как абстрактный теоретик. Прежде всего, подчеркивает Рикер, в отношении к переводу следует избегать параллельной альтернативы переводимости и непереводаемости и тем самым – от идеи разорванных «языковых миров», в какой бы версии она ни представляла. Отметим, что в данном понятийном контексте идея непереводаемости выглядит как

³ В работах 1960-х годов идея «конфликта интерпретаций» проводится у Рикера вполне последовательно. Именно так – «Конфликт интерпретаций» – был назван один из разделов книги «Об интерпретации», посвященной Фрейдю (Ricoeur P. De l'interprétation. Essai sur Freud. Paris, 1965. P. 29–44), а позднее и его фундаментальный труд, посвященный переосмыслению феноменологии через «прививку» переосмысленной герменевтики, см.: Ricoeur P. Le conflit des interprétations. Essais d'hermeneutique. Paris, 1969 (Рус. пер. И.С.Вдовиной: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008).

пессимистическое следствие тезиса о «конфликте интерпретаций». Рикёр, напротив, предпочитает считать перевод фактически существующим (подобно тому, как Кант считал естественные науки существующими и далее ставил вопрос о том, как возможно реально существующее). И потому нашей задачей становится отныне поиск того ресурса, который обеспечивает возможность перевода. Спрашивается: где его искать – в первязыке? в будущем универсальном языке? Переводу, разумеется, мешают несовершенства строения и функционирования естественных языков, необходимость учитывать такие обстоятельства, как позиция говорящего, позиция собеседника, особые отношения смыслов к референтам, характерные для разных культур и языков, и др. Сражаясь с этими трудностями, переводчики постоянно попадают в ситуацию круга: скажем, для перевода концептуальной литературы им нужны терминологические словари, но составить их можно лишь в результате большой предварительной работы. Спрашивается: способен ли так понимаемый перевод разрешить «конфликты» – между разными интерпретациями и внутри одной интерпретации?

Как известно, особенно труден перевод поэзии. Но и перевод философии очень сложен: семантические поля словопонятий не совпадают друг с другом, главные слова (*Grundwörter, maître-mots*), такие как *Aufhebung, Dasein, Vorstellung, Ereignis*⁴, – в разных языках не просто различны, но также имеют разные культурные и концептуальные коннотации. Помимо этого национальные языки различаются построением фразы, сохраняемым ими культурным наследием, которое переводчик должен учитывать. В любом случае у нас нет такого текста-посредника, с помощью которого можно было бы переводить философские тексты с одного языка на другой. Но если философия хочет существовать как общее дело, эти слова должны переводиться. И это непререкаемое условие любой дальнейшей интерпретации. Тем самым, по Рикёру, перевод оказывается поиском «эквивалентности без адекватности» и без возможности доказать идентичность переводящего переводимому [8 р. 19, 20,

40]. Иными словами, эквивалентность не дана, а задана: она есть то, чего мы ищем. И это очень важное звено в рассуждении об интерпретации и переводе.

Согласно Рикёру, эквивалентность переводящего текста и переводимого текста не есть априорная догма. Она основана на динамике культурных и языковых процессов и складывается постепенно, в результате непрекращающихся усилий: культурное родство скорее производится переводом, нежели предполагается им [8, р. 63]. В этом утверждении можно видеть фокус рикёровской концепции перевода. Самое важное для понимания роли перевода в концепции Рикёра и в философии вообще – мысль о том, что именно работа перевода строит соизмеримое, сопоставимое, создает пространство умопостигаемости, интеллигибельности между языками и культурами⁵. В построении сравнимых миров и заключается великая роль перевода в культуре. Как конкретно это делалось в истории культуры, мы видим прежде всего на примерах переводов Священного Писания⁶, а также различных произведений, маркирующих культурные и литературные традиции. Лозунг «строить соизмеримости» (*construire des comparables*) становится собственным девизом Рикёра как исследователя интерпретации, понимания и перевода. Таким образом, на месте утопического всеобщего языка можно представить себе бесконечную сеть всеобщего (но не тотального!) перевода, нечто вроде всеобщей библиотеки, где мир предстает как бесконечно разветвленная сеть переводов всех произведений на все языки⁷.

⁵ Вне связи с переводом этот процесс конструирования соизмеримого рассматривается Марселем Детьенном в книге: Detienne M. Comparer l'incomparable. Paris, 2000.

⁶ Как считает известный американский исследователь перевода Ю. Найда, существующие на разных языках тексты Библии требуют лингвистического пересмотра каждые 3–5 лет, чтобы держать руку на пульсе языковых изменений, накапливая исторические свидетельства, которые рано или поздно придется учесть в новом переводе. Ср. прекрасную работу о переводах Библии: Ваард Я. де, Найда Ю. На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах. СПб., 1998.

⁷ В романтическом идейном воплощении и словесном одеянии эта греза о достижении всеобщего языка через всеобщий перевод посещала и Вальтера Беньямина. Правда, по Рикёру, эта поэтическая ностальгия Беньямина, претворенная в эсхатологические ожидания,

⁴ Заметим, что в качестве главных философских слов Рикёр, пишущий по-французски, приводит слова немецкие (наверное, это результат трудно устранимого пиетета философии перед «греческим и немецким»).

Но тем самым перевод ставит перед нами не только интеллектуальную, но также этическую задачу – это задача «языкового гостеприимства», «признания Другого», о чем уже говорилось в начале. Идея «языкового гостеприимства» призвана концептуально и психологически заместить те страхи и отчаяние, в которые впадает временами любой переводчик. Языковое гостеприимство – это удовольствие проживать в чужом языке и «признавать» его, принимая в своем доме чужую речь [8, р. 20]. Таким образом, Рикёр пронищательно увидел, что вне вопроса о переводе, поставленного в широком философском плане, проблема конфликта интерпретаций теряет свой продуктивный импульс. В его подходе к переводу, бегло начертанном, но глубоко продуманном, слышны отзвуки всех предыдущих проблематизаций, через которые прошел Рикёр, анализируя вопросы языка, понимания, интерпретации, роли повествований в человеческом мире и др. Его последняя программа – «парадигма перевода»⁸ – собирает все предыдущие под сень единого замысла – создания пространства умопостигаемости через работу перевода.

Мы с благодарностью подхватываем и пытаемся продолжить те мысли о переводе, которые оставил нам Рикер. Вопрос о переводе остро стоит в современной культуре, он возникает на стыке дисциплин – филологии, истории, текстологии, культурологии, антропологии и других. Но теперь (в частности, благодаря Рикеру) также и философии. На фоне всех этих трактовок перевода меня интересует, прежде всего, стык переводческих и познавательных практик, и на этом пути я прихожу к простой и достаточно емкой формуле: *перевод как познание и познание как перевод*. Я стремлюсь подчеркнуть познавательные, интерсубъективно значимые аспекты перевода как помощника работающей мысли. При этом нам приходится исходить из ситуации *изначального непонимания* (будь то между членами одной семьи или же членами разных культурных сообществ)

ничем не может помочь переводческой практике, так что и «задачу переводчика» Рикёр советует формулировать более трезво. Ricœur P. Sur la traduction. P. 30.

⁸ См. об этом в работе: Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008, а также отчасти в книге: Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009.

и продвигаться путем постижения чужих языков и освоения чужих мыслей и представлений – во многом именно путем перевода. Деррида некогда сказал: везде письмо. Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. В анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удастся увидеть в других формах познания: например, как различные фрагменты опыта переходят из сферы почти не выраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке.

Обращение к проблеме перевода позволяет нам по-новому прочертить контуры эпистемологической проблематики. Затрагивая все сферы человеческой деятельности, перевод выступает не только как средство познания, но и как *условие возможности* любого познания в социальной и гуманитарной области. При этом и сам перевод оказывается весьма интересным объектом познания: он материально *ограничен* текстами (оригинала и перевода), но в принципе *незавершен*. Далее, он предельно *«фактичен»*, но кладет в основу *отношение*, играя как на сходствах, так и на различиях языков и культур (без первого он был бы невозможен, без второго – не нужен). По сути, ввод проблематики перевода требует переструктурирования всей ткани понятий гуманитарного познания – с учетом того, что все культурные объекты выступают, как уже отмечалось, прежде всего в модусе отношений, а не субстанций. В любом случае перевод не ограничивается узкопрофессиональным умением подыскивать эквиваленты к терминам одного языка в другом языке (хотя именно это – фокус переводческой работы в философии и гуманитарных науках): он затрагивает всех и каждого, как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни.

В отличие от иллюзорной презумпции заведомого понимания в диалоге именно перевод представляется мне *парадигмой отношения к другому*. Перевод опирается на тот опыт различия, который дается нам повседневной практикой столкновения языков. Мы постоянно окружены другими языками, во всяком случае в гораздо большей степени, чем мы го-

товы это признать из-за своих монопольных и монокультурных привычек. Вообще, в наших размышлениях о переводе постоянно присутствует мысль: «мы говорим на разных языках». Если в обыденной речи это – констатация кризиса или даже краха коммуникации, то в работе культуры – это обычная ситуация, с которой всякий раз начинается работа перевода и интерпретации. Чтобы что-то обсуждать, что-то понимать, мы осознанно и самоотверженно должны учить языки друг друга. Только тогда перевод будет для нас не неизбежным поводом для фрустрации, но шансом отнестись к познанию другого как к трудной, но выполнимой работе, а к собственным привычкам мысли – как к тому, что не является единственно возможным. Но для этого нам как раз и требуется понять, что говорить на разных языках» – это сама суть экзистенциального опыта и одновременно – основа культурного самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
2. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009.
3. Ваард Я. де, Найда Ю. На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах. СПб., 1998.
4. Рикёр П. Путь признания: три очерка. М., 2010.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008.
6. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 8.
7. Detienne M. Comparer l'incomparable. Paris, 2000.
8. Ricœur P. Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris, 2004.
9. Ricœur P. Parcours de la reconnaissance. Trois études. Paris, 2004.
10. Ricœur P. Le conflit des interprétations. Paris, 1970.
11. Ricœur P. De l'interprétation. Essai sur Freud. Paris, 1965.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИЛЛЮЗОРНОСТИ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО МИРА ИЗ ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНУЮ

В данной статье исследуется проблема заимствования, характерного для индийской культуры представления об иллюзорности феноменального мира западной культурой, на примере сопоставления учения К. Кастанеды и адвайта-веданты.

Ключевые слова: иллюзорность, реальность, майя, Брахман, восприятие, освобождение, адвайта-веданта, нагуализм.

Specificity of Transfer of Phenomenal World's Illusiveness Doctrine from Eastern to the Western Culture. ALEKSANDR A. BAYKOV (Moscow University for the Humanities, Moscow).

This article studies the issue of adoption of the phenomenal world's illusiveness conception that is typical for Indian culture to the western culture by comparing C. Castaneda's teaching with Advaita Vedanta.

Key words: illusiveness, reality, maya, Brahman, perception, deliverance, Advaita Vedanta, nagualism.

В современной западной культуре все чаще поднимается вопрос об иллюзорности чувственно-воспринимаемого мира. Являющееся достоянием философии различие истинного бытия и его отражения в феноменах выходит за ее пределы, воплощаясь в упрощенных формах в массовой культуре. Одновременно возрастает интерес к исследованию различных проявлений иллюзии. Это обусловлено возникновением и осмыслением в XX и XXI в. новых форм иллюзии, таких как виртуальная реальность. Нарастает тенденция эскапизма, а пренебрежение к реальному миру перерождается в отрицание его истинности, в поиске иных, столь же реальных миров. Актуальность идеи иллюзорности феноменального мира влечет за собой обращение к другим культурам, в традиции которых изначально присутствует идея иллюзорности мира: к восточным культурам, в особенности к индийской. На основе отрицающих реальность явлений учений буддизма, адвайта-веданты, шиваизма

в западной культуре возникают множественные течения и организации, старающиеся перенести на Запад чуждые ему идеи: как в попытках прямого переноса оригинальных учений, так и в создании синкретических систем. В связи с этим остро встает проблема возможности трансляции идей, порожденных одной культурой, в другую, для которой они не характерны. Необходимо выяснить, осуществима ли трансляция восточного учения об иллюзорности на почву западной культуры.

В данной статье проблема переноса характерной для индийской мысли идеи иллюзорности феноменального мира в западную культуру рассматривается на примере «нагуализма» К. Кастанеды, который является образцом подобной попытки. Для сравнения будет рассматриваться оригинальное индийское учение адвайта-веданта, в качестве образцового представителя которой взят ее основатель, Шанкара.

*БАЙКОВ Александр Алексеевич, аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. E-mail: gajasura@yandex.ru
© Байков А.А., 2013

Проблема иллюзорности мира в данных учениях будет рассмотрена в нескольких аспектах: 1) вопрос о самой иллюзорности, характере этой иллюзии, причинах заблуждения человека; 2) вопрос о том истинно сущем, которое этим заблуждением скрывается; 3) вопрос о пути, способах избавления от иллюзорного бытия, преодолении ограниченности человека и доступе к истинной реальности. Их можно условно обозначить как аспекты: 1) гносеологический, 2) онтологический и 3) сотериологический.

Идея иллюзорности мира явлений в индийской мысли развивается в двух традициях: буддийской и ведантистской. Различие между ними заключается в понимании лежащего за иллюзией истинного бытия. Буддийская традиция развивается от идеи дхарм в раннем буддизме до учения о пустотности в махаяне и ваджраяне: об отсутствии сущности у явлений. Отрицая реальность явлений, буддизм не указывает на истинную реальность: любая реальность отрицается. Ведантистская традиция основана на признании существования Брахмана, единой и всеобъемлющей вещи-в-себе. Мир — иллюзорное выражение Брахмана, другая точка зрения на него. Отношение Брахмана и мира характеризуется как Майя, мировая иллюзия. Данная традиция возникает в упанишадах, ложится в основу веданты, где достигает своего классического выражения в учении недвойственной веданты, и переходит в другие учения.

Можно выделить социокультурные предпосылки возникновения идеи иллюзорности в индийской культуре. Они совпадают с основными характеристиками восточных культур: традиционализм, неизменность образа жизни и идей; религиозно-мифологическое сознание; непротивопоставление себя внешнему миру; обращенность к сознанию, к духовному миру; существование человека в ограничении его положением, фиксированное место человека в обществе и мире, тесная связь с социальной группой. В условиях ориентации на внутреннюю духовную составляющую возникает недоверие к внешнему миру, предположение об иллюзорности его. Но и человек, как часть мира, тоже подвергнут сомнению. Неизменность культуры порождает стремление к поиску неизменного начала мира. Превосходство целого над част-

ным стимулирует поиск абсолютной целостности, стоящей за видимой множественностью вещей.

В западной культуре, наряду с осмыслением обыкновенных иллюзий, существует представление, кажущееся близким к индийскому отрицанию реальности мира. Речь идет о различении кажущейся реальности и истинной, становления и бытия: идея, проявлявшаяся в учениях Гераклита, Парменида, Зенона, но наиболее ярко выраженная у Платона, в различении мира идей и мира их отражений. В более поздние периоды ключевыми фигурами можно назвать Р. Декарта, выразившего сомнение во всем, кроме *cogito*; Дж. Беркли, отрицавшего необходимость существования вещей вне сознания, но нашедшего опору в Боге; и, разумеется, И. Канта, четко разграничившего доступный познанию мир явлений от непознаваемых вещей-в-себе.

Однако отличие данной идеи от аналогичной восточной различимо уже в рассмотрении социокультурных предпосылок. Условия возникновения идеи иллюзорности мира в Индии не могут быть применимы к Западу. Для западной культуры характерны: динамизм, постоянное развитие, смена культурных парадигм; направленность на познание внешнего мира, активное с ним взаимодействие; рационализм, развитие теоретической и практической науки; индивидуализм, личностность; утилитарность; стремление к свободе. Может показаться, что в таких условиях представление о несуществовании феноменального мира невозможно. Действительно, в западной культуре такой подход играет второстепенную роль. Но он не является замаскированным и в перечисленных чертах могут быть найдены основания. Так, динамическая направленность, с одной стороны, ориентирует человека на мир становления, но, с другой — показывает ему, сколь непостоянен и изменчив воспринимаемый мир. Стремление к познанию, рационализм, с одной стороны, отвращают от возможной мистики, но с другой — порождают скептицизм, готовый отвергать не только сомнительное, но и очевидное. Во взаимодействии с миром западный человек может не замечать его небытия, но сейчас он также взаимодействует с виртуальными мирами, реальность которых может привести к сравнению с окружающей нас

действительностью: дает прецедент того, как нечто, кажущееся целой отдельной реальностью, оказывается иллюзорным. Индивидуализм и свободолюбие не позволяют стремиться к слиянию с высшим принципом, но призывают к снятию ограничений, налагаемых нереальным миром. Эти признаки уже закладывают основы отличия представления об иллюзорности мира в западной культуре: привязанность к миру, вовлеченность в него ведут к возможности наслаждения иллюзией, примирения с ней; индивидуализм порождает стремление к личному спасению, сохранению своего сознания, а строгая научность приводит к тому, что данная идея развивается в основном в нерелигиозной философии и редко подразумевает практические следствия.

Рассмотрим представления об иллюзорности мира в западной и индийской культурах, на примере учений К. Кастанеды и Шанкары.

Необходимо начать с **онтологического** аспекта. Представления об истинной реальности непосредственно проистекают из представления о реальности иллюзорной (в учениях об иллюзорности гносеологический и онтологический аспекты содержательно различаются, но исходят из общих отправных точек [9, с.73]): кроме иллюзорного бытия должно быть истинное, к которому приходят освобождающиеся от заблуждения: Брахман адвайты, шунья буддизма, Орел и эманации Кастанеды или вещи-в-себе И. Канта.

В учении К. Кастанеды истинное бытие представлено как энергия, как сознание и как Орел и его эманации. Неизменное положение, пронизывающее все труды К. Кастанеды, гласит: «Все есть энергия. Вся Вселенная – это энергия» [1, с. 19]. Человек, все существа, предметы, Орел – ее манифестации. Энергия сформирована в виде необъяснимых, но доступных для созерцания «видящих», полей и волокон. Их переплетения, столкновения и создают все, существующее в мире. Вторым бесспорным основанием сущего является сознание. Согласно Кастанеде, сознание присуще не только людям и животным, но и растениям, «неорганическим существам» и даже нитям энергии. Эта всеобщность скорее принижает сознание человека, а не возвышает сознание Вселенной, что данное положение не имеет ничего общего с гилозоизмом или анимизмом [3, с. 217]. Это не феноменальное сознание,

это возможность воспринимать, а значит взаимодействовать, в мире энергии. Человек – «чистое сознание, не имеющее ни плотности, ни границ» [2, с. 319]. Единственное, что существует в нем объективно, – его личная сила, которая обеспечивает его восприятие, деятельность и жизнь. Поля и лучи энергии интерпретируются как Орел и эманации Орла. Орел – это поток, струя нитей, представляющая собой наиболее сильную, вечную энергию, от которой зависят все остальные нити: его эманации. Это сознающая энергия, которая наделяет сознанием существа, чтобы позже поглотить их. Орел – причина миров и существ, но не Бог, не Абсолют, так как не обладает необходимыми совершенствами.

Для Шанкары и его последователей истинным бытием является Брахман. За всей иллюзией множественного мира сокрыт единый Абсолют, «единое, универсальное и вездесущее все». Ниргуна-Брахман, как правило, рассматривается апофатическим методом «ни то, ни то»: «...ни ум, ни интеллект, ни жизненная сила...» [7, с. 52]. Но представления о нем возможны: они обозначаются выражением сат-чит-ананда – «бытие, сознание, блаженство» [8, с. 58]. Брахман – Бытие, существует только он. Все мироздание является Брахманом, лишь явленным с другой стороны. Следующим уровнем бытия является Майя. Хотя Майя и есть иллюзия, ей все же может быть придан смысл сущего. Майя тогда трактуется как сила, создающая мир, заставляющая мир существовать, а значит, более реальная, чем он. Индивидуальная душа, джива, также имеет под собой лишь Брахман, с которым она связана силой Майи.

Наиболее очевидным и существенным различием учений Кастанеды и Шанкары является различие в отношении к единству и множеству. Все учение адвайта-веданты основано на единстве сущего: множества нет, оно иллюзорно. Ответ на вопрос, что существует, очевиден: Брахман. В учении Кастанеды в основе мира лежат эманации, сгустки энергии, сознающие нити, существа: существует энергия, но она не однородна. Орел не является заменой Брахману: Орел не абсолютен, иначе не нуждался бы в энергии других существ. И, одновременно, у Кастанеды каждое существо приобретает черты маленького абсолюта, но они все вместе существуют в беско-

нечности. Онтологию Кастанеды отличает принципиальный плюрализм, учение же Шанкары монистично. Сравнивая решения данного вопроса в других традициях исследуемых культур, следует отметить, что пустотность буддизма едина и абсолютна, как и Брахман, а вещи-в-себе Канта предположительно множественны, как нити и существа Кастанеды.

Если у Шанкары заблуждение – незнание Единства, то у Кастанеды главной проблемой является неведение того, что наш мир не один, незнание других миров. Адвайта-веданта стремится к выходу за пределы множества, разнообразия, а нагуализм, напротив, ищет выхода в бесконечную и неограниченную множественность. Необъяснимость реальности, присутствующая в обоих учениях, происходит из диаметрально противоположных оснований: для адвайты причиной непознаваемости Брахмана является его простота и тождественность его атрибутов с сущностью; в нагуализме непознаваемость обоснована бесконечностью одинаково истинных интерпретаций. Учения объединяет отрицание субъект-объектных отношений, но основания для него различны. Для Шанкары оно коренится в единстве, у Кастанеды, в условиях всеобщности сознания все отношения оказываются субъект-субъектными.

Следует перейти к **гносеологическому** аспекту проблемы и рассмотреть сущность иллюзии. Обе системы признают иллюзорность феноменального мира, но характер этой иллюзорности различается.

Центральным понятием философии Кастанеды является восприятие, и в нем следует искать основание феноменального мира. Восприятие описывается как главная характеристика сознания. Объектом восприятия являются эманации Орла: набор эманаций проходит через «точку сборки» человека. Сознательное существо само создает свой мир за счет того, что ставит «точку сборки» в нужное положение: мир, который мы видим, существует потому, что мы находимся в той позиции восприятия, которая ему соответствует, но обычный человек не умеет произвольно перемещать точку сборки. Структура восприятия в нагуализме подразумевает три модели: различение тоналя и нагвалья, представление о трех вниманиях и учение о двух Кольцах

Силы. Тональ и нагваль, части естества сознающего существа, но также составляют и структуру воспринимаемого мира. Тональ – сила, которая упорядочивает хаос, формирует статичный мир, матрица, на которую ложатся разрозненные восприятия. Нагваль – бесконечный хаос, невыразимый, необъяснимый, не постижимый для разума, неопределенная совокупность восприятий. Тональ мешает правильному восприятию. Он сравнивается с надзирателем, который так сильно заботится о восприятии этого мира, что не позволяет принять никакую другую позицию [2, с. 336]. Тональ фиксирует точку сборки, препятствуя ее смещению, и сопротивляется любым попыткам выйти за границы мира. Модель Двух Колец Силы говорит о разуме и воле. Разум – инструмент поддержания конкретного мира, что сближает его с тоналем. Воля, намерение – сила, позволяющая сдвигать точку сборки. Невозможность покинуть феноменальный мир обусловлена развитостью разума и неразвитостью воли, причиной чего является не природная неспособность, а культурная обусловленность – человека не учат пользоваться волей. О том же говорит и система трех вниманий: человек знает первое внимание, обыденное восприятие, но не способен пожеланию выходить в подобное второе внимание и высшее третье.

В адвайта-веданте иллюзорность проистекает из одной властвующей над феноменальным миром силы. В основе учения лежит понятие «майя». Это многозначный термин (Д. Брауд приводит шесть основных определений [10]), мы рассмотрим основные значения. Майя – это и выражение иллюзорности феноменального мира, и особое отношение между Брахманом и миром. Это сила, преобразующая и создающая кажущуюся реальность. Даже ее значение, как силы богов и демонов, указывает на иллюзорность реальности. Шанкара признает возможность реальности только за вечным и неизменным. Поэтому мир, все объекты в нем, наше эмпирическое Я – все это не может быть реальным, а является иллюзией, майей. С. Радхакришнан трактует майю Шанкары, прежде всего, как выражение необъяснимости отношения Брахмана и мира [4, с. 773]. Иными словами, если мы не понимаем, почему мы видим не то, что должны, мы называем это майей. Шанкара видит

в майе два аспекта: сокрытие истинного знания о Брахмане и создание подменяющих его неистинных состояний.

Тональ и Майя – силы заблуждения. Но при общности затемняющей функции майи и тоналя, упорядочивающая функция тоналя не тождественна проецирующей функции майи. Тональ не создает, он ограничивает и упорядочивает. А майя как причина заблуждения и как творческая сила творит весь видимый мир. Тональ представляется составляющей человека, Майя выступает как внешняя сила.

Самое существенное и непримиримое отличие кроется в механизме создания иллюзорного мира. В случае с Брахманом и миром происходит виварта – переворот, смена гештальта, при которой вместо Брахмана мы видим мир. Нужно посмотреть под другим углом, другим взглядом, чтобы увидеть реальность как она есть. В учении Кастанеды переход к иллюзии связан с положением точки сборки. Хотя можно сказать, что оно создает иллюзии, оно переносит сознание в миры, которым приписывается хотя бы относительная реальность. Кастанеда подчеркивает, что нельзя однозначно говорить о мире как об иллюзии. Мир существует, так как он не менее реален, чем другие миры. Тем не менее его нет, так как это субъективное восприятие энергии. Адвайта более категорична в отношении иллюзорности: мира нет вовсе, мир не более чем ошибка. Еще большая крайность обнаруживается в буддизме мадхьямаки: все вещи пусты.

Истина в веданте достигается в основном умственным путем, Майя – не порок восприятия, а порок сознания, мышления. У Кастанеды все определено восприятием: человек не воспринимает богатство мироздания, его восприятие односторонне. В адвайте речь идет об объективном заблуждении, которое не зависит от отдельных лиц: все люди находятся в одной иллюзии. У Кастанеды восприятие индивидуально: восприятие определяют личная сила, положение точки сборки, количество энергии и тренировка воли. В адвайта-веданте и в буддизме человек, не свободный от иллюзии, не стремящийся к этой свободе, скорее считается бездействующим, ничего не предпринимающим, идущим «по течению». В учении Кастанеды изначально человек деятельен, он сам загоняет себя в ограниченное восприя-

тие и делает все возможное, чтобы там остаться, сам того не замечая. Кастанеда пишет, что обыкновенные люди являются сильнейшими магами, так как они собственными силами поддерживают весь этот мир.

Сотериологический аспект проблемы основан на наличии в философских и религиозных системах, в которых признается иллюзорность опыта и нереальность мира, вопроса о возможности преодоления несовершенства человеческого восприятия и выхода за пределы иллюзорного бытия. Решаются две задачи: 1) задача расширения возможности смотреть сквозь иллюзию и познания истины; 2) задача полного освобождения от иллюзорной реальности.

В учении Кастанеды выделенные задачи расходятся. «Древние маги» стремились к бесконечному накоплению знаний и силы, к совершенному восприятию и к бессмертию, не заботясь о том, чтобы выйти из шаткого состояния, в котором находятся все существа, которые должны быть поглощены Орлом. Каждый «видящий» оказывается способен выходить за рамки восприятия этого мира, путешествовать в другие миры. Однако настоящим освобождением считается посмертное, когда человеку знания удастся проскочить мимо Орла. Он становится энергией, чистым сознанием, более не привязанным к миру, но свободно путешествующим в реальностях. Для этого предусмотрено, с одной стороны, постоянное саморазвитие, а с другой – разнообразные ухищрения, призванные обмануть Орла.

Для Шанкары к освобождению, к пониманию себя как Брахмана, ведет именно осознание; «различением мудростью достигается истинное знание» [6, с. 38]. Это смена точки зрения как переключении гештальта; виварта действует в обратную сторону, как Брахман кажется миром, нужно за миром увидеть Брахман: «Кто тщательно разглядит веревку, тот перестанет ее бояться, ошибочно принимая за змею» [6, с. 38]. Это знание, но такое, которое нельзя передать на словах. Поэтому здесь присутствуют различного рода духовные практики, призванные приблизить к данному знанию.

В соответствии с культурными контекстами, учения различаются во взглядах на смерть.

Так иллюзорное состояние в учении Шанкары выражается в бесконечных циклах перерождений, которые должны быть окончены, когда единичный атман осознает себя Брахманом, что отражает общеиндийское представление о посмертном существовании. Учение Кастанеды, появившееся на Западе, где господствует идущее из христианства представление о линейном времени и неминуемом конце, говорит о неизбежности смерти. Если человек не успевает выйти за пределы обыденного восприятия, если растрчивает свою энергию раньше, чем научится ею управлять, он, бессильный, будет уничтожен, поглощен Орлом.

Вопрос всеобщего освобождения в адвайте решается положительно: майя не является необходимой, виварта — только лишь временное состояние Брахмана. Брахман может существовать без наличия иллюзорного мира. Поэтому состояние всеобщего освобождения возможно, но не необходимо. У Кастанеды этот вопрос решается в противоположном направлении. Все существа созданы Орлом, чтобы питать его: пока существует Орел, будут и существа, которых он будет создавать и поглощать. Всеобщее освобождение оказывается невозможным. Каждый человек имеет определенную предрасположенность: он может не принадлежать к группе, которой дан «дар Орла»; такой человек способен к выходу из этого мира, но, скорее всего, не будет к нему стремиться.

Сравнение нагуализма К. Кастанеды, западного учения, заимствующего восточную идею об иллюзорности, с исконно индийской адвайтаведантой Шанкары, демонстрирует неудачу в трансляции данной идеи: ее содержание оказывается искажено в соответствии с культурой, в которую она переведена. Пытаясь сравниться с восточными учениями об освобождении, нагуализм остается ближе к трансцендентализму, чем к буддизму или веданте. Учение Кастанеды — не первая и не последняя попытка перенесения идеи иллюзорности на Запад: можно назвать ряд современных мистических течений; из более ранних попыток следует упомянуть А. Шопенгауэра, и даже Платона.

Западная мысль, хотя и стремится к поиску единого начала, не признает абсолютного един-

ства: высшая реальность обыкновенно оказывается таковой с точки зрения субординации, но не включает в себя все сущее. Собственное Я признается непреложной онтологической категорией, которую cogito Декарта делает неоспоримой: при попытке установить единство западный человек придет к солипсизму, а не к сведению себя к иному. Если истинная реальность в корне отличается от воспринимаемой, первая остается подобна второй в множестве и неоднородности.

Учение об иллюзорности в современной западной культуре остается под влиянием психологического подхода к иллюзии: рассмотрения ее как искажения восприятия. Неспособность познать истинный мир рассматривается не как результат неприспособленности всего состояния человека к этому, а как неумение правильно воспринимать. Потому принцип мгновенного постижения, осознания сменяется научением. Западная мысль не приемлет онтологизации силы заблуждения: заблуждение — свойство человеческого познания и не существует вне него. Психологизм и субъективизм приводят на Западе к идее невозможности избавления от иллюзии, так как она является следствием и условием самой возможности познания: современное научное мировоззрение не признает прямого безусловного познания, любое познание изменяет предмет познания.

Наиболее существенные расхождения возникают в области учения об освобождении. Нерелигиозные учения Запада вовсе не признают возможности и необходимости освобождения. Выход из иллюзии оказывается делом эпистемологии: иллюзии устраняются совершенствованием рационального познания. Но даже в учениях, где необходимость освобождения признается, она имеет отличный от индийского характер: это скорее спасение, чем освобождение. Иллюзорный мир веданты и буддизма подразумевает вечное существование в круге сансары: выход из иллюзии — прекращение существования. Для человека Запада прекращение существования — неизбежность и следствие иллюзии, а цель — бессмертие. Представители западной культуры нередко принимают идею перерождения без цели освобождения, так как сама сансара уже спасает от смерти.

Адвайтист стремится к выходу за пределы иллюзии, чтобы избавиться от ее суеты, обрести простоту и покой. Последователь Кастанеды стремится к свободному блужданию по множеству миров, постоянным открытиям, расширению возможностей восприятия. Можно сказать, что целью освобождения от иллюзии в Индии является ничто, а на Западе – бесконечность бытия.

Таким образом, производимый в западной культуре синтез восточной и западной мысли в отношении к иллюзорности феноменального мира оказывается неудачным: западная составляющая поглощает восточную, формируя новое, в корне западное, учение. К этому ведут отсутствие необходимых культурных предпосылок и иной набор коннотаций. Как указывает Е.А. Торчинов, одно и то же философское положение может повлечь разные выводы, так как из всего множества путей мысль идет тем, который обусловлен контекстом культуры [5]. Роль здесь играет и проблема неопределенности перевода (что видно на примере понятия «майя»). Все это влечет неизбежное изменение восточной идеи иллюзорности при трансляции в западную культуру. Подобные неудачи ведут к выводу о невозможности неизменно перенесения традиции из одной культуры в другую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастанеда К. Искусство сновидения. Киев : София, Ltd., 1998. 288 с.
2. Кастанеда К. Сказки о силе // Путешествие в Икстлан; Сказки о силе. Киев : София, Ltd., 1995. С. 243–479.
3. Ксендзюк А.П. Человек Неведомый: толтекский путь усиления осознания. М. : София, 2004. 217 с.
4. Радхакришнан С. Индийская философия. М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. 1008 с.
5. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб. : Азбука, 2007. 480 с.
6. Шанкара. Вивека-Чудамани // Атма-Бодха; Вивека-Чудамани; Таттва-Бодха. М.: Центр оккультной лит-ры «Майя», 1992. С. 31–126.
7. Шанкара. Разъяснение изречения // Разъяснение изречения; Путь к совершенному самопознанию; Пятиричность. СПб. : Общество Рамакришны, 1993. С. 41–73.
8. Шанкара. Созерцание Брахмана // Семь трактатов. СПб. : О-во «Адити», О-во Рамакришны, 1999. С. 54–75.
9. Шохин В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М. : ИФ РАН, 2004. 289 с.
10. Braue, Donald A. Maya in Radhakrishnan's thought: Six meanings other than illusion. Delhi, Varanasi, Patna, Madras : Motilal Banarsidass, 1984.

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИЧАРДА РОРТИ

Начиная с середины XX в. в аналитической философии происходит пересмотр классической теории сознания. Складывается парадигма, критикующая традиционные взгляды на вопросы сознания и познания. Ричард Рорти одним из первых определил данную парадигму, её границы и основную направленность. В статье рассматриваются ключевые моменты в истории западной философской мысли, которые, согласно американскому философу, привели к формированию классической модели сознания.

Ключевые слова: философия сознания, Ричард Рорти, классическая теория сознания.

The formation of the classical theory of mind under the interpretation of Richard Rorty.
OLGA L. SUZKO, (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

Since the mid-twentieth century the classical theory of mind undergoes a total revision by analytic philosophers. We can see the emerge of the paradigm which criticizes the traditional views on such issues as consciousness and cognition. Richard Rorty was among the first to identify this paradigm, its boundaries, and the main focus. This article examines the key moments in the history of the Western philosophy that, according to the American philosopher, led to the formation of the classical model of mind.

Key words: philosophy of mind, Richard Rorty, classical theory of mind.

Ближе ко второй половине XX в. объект интереса философов, придерживающихся аналитической традиции, все больше смещается в сторону изучения сознания. Пройдя аналитическую школу, мыслители выступают с критических позиций по отношению к классическим теориям сознания [см. 1]. Можно сказать, что философия Р. Рорти представляет собой результирующий анализ ряда концепций Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Дж. Дьюи, Г. Райла, У. Селларса, У. Куайна. Объект критического анализа Р. Рорти гораздо шире, чем у предшествующих авторов: американский философ пересматривает не только статус классической эпистемологии и теории сознания, но и самой философии в целом. Цель данной статьи заключается в рассмотрении основных этапов становления классической теории сознания через призму критического осмысления Р. Рорти современного состояния философии.

Исторический размах мысли с неизбежностью привел Р. Рорти к релятивизму: так, по мнению американского прагматиста, каждая эпоха формирует свой набор интеллектуальных привычек. В прошлом веке многие философы, в числе которых и Р. Рорти, отметили, что закономерной смены убеждений так и не произошло. В обновлении нуждалась не только философия – многие художники пришли к такому же выводу относительно изобразительного искусства. Для примера можно привести обоснование авангардизма В. Кандинским: «Так каждый культурный период создает свое собственное искусство, которое не может быть повторено. Стремление вдохнуть жизнь в художественные принципы прошлого может в лучшем случае вызвать художественные произведения, подобные мертворожденному ребенку. Мы не можем ни чувствовать, как древние греки, ни жить их внутренней жизнью. Так, например, усилия

*СУЗЬКО Ольга Леонидовна, аспирант кафедры философии Шолы гуманитарных наук ДВФУ.

E-mail: inverse_cosine@mail.ru

© Сузько О.Л., 2013

применить греческие принципы в пластическом искусстве могут создать лишь формы, сходные с греческими, но само произведение останется бездушным на все времена» [4, с. 10]. Невозможно рисовать так, как рисовали раньше, и невозможно мыслить по-старому, отвечая при этом требованиям времени. Как и популяции живых существ, идеальные системы, замкнутые сами на себя, оказываются нежизнеспособными в долгосрочной перспективе.

Р. Рорти диагностировал рецессию в философии, связанную с тем, что эпистемология и философия сознания XX в. практически полностью базировались на мыслительных схемах трёхвековой давности. Идеи XVII столетия настолько ассимилировались в умах деятелей культуры, науки, философии, что составили костяк мировоззрения нескольких поколений мыслителей. Потребовались большие усилия, чтобы притормозить эту интеллектуальную инерцию и эксплицировать скрытые условия мышления, отвечающего принципам фундаментализма¹.

В поиске истоков сложившейся эпистемологической ситуации, как и многие исследователи, Р. Рорти обращается к философии Р. Декарта, которая будет продолжена Дж. Локком и закреплена И. Кантом. Данная трехзвенная система сформировала лингвистические привычки последующих поколений мыслителей – систему категорий, определившую рамки философии сознания. Картезианская парадигма быстро установила и закрепила своё влияние не только среди профессиональных философов – отголоски её базовых положений до сих пор составляют основу обыденного представления о феномене сознания. Относительная новизна классической теории сознания, по мнению Р. Рорти, помогает понять её исторические корни, а значит счистить тот налёт абсолютизма, который сформировался за несколько столетий.

Уже больше века имя Рене Декарта не сходит со страниц исследований, посвященных проблеме сознания. Р. Рорти утверждает, что именно французский философ «изобрел» сознание, которое близко и понятно всем нам, – некую область внутри человека, ментальное пространство. Применение физических категорий для описания психических процессов сыграло решающую роль в становлении метафоры разума.

¹ Фундаментализм – одна из характерных черт классической эпистемологии, базирующаяся на убеждении, что знание должно иметь основание – исходный элементарный материал, не подлежащий сомнению (например, чувственные данные).

Сознание приобрело более плоскостное представление в трудах Дж. Локка: доска, на которой «пишется» опыт, репрезентирующая поверхность. Если Р. Декарт задал направление мысли и основные интуиции, то Дж. Локк разработал терминологический каркас классической теории сознания. Одна из главных дефиниций, данных английским философом, – это определение «идеи» в качестве основного содержания сознания: «Локк использовал «идею» в смысле, который вовсе не имел аналога у греков: «всё, что является объектом понимания, когда человек мыслит» или «каждый мгновенный объект в сознании в момент размышления» [5, р. 48].

Хотя Дж. Локка отделяет от схоластики целая эпоха Возрождения, его методы философствования в некоторой степени соотносятся с теоретизированием, характерным для Средневековья. Закономерно, что именно в Средние века был сформирован принцип экономии мышления («бритва Оккама»). «Преумножение сущностей», принятие акциденции за субстанцию, выражаясь языком схоластики, – по мнению Р. Рорти, одна из главных ошибок в размышлении Дж. Локка: «Если воспроизвести Идею Локка и Форму Платона, то получится один и тот же процесс: мы просто отделим единичное свойство от чего-то (свойство быть красным, или причиняющим боль, или хорошим), а затем будем рассматривать его, как если бы оно само было объектом предикации» [5, р. 32]. Современная философия сознания повторяет аналитический мыслительный процесс, когда рассуждает о боли и убеждениях вместо людей, испытывающих боль или имеющих убеждения [5, р. 63].

По мнению Р. Рорти, философия И. Канта сыграла завершающую роль в становлении классической модели сознания. Немецкий мыслитель дополнил «языковую игру» (“language-game”) своих предшественников противопоставлением мгновенных чувственных ощущений (интуиций) и рациональных «шаблонов» (концептов). Критика Р. Рорти выстраивается вокруг операции синтеза, которая, согласно И. Канту, отвечает за приобретение качественно нового знания. Так как «теория знания» (“theory of knowledge”) – центр размышлений И. Канта, то и вопрос о том, как человек формирует предикативные суждения, является одним из приоритетных. Р. Рорти интерпретирует кантовское объяснение этого процесса следующим образом.

Субъекту дано некое множество чувственных ощущений – некая информация, которая может дойти до сознания, лишь пройдя этап концептуализации. Таким образом, «мы можем сознавать только те объекты, которые сформировала наша синтезирующая активность» [5, с. 153]. Из этого следует, что первоначальное множество (manifold) ощущений, являющееся материалом для синтеза, само по себе не доступно пониманию. Но откуда, в таком случае, замечает Р. Рорти, субъекту может быть известно об «интуициях» (“intuitions”)? Творящую, концептуализирующую способность человеческого разума, которую исследовал немецкий философ, Р. Рорти признает лишь элементом, который имеет смысл в рамках теории, в данном случае – «теории знания», оформившейся в учении И. Канта. Помимо собственной философии, немецкий философ также создал представление о предыдущих мыслителях, как нельзя лучше дополнившее его воззрения. Согласно Р. Рорти, И. Кант создал общепринятую версию “истории современной философии”, согласно которой прекантианская философия была борьбой эмпиризма и рационализма» [5, с. 148].

Создание классической теории сознания, как и самого термина «сознание», тесно связано со становлением эпистемологии в качестве главного дела философии и её самоопределения – таково направление мысли Р. Рорти в работе «Философия и зеркало природы»: «Идея дисциплины, посвященной природе, истокам и пределам человеческого знания» – книжное определение «эпистемологии» – требовала области изучения, которая получила название «человеческий разум», и эта область была тем, что создал Декарт» [5, с. 140]. Р. Рорти снял печать вечности с модели сознания, спонтанно созданной совместными усилиями Р. Декарта, Дж. Локка и И. Канта, представив её в качестве теории и раскрыв её историю.

Знаменитое выражение Л. Витгенштейна о том, что границы языка являются границами мира, полностью применимо к классической теории сознания. Как показало исследование Р. Рорти, язык определил сознание.

Пристальное внимание мыслителей XX в. к феномену языка не уберегло главных «инициаторов лингвистического поворота» – аналитических философов – от влияния языковой традиции фундаментализма: «Философы языка» <...>, в действительности, по мнению Рорти, рассчитывали на то,

что им удастся сохранить для своей аналитической дисциплины некое «пространство априорного знания», куда не смогли бы вторгнуться ни социология, ни история, ни естествознание» [3, с. 14]. Р. Рорти «продлил» декартовскую традицию до аналитической философии, показав тем самым, что последняя никогда, в действительности, не выходила за рамки классической эпистемологии. Аналитики лишь изменили предмет исследования, но их стратегия осталась верной традиции: «Предполагалось, что введение «значения» вместо «сознания» в качестве темы для философского теоретизирования поможет уберечь чистоту и автономию философии, поскольку обеспечит её неэмпирическим предметом исследования» [3, с. 14].

Одной из характерных черт философии XX в. является метадеятельность – тотальная рефлексия, в ситуации которой положение самой философии оказывается под вопросом. Философия осознала себя практикующим психоаналитиком, который сам не прошёл курс психоанализа. Результаты интроспекции, к которым пришёл Р. Декарт, считавшиеся эталоном строгости мысли, были признаны случайными и лишены статуса правила. Картезианству, как направлению классической философии, присущ фаталистический стиль мышления, размышляющего в пространстве необходимости, тогда как философы современности больше значения уделяют историчности мысли.

Взгляды американского философа составляют критику второго порядка: Р. Рорти анализирует как самого Р. Декарта, так и противников дуализма и картезианства – мыслителей аналитического направления. Примечательно, что Р. Рорти воспроизводит основное настроение философии Р. Декарта, который также боролся с убеждениями, веками укоренявшимися в сознании людей, как и в его собственном: «...привычные мнения упорно ко мне возвращаются и овладевают моей доверчивостью, словно против моей воли, как бы в силу долголетней привычки и знакомства с ними...» [2, с. 19].

Р. Рорти старается «показать, что предположительно метафизическая «проблема сознания» есть не более и не менее чем эпистемологическая «проблема привилегированного доступа» [5, с. 69]. Тем самым американский философ подчеркивает тотальное влияние эпистемологии на онтологию. Классические проблемы сознания в интерпретации Р. Рорти – не более чем результат употребления тех

или иных слов и выражений, культура и история этих употреблений. Фактически перечеркивая достижения предыдущих приверженцев классической теории сознания, Р. Рорти говорит о необходимости открытия нового этапа в изучения сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Детрансцендентализация проблемы сознания в аналитической философии конца XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. Вып. 9. С. 84–87.
2. Декарт, Р. Соч. в 2-х томах / Р. Декарт. М., 1994.

3. Джохадзе, И. Неопрагматизм Ричарда Рорти / И. Джохадзе. М., 2001.
4. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. М., 1992.
5. Rorty, R., 1979, *Philosophy and the mirror of nature*, Princeton. (in Eng.).

ВКЛАД МУЗЕЕВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЛИТЕРАТУРНУЮ ЖИЗНЬ РЕГИОНА В 1960-х – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Вклад восточносибирских музеев в литературную жизнь региона освещается через раскрытие факторов развития и достижений музейно-литературной жизни, роли музеев в создании необходимых условий для общественно-культурного и личного роста. Межсистемный подход призван помочь установить степень взаимопроникновения музейной и литературной сфер и жизнеспособность межсистемных моделей функционирования.

Ключевые слова: музеи Восточной Сибири, литературная жизнь, литературные музеи, литературно-музейное сообщество, межсистемный подход.

Contribution of Eastern Siberia Museums to the literary life of the region in 1960–1990. LYUBOV V. YASHINA (East Siberian State Academy of Education, Irkutsk).

That article is devoted to the contribution of museums of Eastern Siberia to the literary life of the region; it studies the factors of development and achievements of museum and literary life, the role of museums in the creation of the necessary conditions for the socio-cultural and personal growth. The author applies the intersystem approach to determine the degree of interpenetration of museum and literary spheres and the viability of intersystem models of functioning.

Key words: museums of Eastern Siberia, literary life, literary museums, literary and museum community, intersystem approach.

Литературная жизнь Восточной Сибири как совокупность явлений и связей, доминантой которых была литературная составляющая, имела ярко выраженную региональную и субрегиональную специфику. Среди многих факторов ее развития можно выделить культууроорганизующий потенциал местного музейного сообщества, определивший узлы сопряжения музейного и литературного и окололитературного творчества. Их появлению и укреплению способствовало бурное развитие музейной и литературной сфер в 1960–1980-е годы.

При изучении вклада музеев Восточной Сибири в литературную жизнь возникает много вопросов, на которые не дают исчерпывающих ответов посвященные культурной жизни региона научные исследования. В диссертационных работах о му-

зейном строительстве в Восточной Сибири во 2-й половине XX в. музейно-литературная жизнь показана фрагментарно в контексте развития музейного дела в целом или отдельных музеев и их групп [3, 6, 14, 17, 19, 21, 23]. Научные издания, посвященные истории и деятельности отдельных государственных художественных музеев (см., например, [15]), не дают целостной региональной картины. Остаются не до конца проясненными вопросы субрегиональных особенностей формирования музейно-литературных сообществ, их влияния и вклада в культурную жизнь региона, создания и использования для общественного развития литературно-музейного потенциала и др.

Целью данной статьи является изучение вклада восточносибирских музеев в литературную жизнь региона через раскрытие факторов раз-

*ЯШИНА Любовь Витальевна, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России (Восточно-Сибирская государственная академия образования, Иркутск). E-mail: Lyubavita@mail.ru

© Яшина Л.В., 2013

вития и событий музейно-литературной жизни, роли музеев в создании необходимых условий для общественно-культурного и личностного роста.

Основными факторами развития литературно-музейной деятельности в регионе в рассматриваемый период явились следующие:

1. Обращение к опыту известных литературных музеев России и союзных республик. Среди упоминаемых в литературе примеров для восточносибирских музейщиков – Государственный литературный музей в Москве, литературный музей им. А.Н. Навои Узбекистана, музеи Татарстана и др.

2. Развитие литературного краеведения в сфере профессионального и общего образования, в библиотечном деле. В результате этого в 1960–1980-х годах были созданы небольшие школьные музеи, посвященные землякам, например в селах Тунгуска и Лохово Иркутской области – поэтам И.М. Харабарову и В.А. Пестюнину [11], в с. Елань Бичурского района Бурятии – прозаику и поэту М.М. Шиханову¹, в с. Александровский Завод Борзинского района Читинской области – Н.Г. Чернышевскому², в школе № 5 г. Чита [7], в Ужурской школе-интернате № 7 Красноярского края – писателю А.П. Гайдару [16]; в Якутии – музеи якутской литературы: Легойский музей, в с. Кэптэни Усть-Алданского района, в с. Чаппанда Ленинского района, якутской школе № 2, Игидейской школе (им. Э.К. Пекарского – автора словаря якутского языка)³, в Туве – в Сарыг-Сепской школе № 2 (им. писателя С.К. Тока)⁴. Возникло два вузовских музея – литературный им. лауреата Премии комсомола Красноярского края Георгия Суворова в Красноярском государственном педагогическом институте (КГПИ) и музей книги в Восточно-Сибирском государ-

ственном институте культуры⁵. На базе Читинской областной библиотеки им. А.С. Пушкина открыт Литературный музей Забайкалья [10].

3. Активный интерес к «сибирским судьбам» творцов со стороны российской общественности в лице родственников писателей, научных специалистов, культурных деятелей, библиофилов и других сопричастных истории культуры соотечественников. Так, импульсом к созданию музея В.Я. Шишкова, писателя, автора романа «Угрюм-река», в Ербогачене Катангского района Иркутской области стало письмо жены писателя И. Гольдберга, интересовавшейся жизнью Катангского уезда во времена отбывания супругом ссылки. Кроме того, накануне 100-летия В. Шишкова (1873–1945) в районе побывала первая научная экспедиция из Томского университета, показавшая важность и необходимость собирательской работы [12].

4. Инициативы и деятельное участие представителей государственных и общественных центров культурной, научной, художественной жизни Восточной Сибири в создании фондов и музеев литературного профиля, в литературно-музейной работе. Наибольшую роль сыграли члены Союза писателей, в той или иной мере содействовавшие созданию и улучшению условий функционирования большинства музеев. Грани взаимодействия на постоянной и временной основе разнообразны: разработка концепций музеев, отделов, выставок; пополнение, изучение и публикация материалов фондовых коллекций, членство в музейных советах, руководство литературными студиями музейных клубов, подготовка публикаций о музеях, участие в мероприятиях и многое др.

5. Информационное, организационно-методическое, научное и иное обеспечение процесса образования и развития музеев расширяющейся социокультурной инфраструктурой осуществлялось сетью государственных и ведомственных (НИИ, вузов и др.) библиотек, научных и образовательных учреждений, имевших отделы и кафедры филологии, издательств литературных журналов «Сибирь» (Иркутск),

¹ Национальный архив республики Бурятия, далее НАРБ. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 82. Л. 11.

² Государственный архив Забайкальского края, далее ГАЗК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1432. Л. 13.

³ Национальный архив республики Саха (Якутия), далее НАРС. Ф. Р-1344. Оп. 3. Д. 192. Л. 166, 172; Ф. Р-1407. Оп. 2. Д. 95. Л. 62; Список музеев Якутской АССР, работающих на общественных началах (общественных и школьных) по состоянию на 1 января 1980 г. // Науч. архив Якут. гос. объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского (ЯГОМ).

⁴ Центральный государственный архив Республики Тыва, далее ЦГАРТ. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 118. Л. 13.

⁵ Паспорт музея им. Г. Суворова // Науч. архив Красноярского краевого краевед. музея (КККМ); Материалы о работе общественных музеев Бурятии // Науч. архив ЯГОМ.

«Полярная звезда» (Якутск), «Байкал» (Улан-Удэ), «Енисей» (Красноярск).

Целенаправленная работа музейного сообщества по музеефикации литературного наследия последовательно проводилась все изучаемые годы. Государственные литературные музеи созданы по концепциям и на базе коллекций краеведческих музеев. Так, концепция будущего литературного музея была разработана научным сотрудником Красноярского краеведческого музея А. Гуревичем еще в 1946 г., комплектовались материалы.

Музейное движение с середины 1960-х годов обеспечило рост числа преимущественно общественных музейных центров, созданных в большинстве своем во 2-й половине 1970-х–1980-е годы. К началу 1990-х годов только три из 22 литературных музеев были государственными (из них два филиала): Литературный музей им. П.А. Ойунского в Якутске, Литературный музей Бурятии им. Х. Намсараева в Улан-Удэ, дом-музей Н.Г. Чернышевского в с. Александровский Завод Борзинского района Читинской области. В части музеев возникли литературные отделы, например, Чычимакский отдел литературы Алексеевского районного краеведческого музея, филиала Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского (ЯГОМ)⁶. Вышеупомянутый Литературный музей им. Х. Намсараева был открыт на основе созданного в 1984 г. при объединении музеев литературного отдела.

Создание богатейшего уникального литературного фонда можно считать важнейшим вкладом музеев в литературную и общекультурную жизнь. «Работали в культуре» архивы более 300 писателей, поэтов и литературных деятелей, обширнейший книжный фонд, насчитывающий десятки тысяч томов. Музеи располагали уникальными памятниками: редкими книгами первых бурятских летописцев, монгольскими, тибетскими изданиями, книгами и журналами XIX – 1-й половины XX в. и многими др.

Большие собрания посвящены истории становления и развития национальных литератур и их основателям, профессиональному, самодеятельному и народному литературному творчеству представителей коренных народов Восточ-

ной Сибири. Впечатляющими литературными материалами обладали, помимо столичных, многие окружные, районные, городские и сельские музеи: Эвенкийский окружной краеведческий музей (о живших в Эвенкии Ж. Трошеве, А. Немтушкине, Н. Оегире, И. Удыгире, В. Власове, Н. Дедюхине), Верхоянский районный краеведческий музей (о поэтах М. Ефимове, Х. Горохове, Д. Дыдаеве), Нижнеингашский краеведческий музей (о земляке Н. Устиновиче), Акшинский историко-краеведческий музей (о Е. Петряеве), музей-библиотека п. Овсянка (о В.П. Астафьеве) и др.⁷ В местных музеях хранились литературные труды земляков, поддерживающих связи с музеем. Например, в музее Тарасинской восьмилетней школы – литературные произведения бывших выпускников школы заведующего кафедрой литературы Коломенского пединститута Г.В. Дагуровой, научного сотрудника Бурятского филиала СО АН СССР М.П. Хомонова и др. [2].

В фондах отложились материалы о литературной жизни региона: о Днях литературы и искусства народов СССР, о поездках по Восточной Сибири писателей, о мероприятиях и акциях. Создана фотогалерея и фонотека выступлений литераторов.

Значительным вкладом музеев в литературную жизнь стала консолидация региональных сообществ в процессе изучения, сохранения и пропаганды литературного наследия. Включенность широкой общественности в создание музейных объектов, «народные стройки» – показательная практика общественно-культурного процесса изучаемого времени. В создании музея-усадьбы П. Ойунского, например, участвовали строители совхоза «Таттинский», учащиеся Харбалахского СПТУ, Черкехской средней школы, коллективы районных организаций⁸.

Неиссякаемый поток школьных поисковых программ открывал широкие возможности для привлечения к музейно-литературной деятельности носителей народной культуры, фольклористов, самодеятельных певцов и музыкантов, осознававших значимость своего участия в сохранении памятников устного народного творчества. Краеведы музея восьмилетней школы

⁷ ЦГАРТ. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 118. Л. 13; Паспорта музеев // Науч. архив ЯГОМ.

⁸ НАРС. Ф. Р-1407. Оп. 2. Д. 95. Л. 61.

им. А.П. Квитного Каа-Хемского района Тувы с 1960-х годов работали со сказителями и собрали семьдесят фольклорных произведений – сказок, поэм, песен и т.д.⁹

Наибольшую активность в консолидации региональных сил музеи проявили в конце 1980-х – начале 1990-х годов в период общественной кампании по передаче лучших зданий, памятников архитектуры детским и культурным учреждениям и национально-общественных движений в республиках и областях. Сотрудники музея истории Бурятии и его литературного филиала заручились поддержкой творческой интеллигенции и в письменном обращении к первому секретарю ОК КПСС Л.В. Потапову о предоставлении здания гостиницы «Интурист» под литературный музей, и в проведении в 1990 г. первого благотворительного вечера. Список его участников является социальным срезом наиболее активных национальных общественно-культурных сил [1]. В конце 1980-х годов начался период культивирования субрегиональных особенностей культурных сообществ, имеющих национально-этническую привязку.

Важным является укрепление интегрированного потенциала гуманитарных сфер общества. Вклад музеев в развитие литературной жизни просматривается во всех ее межотраслевых границах: общественно-, научно-, художественно-, музыкально-, театрально-, музейно-литературной. Музеи при этом выступали во всех своих ипостасях и миссиях – исследователей, трансляторов, популяризаторов, хранителей памяти о событиях и творцах и др.

Межотраслевое поле творчества имело тенденцию к расширению благодаря превращению музея в площадку поэтапного творческого процесса: идея – проект – реализация в создании эскизов музеев и экспозиций. Так, музей-усадьба П. Ойунского на территории его родного аласа Дэлбэрийбит создавался в 1983 г. по эскизу художника Якутска А.Л. Осипова. В 1973 г. в Литературном музее П. Ойунского к 80-летию со дня рождения писателя В.И. Антоновым установлена 8-гранная коновязь как памятник¹⁰. Тематика многих выставок носила межотраслевой характер: «П. Ойунский в творчестве якутских

художников» (Якутский республиканский музей изобразительного искусства (ЯРМИИ), 1983), «Книжная иллюстрация И.И. Попова» (ЯРМИИ, 1990) и др. [15, прил., с. 13].

Универсальными площадками межотраслевого взаимодействия становились конференции, посвященные изучению народного и профессионального литературного творчества. Участие музеев в них как организаторов и участников диктовалось и научными интересами сотрудников, и фондовыми возможностями музейных центров. Так, на конференции сказителей Тувы (Кызыл, 1972) научные сотрудники Тувинского республиканского краеведческого музея записали фольклорные произведения и сфотографировали 55 сказителей, пополнив музейный научный архив¹¹.

Благоприятные условия для межферных взаимодействий создавали выставки, приуроченные к научным конференциям и иным крупномасштабным мероприятиям. Например, выставка «Памятники материальной и духовной культуры якутов XVII–XX вв.» в картинной галерее Якутского государственного университета (ЯГУ) к всесоюзной научной конференции «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока» (1977) организована общими усилиями ЯГУ, Общества охраны памятников истории и культуры, Якутского республиканского краеведческого музея (ЯРКМ), ЯРМИИ и Союза художников ЯАССР [15, прил., с. 111]. Конференции расширяли возможности и межмузейного сотрудничества. Например, в 1979 г. Музей П. Ойунского участвовал в проведении научной конференции Литературного музея Бурятии, посвященной 90-летию Х. Намсараева¹².

Через развитие межтерриториальных связей обеспечивалась целостность литературно-музейного пространства. Этому способствовали дни национальных культур, в которых участие музеев было обязательным. Например, в Литературном музее П. Ойунского в 1980 г. оформлялись стенды к дням русской, казахской, башкирской, горноалтайской, тувинской, хакасской литератур под девизом «Дружба литератур – дружба народов»¹³.

¹¹ ЦГАРТ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 134. Л. 5.

¹² НАРБ. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 17. Л. 53.

¹³ НАРС. Ф. Р-1407. Оп. 2. Д. 4. Л. 21.

⁹ ЦГАРТ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.

¹⁰ НАРС. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 740. Л. 9; Оп. 2. Д. 95. Л. 61.

В театральнo-литературной жизни региона интерес зрителей вызывали камерные театрализованные постановки в стенах музея. В литературном музее Еланской средней школы Бичурского района Бурятии в 1988 г. поставлена пьеса «Друзья Белой волшебницы» по произведению М. Шиханова [18]. **Музейный антураж в Зырянском районном музее** служил декорациями к спектаклю «В гостях у бабушки Дарьи» по произведению народного писателя Якутии Н. Мордвинова «Весенняя пора» о жизни якутов в прошлом (1992) [8]. Наибольшей популярностью у аудитории пользовались литературно-музыкальные салоны, фестивали, получившие распространение в 1980-е годы. Многие подобные мероприятия стали объединяться в программах республиканских литературных праздников, как в Бурятии в 1987 г. во время подготовки к проведению месячника, посвященного международному Дню музеев 18 мая¹⁴.

В научно-литературной жизни музеи занимали нишу популяризаторов литературоведения. Сотрудники музеев привлекались к работе литературных факультетов народных общественных университетов культуры¹⁵. В их стенах нередкими гостями и участниками мероприятий, руководителями клубных секций были ученые-филологи [1, 22]. Общественный Музей печати Бурятии пропагандировал издания литераторов и исследователей-филологов. Выставки о литературной жизни региона способствовали увековечиванию имен писателей и поэтов, литературных деятелей. Организованные Акшинским филиалом Читинского областного краеведческого музея в 1989 г. зональные и районные «Петряевские чтения», «Чтения П. Ойунского» в музее-усадьбе Ойунского (1980-е), многочисленные мероприятия, посвященные творцам, были ступенями мемориализации их имен [13]. Одним из итогов этой работы было открытие мемориальных досок, памятных знаков. Так, в 1985 г. на доме-музее П. Ойунского установлена мемориальная доска Союза писателей Якутии с именами десяти писателей-фронтовиков. В 1974 г. на территории ЯРКМ посажена в честь народного поэта Якутии С. Кулачикова аллея его имени¹⁶.

¹⁴ НАРБ. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 137. Л. 6.

¹⁵ Государственный архив новейшей истории Иркутской области, далее ГАНИИО. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 273. Л. 23.

¹⁶ НАРС. Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 748. Л. 17; Оп. 2. Д. 75. Л. 39.

Персонализация истории литературного творчества служила отправной точкой и в работе, и в оценке достижений всех сфер и уровней. Музейно-литературное творчество способствовало личностному росту его участников. Сам творческий процесс служил прекрасным демонстратором роли личности в истории.

Музеи способствовали повышению интереса к книге, литературе, облекая ореолом престижности культуру чтения и начитанность. Книжные выставки в музеях организовывались с начала 1950-х годов. С ростом фондов и музейных библиотек тематический диапазон и экспонатная представленность существенно расширились, особенно в литературных музеях. Например, библиотека Литературного музея П. Ойунского пополнялась новинками Якутского книжного издательства, дарами писателей, старинными изданиями из научной библиотеки Пушкина, библиотеки училища потребкооперации и из других источников. В 1983 г. в музее прошли выставки миниатюрных книг книголюбов, произведений якутских писателей в центральных изданиях, новинок Якутского книжного издательства, книжной графики художника С. Герасимова¹⁷.

Наибольшего размаха книжно-выставочная работа приобретает в 1980-е годы – время подъема общественно-культурной работы. В 1981 г. в музее книги Восточно-Сибирского государственного института культуры открылась выставка «Поэзия в миниатюрной книге», представившая зрителю 150 томов произведений поэтов Бурятии и союзных республик, народный эпос «Калевала» и многое другое. На выставке экспонировалась часть коллекции по теме «Поэзия» преподавателя института культуры, активного члена Всесоюзного общества книголюбов, увлеченного пропагандиста книги Е.М. Смирнова [4]. В музее КГПИ проходили презентационные выставки художественной литературы для студентов, преподавателей и всех посетителей. Уроки родного языка и литературы, читательские конференции с участием авторов предвосхитили современную музейную интерактивность на основе диалога¹⁸.

¹⁷ НАРС. Ф. Р-1407. Оп. 2. Д. 95. Л. 9-10; Ф. Р-344. Оп. 3. Д. 175. Л. 76; ЦГАРТ. Ф. Р-147. Оп. 1(доп.). Д. 3. Л. 12.

¹⁸ ЦГАРТ. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 138. Л. 17; НАРБ. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 91. Л. 11–12; ГАЗК. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 850. Л.

Музеи пытались удовлетворить потребности личностного роста в ценностно-смысловых, общекультурных, познавательных, информационных, коммуникативных и иных ориентациях, предлагая «продукт» музейного творчества, возможность участия или самореализации на музейном поприще. Специфика музейного творчества, привлекая тысячи участников, состояла в многогранности деятельности, востребованности творческой инициативы, рамки которой раздвигались межсистемными люфтами, возможностью их заполнения через освоение новых направлений и форм работы.

Личностное совершенствование музейных специалистов, общественников проходило и через литературные опыты, результаты которых внесли определенный вклад в литературную жизнь. Приведем лишь несколько примеров. Первый директор Тувинского краеведческого музея В.П. Ермолаев выпустил в свет в Тувинском книжном издательстве книгу «Легенда о Саине». Он писал повести, рассказы, очерки, были, хранящиеся в фондах музея [9]. Организатор музея Нельхайской средней школы Бурятии Ж.А. Зимин являлся автором ряда книг. Его пьеса «Половодье Хужарты» на сцене Бурятского драматического театра пользовалась успехом [5]. Директор Эвенкийского окружного краеведческого музея И.И. Суворов, член Союза писателей СССР с 1960 г., подготовил и издал в Красноярском книжном издательстве сборник эвенкийских сказок «Верный друг», популярный очерк «Народное творчество в Эвенкии» [20].

Музейное творчество как фактор личностного роста расширяло круг «носителей» музейной культуры – идейных лидеров, истинных подвижников. Для многих из них музеи стали делом жизни: дом-музей В. Шишкова – для Д.П. Ждановой, А. Вампилова – для Ю.Б. Соломеиной, В. Яна – для П.К. Палиловой. Личные заслуги стали маркером музейных достижений, получивших общественное признание. Благодаря сближению линий профессионального и личностного роста был создан социально-стратификационный пласт музейно-культурной элиты с высокой планкой внутренней культуры, оказывающей заметное влияние на развитие культуры и общества.

Итак, под влиянием общероссийских и региональных факторов в Восточной Сибири в изучаемые годы было сформировано музейно-литературное сообщество, готовое к разработке новых идей и проектов и способное к их реализации. Создан огромный «человеческий капитал» для дальнейшего развития музейно-литературной сферы, в которой многие творческие находки и открытия этого времени стали музейной классикой. При этом необходимым условием был и остается поиск новых граней взаимодействия и сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаева А. Дом, где согреваются сердца // Молодежь Бурятии. 1990. 21 июля.
2. Бельгаева А. Как увлекательная повесть // Сельская правда. 1975. 21 ноября.
3. Винокуров П.В. Становление и развитие музейного дела в Якутии (сер. 80-х гг. XIX в. – 1980 г.): дис. ... канд. ист. наук / Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова. Якутск, 1996. 208 с.
4. Волынцева Т. Библиотека, уместившаяся в портфеле // Правда Бурятии. 1981. 14 окт.
5. Григорьев В. Сельский народный музей // Вост.-Сибир. правда. 1970. 16 июля.
6. Дыртык-оол А.О. Становление и развитие музейного дела в Туве (1921–2000): дис. ... канд. ист. наук / Бурят. гос. ун-т. Кызыл, 2002. 198 с.
7. Ермаков Е. Школьный музей // Комсомолец Забайкалья. 1982. 11 июля.
8. Иванова Л. Музею – 45 лет // Колымские новости. 1992. 6 ноября.
9. Кенин-Лопсан М. Окно в минувшее // Тувинская правда. 2007. 28 июля.
10. Кобисский В.П. «Всюду нужны Петряевы!» // Забайкалье: судьба провинции. Чита : ЧГОМ. 1996. С. 6–10.
11. Ковальская Т. Маленький школьный музей // Вост.-Сибир. правда. 1991. 19 марта.
12. Козырев С. Репортаж из самого северного музея области // Вост.-Сибир. правда. 1995. 21 февр.
13. Макаров Б. «Вас здесь ждут» // Забайкальский рабочий. 1989. 6 дек.
14. Найдакова Г.В. История создания и развития музейного дела в национальных районах Восточной Сибири. 1917–1980 гг. (на материалах Бурят. АССР, Агинского и Усть-Ордынского бурят. нац. округов): дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск, 1990. 340 с.
15. Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия): сб. ст. / под ред. Г.Г. Неустроевой. Якутск : Сахаполиграфиздат, 1999. 160 с.
16. Раткевич Н. Музей Гайдара // Красноярский комсомолец. 1978. 12 окт.
17. Саяпарова Е.В. История музейного дела в Бурятии

21-23. Паспорт музея КГПИ // Научный архив КККМ.

- (кон. XIX–XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2012. 205 с.
18. Стрекаловская Е. Уроки сопричастности // Правда Бурятии. 1990. 20 сент.
 19. Труевцева О.Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. ... д-ра ист. наук / Том. гос. ун-т. Томск, 2000. 328 с.
 20. Удыгир Г.В. Здесь речь ведет история сама. Красноярск: Центросиб, 2010. С. 55–56.
 21. Феокистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928–2003 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Бурят. гос. ун-т. Абакан, 2004. 196 с.
 22. Ячменёв Е. «Прекрасное должно быть...» // Сов. молодежь. 1990. 18 дек.
 23. Яшина Л.В. Развитие музейного дела в Восточной Сибири в 1945–1985 гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): дис. ... канд. ист. наук / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2006. 311 с.

СОПЕРНИЧЕСТВО США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КИТАЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируются основные направления политики США и Великобритании в Китае в контексте международных отношений на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Автор исследует особенности отношений США и Великобритании, их сотрудничество по ряду вопросов и причины столкновения их интересов. Главный вывод статьи: несмотря на серьезную экономическую конкуренцию между США и Англией в Китае, основной причиной их противоречий являлись влияние и интересы других участников региональной системы международных отношений. Необходимость учитывать позицию своих союзников, которые способствовали поддержанию не только регионального, но и глобального баланса сил, часто заставляла Великобританию действовать вопреки политике США.

Ключевые слова: США, Великобритания, Китай, Маньчжурия, империалистическая экспансия, баланс сил.

The rivalry of the USA and Great Britain in China in the end of XIX – beginning of XX centuries. NIKOLAI V. FEDOROV (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

The article deals with main directions of the US and British policy in China in the context of international relations in the Far East at the turn of XIX-XX centuries. The author explores the specific details of Anglo-American relations, cooperation of these states and reasons for their rivalry. The main conclusion is that despite serious economic competition between the USA and England in China, the key problem of their rivalry had to do with the influence and interests of other actors of regional international system. Great Britain had to support its allies that secured both regional and global balance of power and often be in opposition to the US policy.

Key words: the USA, Great Britain, China, Manchuria, imperial expansion, balance of power.

В конце XIX в. в Китае столкнулись интересы сразу нескольких великих держав. Китайская империя находилась в состоянии кризиса, который проявился в ее поражении в войне с Японией в 1894–1895 гг. Японо-китайская война также дала своеобразный старт активному проникновению великих держав в Китай и их борьбе за сферы влияния. В «битву за Китай» включились и Соединенные Штаты, которые, однако, всегда стремились подчеркнуть мирный характер своей экспансии и необходимость сохранения целостности Китая. Вместе с тем в конце XIX – начале XX в. США неоднократно сталкивались в Китае с другими державами, в т. ч. и с Великобританией.

В целом отношения Англии и США во второй половине XIX в. складывались непросто. Основные их противоречия касались преимущественно разграничения территорий и раздела сфер влияния в Новом Свете. Кульминацией англо-американского противостояния стал Венесуэльский кризис 1895–1896 гг., связанный с проблемой демаркации границы между Венесуэлой и Британской Гвианой. Вслед за резким демаршем США, вставших на сторону Венесуэлы, и не менее жестким ответом Великобритании, которые едва не привели обе страны к открытому конфликту, стороны разрешили свои противоречия компромиссом. Во многом это объяснялось

*ФЕДОРОВ Николай Викторович, Кандидат исторических наук, доцент кафедр американских исследований, факультет международных отношений (Санкт-Петербургский государственный университет). E-mail: nfedorov@yandex.ru
© Федоров Н.В., 2013

тем, что Англия была готова к урегулированию конфликта с США, для того, чтобы сосредоточить свое внимание на других, более важных для себя, регионах. У Британии множились противоречия с Германией, Францией и Россией, и поэтому ей была необходима поддержка со стороны Соединенных Штатов, чьи интересы пока еще не так сильно пересекались с английскими. Немаловажную роль сыграла и поддержка англо-американского сближения со стороны ряда влиятельных британских политиков.

В силу этих обстоятельств Великобритания обеспечила свой благожелательный нейтралитет по отношению к Соединенным Штатам во время испано-американской войны 1898 г. и поддержала превращение Филиппин в колонию США. Контроль США над Филиппинами был более выгоден Великобритании, чем сохранение их за ослабевшей Испанией, так как предотвращал борьбу европейских конкурентов Англии за влияние на архипелаге. Кроме того, владение Филиппинскими островами способствовало более активному вовлечению США в дела Дальнего Востока, где Великобритания стремилась получить американскую поддержку [11, р. 132]. Англия во второй половине XIX в. играла ведущую роль в торговле с Китаем, и политика его раздела на сферы влияния угрожала ее экономическому преобладанию и политическому влиянию на Дальнем Востоке. В то же время обозначилась определенная изоляция Великобритании в Китае, что заставило ее обратиться к поиску союзников на Дальнем Востоке. Такими союзниками стали Япония и Соединенные Штаты.

Еще перед началом испано-американской войны, в марте 1898 г. Великобритания обратилась с просьбой к США объединить с ней усилия по противодействию разделу Китая на сферы влияния. Соединенные Штаты отказались выступать совместно с Англией, объясняя это занятостью вопросом о разгоравшемся конфликте с Испанией и изоляционистскими настроениями в политических и общественных кругах [11, р. 117–118].

Впрочем, подобный отказ от политического сотрудничества с Англией не мешал Соединенным Штатам активизировать свое коммерческое проникновение в Китай после 1895 г. Основными предметами американского экспорта в Китай были хлопчатобумажные ткани, керосин и метал-

лоизделия (в т. ч. и железнодорожное оборудование). Американские хлопчатобумажные ткани благодаря своей дешевизне уже к концу 1890-х гг. теснили на китайском рынке аналогичную продукцию из других стран, в т. ч. и Англии [4, с. 14]. Однако у Великобритании было серьезное преимущество в конкуренции с Соединенными Штатами. США не могли опереться на собственную сеть коммерческих представительств в Китае, аналогичную той, которая была создана Англией, долгие годы доминировавшей в торговле на Дальнем Востоке. Американцы были вынуждены проводить торговые и финансово-кредитные операции в Китае через посредничество английских фирм. Значительная часть американских товаров доставлялась в Китай на британских судах. Это определило противоречивый характер конкурентной борьбы между США и Британией в китайской торговле. Несмотря на сохранявшееся соперничество на рынках Китая, между Англией и Соединенными Штатами сложился своеобразный «симбиоз», который определял единство их действий по многим вопросам дальневосточной политики [7, с. 130–131]. Интересы Англии были сосредоточены преимущественно в Центральном и Южном Китае, прежде всего в долине Янцзы. Именно эту сферу англичане готовились защищать от проникновения американцев, в т. ч. и с опорой на «административный ресурс». В то же время Маньчжурия казалась для США более выгодным объектом для экспансии. Хотя Маньчжурия с 1896 г. постепенно превращалась в российскую сферу влияния, но американские товары могли успешно конкурировать с российской продукцией и США имели все шансы занять монопольное положение на рынках этой части Китая. Великобритания благосклонно относилась к экспансии США в Маньчжурии, рассчитывая, во-первых, что Америка создаст противовес российскому присутствию, и, во-вторых, что она будет уделять внимание преимущественно северу Китая и не будет конкурировать с Англией в ее сферах влияния [4, с. 15].

В качестве одного из инструментов своей политики в Китае США приняли решение опереться на доктрину «открытых дверей», которая предусматривала сохранение территориальной целостности Китая и соблюдение правил свободной конкуренции и «честной игры»

на китайской территории. Америка на рубеже XIX–XX вв. пока не располагала многими из тех возможностей, которые имелись у других великих держав. Ее дипломатия не пользовалась серьезным влиянием в международных отношениях, а вооруженные силы (особенно армия) были еще не так сильны. Приходилось принимать во внимание настроения части американской элиты и общественных кругов, негативно воспринимавших вовлечение США в колониальную политику и соперничество с великими державами. Поэтому Соединенным Штатам было затруднительно открыто бороться за выделение сферы влияния в Китае. В силу этого политика «открытых дверей» была наиболее оптимальным вариантом для утверждения американского присутствия в Китае, поскольку позволяла им использовать свои растущие экономические возможности на всей территории страны и утвердить имидж защитника его целостности и интересов.

Собственно, к принципам «открытых дверей» склонялась и Великобритания, которая, как уже говорилось выше, сама выступала с предложением к Соединенным Штатам совместно действовать против раздела Китая на сферы влияния. В самих США к 1899 г. все больше росло стремление к провозглашению принципов «открытых дверей» как основы политики в Китае. 6 сентября 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй выступил с нотой, адресованной великим державам, имевшим интересы в Китае, в которой были озвучены принципы политики «открытых дверей». Данная нота была принята Великобританией, Францией, Германией и Японией. Лишь Россия дала уклончивый ответ, опасаясь за свои позиции в Северо-Восточном Китае. Однако, несмотря на провозглашение политики «открытых дверей», сохранялась практика соперничества за сферы влияния в Китае.

Впрочем, сами Соединенные Штаты довольно часто были готовы отойти от декларируемых ими принципов. В 1901–1903 гг. США вели тайные переговоры с Россией о получении особых привилегий для американского капитала в Маньчжурии в обмен на признание любого режима, установленного российским правительством в этой части Китая [3, с. 195]. Рассматривался в США вопрос и о приобретении военно-морской базы в Китае, в т. ч. на архипелаге Чжоушань непо-

далеку от Шанхая. Однако эти острова входили в сферу британских интересов, что заставило США отказаться от своих планов [10, р. 123].

Несмотря на провозглашенную общность целей в Китае, между США и Великобританией так и не возникло формального политического партнерства, в первую очередь из-за нежелания Соединенных Штатов связывать себя обязательствами и стремления сохранить дистанцию от других великих держав. Это проявилось даже в ходе подавления «боксерского» восстания. В частности, государственный департамент США отказался официально оформить коалицию с Великобританией (направленную не только против повстанцев, но на укрепление позиций среди других великих держав), стремясь придерживаться собственной линии в Китае. Кроме того, подобная позиция Соединенных Штатов объяснялась продолжавшейся военной кампанией на Филиппинах, которая не позволяла выделить крупный контингент для подавления восстания в Китае, а также стремлением президента У. Мак-Кинли умерить страсти вокруг экспансионистской политики США в преддверии президентских выборов [14, р. 157].

Тем временем наметилось сближение позиций Англии и Германии. 16 октября 1900 г. между ними было заключено соглашение о разграничении сфер влияния. Соединенные Штаты получили предложение присоединиться к этому договору, но государственный департамент дал отрицательный ответ. Однако многие американцы беспокоились, что Великобритания и Германия смогут договориться с Россией по вопросу Маньчжурии за спиной у США [3, с. 77]. Создания англо-германского блока на антиамериканской основе опасался и Т. Рузвельт, вступивший на пост президента в 1901 г. Как отмечал советский историк Р.М. Бродский, Рузвельт «не доверял английской политике и понимал неизбежность углубления англо-американских противоречий» [1, с. 83–84]. Но вместо англо-германского союза на Дальнем Востоке наметилось оформление англо-японского альянса. Сближение с Германией на Дальнем Востоке могло быть чревато для Англии дополнительными обязательствами в Европе, и поэтому Япония рассматривалась как более выгодный союзник. Обе страны негативно относились к присутствию

России в Маньчжурии, а их стремление заключить союзное соглашение подкреплялось опасением того, что противоположная сторона может пойти на компромисс с Россией. США негативно восприняли англо-японский союзный договор, подписанный в январе 1902 г. без консультации с ними и рассчитанный, прежде всего, на защиту интересов Англии и Японии без учета американской позиции. США попытались убедить Россию фактически отторгнуть Маньчжурию от Китая, намекая на американскую поддержку и рассчитывая при этом на получение исключительных привилегий в этом регионе [3, с. 127]. Однако Россия, опасаясь начала открытого конфликта в случае захвата Маньчжурии и не желая уступать американским притязаниям, отклонила предложение США. Не сумев договориться с Россией, США стали с большей симпатией относиться к англо-японскому союзу. Они рассчитывали на то, что разгоравшийся конфликт между Россией и Японией ослабит обе стороны и облегчит экспансию Соединенных Штатов в Маньчжурии.

Однако поражение России в войне с Японией на самом деле породило новые проблемы для США. После войны произошло усиление японских позиций в Маньчжурии и на всем Дальнем Востоке. Япония не только сохраняла союзнические отношения с Великобританией, но и нормализовала взаимодействия с Россией на основе разграничения сфер влияния. Англия же, хотя и стремилась сохранить хорошие отношения с США, не собиралась ради поддержки американских интересов противодействовать Японии.

Серьезное столкновение США и Англии произошло в ходе переговоров о предоставлении так называемого Хугуанского займа для Китая. 6 июня 1909 г. представители английских, французских и германских банковских групп заключили с китайским правительством соглашение о предоставлении займа на строительство железных дорог в провинциях Хубэй, Хунань и Сычуань (получивших название Хугуанских железных дорог). 6 июля 1909 г. представители этих объединений подписали меморандум, согласно которому все железнодорожные займы для Китая должны были равномерно распределяться исключительно между ними. США выступили с протестом против заключения договора о займе без их участия. В результате давления со сторо-

ны США было принято решение о допуске американцев к участию в «Хугуанском займе» [6, с. 135].

Столкновение американских и английских интересов по вопросу строительства железных дорог коснулось и Маньчжурии. Еще в августе 1907 г. США заключили соглашение с губернатором провинции Мукден о предоставлении займа для учреждения «Банка трех восточных провинций» и строительства железной дороги от Пекина до Мукдена. Однако Англия в начале 1908 г. добила от властей Маньчжурии подписания соглашения о займе уже с британским Гонконг-Шанхайским банком. В результате давления со стороны американской банковской группы (поддержанной правительством США) английский банк отказался от своего предложения [6, с. 143].

Однако основным соперником для США в Маньчжурии становилась уже Япония, и обострение их отношений отражалось на Великобритании. 2 октября 1909 г. американская банковская группа совместно с английской компанией «Паулинг и К^о» договорилась с китайским правительством о предоставлении займа на строительство железной дороги Цзиньчжоу-Айгун, которая могла бы составить серьезную конкуренцию принадлежавшим соответственно России и Японии Восточно-Китайской (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (ЮМЖД) железным дорогам. Непосредственное строительство дороги должна была осуществлять английская фирма, а финансировать его – американские банки. Привлекая к работе английскую компанию, США рассчитывали, что правительство Великобритании будет более лояльно к проекту и поможет нейтрализовать противодействие России и Японии [6, с. 150]. Вначале британское правительство поддержало проект, а затем, когда стали ясны его цели, попыталось дистанцироваться от него [9, р. 748–749]. Однако с учетом того, что проблема железных дорог в Маньчжурии затронула интересы сразу нескольких держав, ей это сделать не удалось.

Помимо строительства железной дороги Цзиньчжоу – Айгун США предложили идею «нейтрализации» и «интернационализации» железных дорог Маньчжурии (которая заключалась в предоставлении займа Китаю для выкупа КВЖД и ЮМЖД). 11 ноября 1909 г. госу-

дарственный секретарь США Ф. Нокс обратился с меморандумом к английскому министру иностранных дел Э. Грею, в котором предлагал Великобритании выступить совместно с Соединенными Штатами в поддержку «нейтрализации» железных дорог Маньчжурии или (при отказе России и Японии) добиться разрешения строительства линии Цзиньчжоу – Айгун. Грей дал на этот меморандум уклончивый ответ, который можно было, однако, расценить как отпор [2, с. 280–281]. Он, в принципе, поддержал идею «нейтрализации», но отметил, что вести переговоры о новом займе с Китаем нежелательно до тех пор, пока не решен вопрос с «Хугуанским займом», и, кроме того, к этому проекту следовало подключить «заинтересованные державы» [12, р. 235]. Нокс, в свою очередь, попытался использовать хотя бы такой ответ Грея и обратился с меморандумом к России, Японии, Германии и Франции. 21 января 1910 г. Россия и Япония (заручившись поддержкой Великобритании) в ответной ноте выразили отрицательное отношение к плану «нейтрализации». 5 февраля 1910 г. английское правительство рекомендовало Китаю не принимать решения о строительстве железной дороги Цзиньчжоу-Айгун без предварительных консультаций с Россией и Японией [12, р. 257]. В июле 1910 г. США предложили сократить линию Цзиньчжоу – Айгун до Таонанфу, однако Россия отвергла это предложение, а Англия не стала поддерживать США [9, р. 765–766].

В вопросе о железнодорожном строительстве в Маньчжурии Великобритания была вынуждена выбирать между Россией и Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами – с другой. Англия была настроена на политическое и экономическое сотрудничество с Америкой, однако США не стремились к участию в поддержании мирового баланса сил (в отличие от России и Японии), что делало «англо-американскую Антанту невозможной» [9, р. 751]. Подобная позиция серьезно осложняла англо-американские отношения – летом 1910 г. «возмущение Великобританией достигло апогея» в Соединенных Штатах [13, р. 193].

В итоге США оказались на Дальнем Востоке в своеобразной изоляции перед лицом Англии, России, Франции и Японии. Их противоречия наглядно проявились в ходе переговоров о новых

займах для Китая. 27 октября 1910 г. Китай подписал соглашение с американской банковской группой о предоставлении займа на проведение денежной реформы в Китае и промышленное развитие Маньчжурии. Остальные участники международного банковского консорциума (образованного в период переговоров по «Хугуанскому займу») выразили протест и потребовали участия в предоставлении займа на равных с американцами условиях. США согласились на это, так как их планы по предоставлению займа на развитие Маньчжурии теперь были фактически поддержаны международным банковским консорциумом, что позволяло создать противовес Японии и России [6, с. 176]. Однако Россия и Япония выступили против предоставления займа со стороны консорциума без их участия, а Франция и Великобритания поддержали их включение в консорциум летом 1912 г. Это нарушало планы США по экономическому проникновению в Маньчжурию [6, с. 178]. Еще одним ударом по американским планам стало решение об ограничении сферы деятельности консорциума административными займами вместо железнодорожных [6, с. 289]. В 1913 г. США покинули консорциум. Оставляя консорциум, они стремились отмежеваться и от участия в «реорганизационном займе», предложенном консорциумом китайскому правительству, сформированному после Синьхайской революции. Условия предоставления этого займа были тяжелыми для Китая, и Америка, уходя из консорциума, старалась завоевать популярность среди китайцев. Новый президент В. Вильсон изменил стратегию в отношении Китая, сделав акцент на соблюдении политики «открытых дверей» и декларировании дружественных отношений.

С началом Первой мировой войны Япония старалась укрепить свои позиции в регионе и расширить сферу влияния. Хотя Великобритания была недовольна усилением Японии в Китае, она не спешила выстраивать против нее объединенный фронт вместе с США, предпочитая сохранять определенный баланс в отношениях с обеими странами. Японская политика по разделу сфер влияния в Китае стала более близкой Великобритании, чем позиция американцев, которые стремились активизировать свое экономическое присутствие по всему Китаю [8,

р. 51]. Некоторые британские политики считали, что США являются потенциально более опасным конкурентом, чем Япония, из-за их огромных финансовых ресурсов [8, р. 57].

Одним из примеров столкновения интересов США и Великобритании в Китае в этот период стал вопрос со строительством железных дорог американскими компаниями «Симс-Кэри рэйлвэйс» и «Кэнэл компани». В соответствии с подписанным в мае 1916 г. соглашением американские фирмы должны были построить несколько железных дорог в различных частях Китая, относившихся к сферам влияния Англии, Франции и России. Франция и Россия сразу выступили с протестом, а Великобритания предложила компромиссный вариант – строительство дорог совместно с Англией и британский административный контроль над ними. Однако в этом случае значительная часть прибыли отходила бы Англии, что было неприемлемо для США, которые в январе 1917 г. отклонили британское предложение [8, р. 59–60].

Летом 1918 г. правительство США приняло решение о возобновлении участия американских банков в международном консорциуме по предоставлению займов Китаю и инициировали переговоры о создании нового консорциума. Предыдущий консорциум фактически бездействовал. С началом Первой мировой войны из его состава вышла Германия, а после 1917 г. – Россия. Соединенные Штаты за счет роста своей финансовой мощи рассчитывали занять в новом консорциуме ведущее положение. Действительно, уже с началом переговоров английская и французская финансовые группы уступили свои доли в финансировании Китая американцам [5, р. 95].

После окончания Первой мировой войны произошло снижение влияния Великобритании на Дальнем Востоке, что стало следствием относительного ослабления ее экономической мощи. Это наглядно показала Вашингтонская конференция 1921–1922 гг., на которой Англия отказалась от союза с Японией и согласилась на равенство военно-морских сил с Соединенными Штатами. Великобритания еще не была готова отказаться от своих позиций на Дальнем Востоке, но уже было понятно, что главный баланс сил на Тихом океане будут определять США и Япония.

Соперничество США и Великобритании в Китае в конце XIX – начале XX в. носило сложный и противоречивый характер. Изначально Англия воспринимала Соединенные Штаты как своего партнера в дальневосточных делах, однако США оказались серьезным конкурентом в вопросах торговли и инвестиций в Китае. Впрочем, причинами самых серьезных противоречий стали как раз те факторы, которые способствовали англо-американскому сближению. В условиях обострения отношений между центральными державами и Антантой Англия все большее внимание обращала на прочность связей со своими союзниками. В силу этого Великобритания после Русско-японской войны часто ставила российские или японские интересы в регионе выше американских или даже своих собственных. Региональная система международных отношений на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. сильно зависела от влияния внешних факторов, и англо-американские отношения этого периода еще раз это доказывают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский Р.М. Американская экспансия в северо-восточном Китае, 1898–1905. Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1965. 168 с.
2. Гальперин А.В. Англо-японский союз, 1902–1921 годы. М. : Госполитиздат, 1947. 448 с.
3. Горелик С.Б. Политика США в Маньчжурии в 1898–1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М. : Изд-во вост. лит., 1960. 196 с.
4. Зарина Л.Л., Лившиц С.Г. Британский империализм в Китае (1896–1901). М. : Наука, 1970. 248 с.
5. Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922). М. : Наука, 1967. 340 с.
6. Севостьянов П.П. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905–1911 гг.). М. : Госполитиздат, 1958. 312 с.
7. Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей (1895–1900). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 247 с.
8. Davis C.V. Limits of Effacement: Britain and the Problem of American Cooperation and Competition in China, 1915–1917 // *Pacific Historical Review*. Vol. 48, No.1 (Feb., 1977), P. 47–63.
9. Edwards E.W. Great Britain and the Manchurian Railway Question, 1909–1910 // *The English Historical Review*. Vol. 81, No.321 (Oct., 1966). P. 740–769.
10. Livermore S.W. American Naval Base Policy in the Far East 1850–1914 // *Pacific Historical Review*. Vol.13, No. 2 (Jun., 1944). P. 113–135.

11. Neale R.G. Great Britain and United States Expansion: 1898–1900. East Lansing: Michigan State University Press, 1966. 230 p.
12. Papers relating to the foreign relations of the United States with the annual message of the president transmitted to Congress December 6, 1910. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1910> 9 (дата обращения: 28.10.2012)
13. Scholes W.V., Scholes M.V. The Foreign Policies of the Taft Administration. Columbia: University of Missouri Press, 1970. 259 p.
14. Young M.B. The Rhetoric of Empire. American China Policy, 1895–1901 // Harvard East Asian Series. No. 36. Cambridge (Mass.), 1968. 302 p.

КРИЗИС 1937 г. В ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И ПОЗИЦИЯ ОБЩЕСТВА США

В статье рассмотрена реакция общества США на кризисные моменты японо-американских отношений. Проанализированы оценки прессой США событий декабря 1937 г. в Китае.

Ключевые слова: США, Тихоокеанская война, Китай, общественное мнение.

The crisis of 1937 in Japanese–US relations and the position of U.S. society. SERGEY O. BURANOK (Samara State Academy of Social Sciences and Humanitie, Samara).

The article describes the reaction of U.S. society to the crisis moments of Japanese–American relations. The author analyzes the how the U.S. media estimated the events of December 1937 in China.

Различным аспектам японо-американской борьбы за Китай, как одной из главных причин тихоокеанской войны, посвящена чрезвычайно обширная историография, которая постоянно пополняется новыми диссертациями, монографиями, статьями [1, 3, 4, 14, 20, 28]. Но и при таком многообразии продолжают оставаться нерешенные проблемы, вопросы без ответов, «темные места». Одной из малоизученных тем является и предмет данной работы: кризис 1937 г. в Китае в представлениях американского общества.

Как отмечают и отечественные историки (М.С. Маслов, Д.Г. Наджафов, А.А. Кошкин), и западные специалисты (Д. Борг, Р. Спектор, С. Уайт), после захвата Маньчжурии в 1931 г. произошло обострение политического конфликта, с одной стороны, между США и Японией, а с другой – между СССР и Японией [1, 4].

В этой ситуации политические деятели США увидели уникальную возможность попытаться переориентировать с Китая на Советский Союз направление начавшейся японской агрессии. Важнейшим шагом стала официальная позиция Госдепартамента США, которую четко выразил государственный секретарь Г. Стимсон:

в американской прессе не должно быть критики действий Японии и никаких угроз. Кроме того, после начала конфликта Лига Наций направляет японскому и китайскому правительствам телеграммы с предложением прекратить военные действия, а Японии вывести войска из Маньчжурии, т.е. были получены лишь «одинаковые предостережения» [1]. Но после 1937 г. в данную концепцию пришлось вносить корректировки, связанные с новой японо-китайской войной.

«Китайский инцидент» произвел изменения как во внешней политике США, так и в сознании военно-политических деятелей [24, р. 4–18], но ситуация с общественным мнением и прессой была несколько сложнее [5, с. 207]. Важно отметить, что обозначаемые историками противоречия и напряженность в японо-американских отношениях, появившиеся после 7 июля 1937 г., далеко не сразу были отмечены общественностью и СМИ США. Более того, в прессе Соединенных Штатов в период первой половины июля 1937 г. целая группа газет никакого значения случившимся столкновениям не придавала.

Так, в алабамском издании «Tuscaloosa News» новости о Китае даже не попали на первую поло-

*БУРАНОК Сергей Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара). E-mail: witch-king-1@mail.ru

© Буранок С.О., 2013

су (как и в калифорнийской «Berkeley Daily Gazette» [10, р. 1]), а в небольшой заметке от 8 июля инцидент был представлен не как очередной этап агрессии Страны Восходящего Солнца, а как столкновения японских и китайских солдат, из-за которых японская армия вынуждена была начать наступление [34, р. 2]. Сходное отношение к ситуации на Дальнем Востоке прослеживается и в других газетах. «Bend Bulletin» (Орегон) сообщает, что из-за «сражений японских и китайских армий японцы вынуждены укреплять свое посольство в Пекине» [9, р. 1], т.е. делаются попытки представить Японию обороняющейся стороной. А в «Telegraph-Herald» была напечатана лишь японская версия случившегося 7 июля, где вся ответственность возлагалась на китайские войска [30, р. 9]. Видно, что, несмотря на развитие японской экспансии в период 1931–1937 гг., на сложности японо-американских отношений и формирование представлений о японской угрозе посредством военной публицистики, очередной шаг к расширению конфликта на Тихом океане был воспринят прессой США более чем спокойно.

Продолжали господствовать тенденции восприятия образа японо-китайского противостояния, заложенные в 1931 г. В соответствии с ними в любой кризисной ситуации редакторами американских изданий виноватыми «назначались» китайские генералы или, как максимум, объявлялись виновными обе стороны. Это позволяет говорить о том, что в период начала развития японо-китайской войны (июль–сентябрь 1937 г.) американское общество было не готово воспринимать Японию как агрессора и оценивать действия на Тихом океане как угрозу Соединенным Штатам.

Ярким примером нового подхода к ситуации на Дальнем Востоке стала произнесенная 5 октября 1937 г. в Чикаго президентом США речь, в которой Рузвельт потребовал «карантина» для агрессора [6, с. 39]. Американский историк Д. Борг, указывая на антияпонскую направленность речи, пишет, что она обозначила новое направление в дальневосточной политике США, которое в будущем приведет к применению по отношению к Японии экономических санкций [3, с. 231–237]. По мнению авторов «Истории войны на Тихом океане», речь президента Рузвельта

в большей степени относилась к внутренним проблемам и «была использована для того, чтобы заставить народ проникнуться опасностью войны, которая могла вспыхнуть за пределами США, и преодолеть кризис в американской экономике на базе расширения военного производства» [2, с. 182].

6 октября государственный департамент США в своем заявлении констатировал, что действия Японии нарушают пакт девяти держав, а также антивоенный пакт. Эти заявления создали у международного общественного мнения впечатление, будто Америка принципиально отвергает японскую агрессию.

3 ноября 1937 г. в Брюсселе начались заседания конференции в составе 19 государств [31, р. 24–25]. США на конференции представлял Норман Дэвис. 4 ноября на пленарном заседании было достигнуто соглашение о создании комитета, перед которым ставились задачи: 1) составить ответ на отказ японского правительства принять участие в конференции и 2) предложить обеим сторонам в японо-китайском конфликте свои посреднические услуги. 6 ноября конференция выработала текст повторного обращения к Японии с приглашением принять участие в ее работе [27, р. 1; 33, р. 1]. В прессе США в этот период вся ответственность за затягивание конференции возлагалась на позицию Италии и очень часто цитировались слова Дэвиса о его «надеждах» на привлечение к заседаниям Японии, что в его глазах являлось главным залогом успеха будущего решения [33, р. 1].

13 ноября Брюссельская конференция возобновила свою работу. Китайский представитель поднял вопрос об экономических санкциях против Японии и об оказании помощи Китаю [13, р. 1]. Однако представители США, Англии и Франции проигнорировали заявление. Суть очередной речи Н. Дэвиса заключалась в выражении надежды на возможность сотрудничества Японии с конференцией [8, с. 146].

14 ноября на конференции был озвучен подробный доклад китайской делегации, свидетельствующий о том, какую помощь военными материалами и своим бездействием оказывали Японии США, Англия и Франция. Китайская делегация вновь предложила поднять вопрос о введении экономических санкций, однако

США отказались использовать возможности затруднить агрессию. Американский делегат Дэвис выступал против применения санкций.

15 ноября на конференции была принята резолюция, не предусматривавшая никаких эффективных мер против Японии. В завершающих документах выражалось пожелание, чтобы Япония пересмотрела свою «позицию» в отношении Китая и «нашла способы» уладить «конфликт». Резюмируя итоги Брюссельской конференции, Б.И. Марушкин пишет, что единственным ответом было отсутствие ответа и адекватных мер, которые могли бы заставить японских агрессоров остановиться [6, с. 92].

Важно отметить и другое: ни участники конференции, ни представители американских СМИ не видели в данном конфликте крупной угрозы для безопасности Тихого океана, а для США тем более. Информационное обеспечение конференции в прессе строилось на пропаганде принципов, озвученных Дэвисом, – без участия Японии решать проблемы дальневосточного кризиса бессмысленно [5].

Следовательно, можно предположить, что речь Рузвельта о «карантине» для агрессоров имела очень незначительное (прежде всего по времени) воздействие на американское общество и СМИ, которые уже через месяц после чикагского выступления вернулись к старым (периода 1931–1933 гг.) образам и традициям восприятия японских действий. Это дает основания думать, что ни нападение Японии на Китай летом 1937 г., ни расширение масштабов войны осенью 1937 г. не вызвали значительных перемен в оценке степени японской угрозы американскими журналистами, а через них и гражданами.

Катализатором перемен стало нападение 12 декабря 1937 г. 11 японских палубных бомбардировщиков на американскую канонерскую лодку «Пэней» на р. Янцзы [15, р. 532–547]. В этот день новости о гибели корабля не попали в прессу США, но упоминания о действиях канонерки у Нанкина по эвакуации американских граждан встречаются довольно часто [22, р. 1; 23, р. 66; 25, р. 1]. Причем характер, объем и расположение публикаций (почти всегда на первой полосе) показывают, что журналисты понимали не только важность данной операции, но и ее опасность, указывая, что «город горит», «японцы все время

обстреливают Нанкин» [29, р. 1; 21, р. 1]. Следовательно, уже 12 декабря, еще до первых сообщений об уничтожении корабля, СМИ США начинают прогнозировать (правда, только намеками) трагический финал.

На следующий день, 13–14 декабря, первые полосы газет были заняты гневными сообщениями об атаке: «Японцы пустили на дно канонерскую лодку под американским флагом»; «Американские моряки провели более часа под дождем из японских снарядов»; «США требует сатисфакции от Японии за уничтожение канонерской лодки бомбардировщиками» [21]; «Япошки топят наш корабль!» – сообщает пресса [19, 12, 26].

Важность инцидента с канонеркой состоит в том, что это поворот в сознании и американского общества, и военных [28, р. 63]. Как записал в дневнике секретарь по внутренним делам (министр внутренних дел) США Гарольд Икес, «после случая с “Пэней” война стала неизбежной» [17, р. 274]. Исследователь нападения на Пёрл-Харбор Рей Мерриам указывает, что именно после этого случая Рузвельт стал искать пути «для наказания Японии» [20, р. 29].

Резкая ситуация была сглажена извинениями, принесенными японским министерством иностранных дел уже 14 декабря [32, р. 1]. После этого в американском обществе снова начало укрепляться мнение о возможности мира между двумя тихоокеанскими державами: «Прекращение дел с Японией возможно, если только не будут выплачены компенсации и если японское правительство не даст гарантий, что подобное больше не повторится» [12, р. 1].

Как отмечают отечественные и западные исследователи, народ США (несмотря на открытое нападение на американские корабли) был против объявления войны [7, с. 83–84]. Это подтверждается и материалами прессы, где с 13 декабря высказывались требования об извинениях, полной компенсации, но нет призывов к войне [25, р. 1; 26, р. 1]. Более того, сразу сообщается о реакции различных официальных представителей Японской империи: глава МИД Хирота принес «глубочайшие извинения» [22, р. 1]; военный и морской министры извинились перед американской нацией [25, р. 1]; анонимный представитель флота объяснил все «ужасной ошибкой» [26, р. 1]. Этого оказалось достаточно, чтобы мощное

общественное движение в поддержку войны не сумело в США сформироваться. Хотя Рузвельт и просил в специальном обращении «нацию поддержать любой протест» [25, р. 1], в списке требований к Японии по поводу «Пэнейского инцидента» [18, р. 1] ничего жесткого и невыполнимого не было.

Следовательно, вся протестная риторика и негодование были в основном формальностью, а не началом процесса формирования качественно нового образа «японской угрозы». Резкого, а главное длительного изменения общественных настроений на антияпонские в прессе конца 1937 г., отчетливо не наблюдалось. Но это не означает, что изменений и трансформации восприятия дальневосточной империи не было совсем. Они носили поэтапный характер, создавая на страницах периодической печати в 1938–1941 гг. совершенно иной образ Японии, а главное, новую модель взаимодействия с Империей Восходящего Солнца, где приоритет отдавался методам экономического воздействия и силовым, что и приведет, в конечном счете, США и Японию к войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. М. : Наука, 2011. 848 с.
2. История войны на Тихом океане: в 5 т. Т. 3. М. : Наука, 1957. 672 с.
3. Каткова З.Д., Чудодеёв Ю.В. Китай–Япония. Любовь или ненависть? М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. 376 с.
4. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М. : Наука, 1989. 271 с.
5. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М. : Наука, 2004. 604 с.
6. Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.). М. : Изд-во АН СССР, 1957. 156 с.
7. Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. 1935–1941. М. : Наука, 1990. 216 с.
8. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М. : Междунар. отношения, 1979. 320 с.
9. Bend Bulletin. 1937. July 8.
10. Berkeley Daily Gazette. 1937. July 8.
11. Borg D. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933–1938. Cambridge (Mass.): Cambr. Univ. Press, 1964. 290 p.
12. Chicago Daily News. 1937. Dec. 14.
13. Evening Independent. 1937. Novemb. 13.
14. Feis H. The Road to Pearl Harbor. Princeton: Princeton Univ. Press, 1950. 382 p.
15. Foreign Relations of the United States. Washington, Government Printing Office, 1958. Ch. I. Japan. 402 p.
16. Free Lance-Star. 1937. Dec. 13.
17. Ickes H.L. The Secret diary of Harold L. Ickes. Vol. 1–3. Vol. 2. N. Y.: Simon & Schuster, 1954. 314 p.
18. Lawrence Daily Journal World. 1937. Dec. 13.
19. Los Angeles Times. 1937. Dec. 13.
20. Merriam R. Pearl Harbor: «This Is No Drill!». Bennington: Merriam Press, 1999. 96 p.
21. Milwaukee Journal. 1937. Dec. 13.
22. New York Times. 1937. Dec. 13.
23. Palm Beach Post. 1937. Dec. 12.
24. Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington: Government Print. Office, 1983. 874 p.
25. Pittsburgh Press. 1937. Dec. 13.
26. Prescott Evening Courier. 1937. Dec. 13.
27. Rock Hill Herald. 1937. Novemb. 6.
28. Spector R.H. Eagle Against the Sun: The American War With Japan. N. Y.: MacMillan, Inc., 1984. 589 p.
29. St. Joseph News-Press. 1937. Dec. 12.
30. Telegraph-Herald. 1937. July 8.
31. The Conference of Brussels. Novemb. 3–24, 1937. Washington: Government Print. Office, 1938. 186 p.
32. The Washington Post. 1937. Dec. 14.
33. Titusville Herald. 1937. Novemb. 7.
34. Tuscaloosa News. 1937. July 8.

К.Ю. Колесниченко*

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1930-е–2000-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

В статье рассматривается роль военного фактора в развитии и освоении Дальнего Востока России, определяются сущностные характеристики, основные аспекты и проблемы данного процесса. Анализируется влияние военных сил на социальные, экономические, политические и культурные сферы жизни Дальневосточного региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморский край, вооруженные силы.

The military factor in the development of the Russian Far East in the 1930s-2000s (Case of Primorsky Region). KIRILL KOLESNICHENKO (Far Eastern Federal University, School of Humanities, Vladivostok).

The article focuses on the role of the Military Forces in the exploring and developing of the Russian Far East. It defines main characteristics and aspects of this process and analyses the influence of Military Forces on the social, political, economical and cultural life of the Russian Far East.

Key words: Russian Far East; Primorsky Region; Military Forces.

История освоения и развития Дальнего Востока России неразрывно связана с вооруженными силами страны – огромные неосвоенные пространства, наличие не всегда дружественно настроенных соседних государств, геополитические интересы других держав – все это делало военное присутствие в регионе объективной необходимостью. Военный фактор на протяжении полутора веков оказывал существенное, а порой и определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы в данном регионе России.

Приморский край в этом отношении представлял собой один из самых высоко милитаризованных не только на Дальнем Востоке, но и в России вообще. Фактически экономическое и социально-политическое развитие региона было напрямую привязано к военным вопросам, имевшим первостепенное значение.

При этом комплексный анализ роли военного фактора в развитии Приморского края в XX в. в научно-исследовательской литературе в полной мере не проведен, несмотря на ряд значимых шагов в этом направлении. Как правило, авторы, занимающиеся данной проблематикой, концентрируются на одном из аспектов проблемы (например, история развития Тихоокеанского флота, Владивостокской крепости или предприятий ВПК на территории края), либо рассматривают ее в контексте более общих вопросов (политические, культурные или социальные процессы на Дальнем Востоке).

Кроме того, не все исторические периоды освещены одинаково: если период 30-х–40-х годов рассмотрен достаточно подробно, то комплексный анализ роли военного фактора в развитии региона в 90-е–2000-е годы представлен лишь фрагментарно.

*КОЛЕСНИЧЕНКО Кирилл Юрьевич, доцент кафедры социальных наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета. E-mail: generalgrant@mail.ru
© Колесниченко К.Ю., 2013

Основной задачей данной статьи нам видится постановка проблемы комплексного изучения роли военного фактора в развитии Дальнего Востока России, а также отдельных его регионов начиная с 30-х гг. XX в. и по настоящее время.

Очередной активный этап военного развития региона начался в первой половине 30-х гг. XX в. Главным стимулом для этого послужила стремительно меняющаяся международная обстановка: в сентябре 1931 г. японская армия начала широкомасштабные военные действия в Маньчжурии против китайских войск. 5 февраля 1932 г. японцы заняли Харбин, а к концу 1932 г. вышли на линию советско-китайской границы.

Численность японских войск в Маньчжурии в 1931–1932 гг. увеличилась более чем в 10 раз и достигла почти 100 тыс. чел., а к началу 1935 г. уже 180 тыс. чел., что составляло около 80% от численности всей японской армии [7, с. 80].

В случае захвата Дальнего Востока неприятель получал возможность двигаться через Сибирь в сторону Урала, создавая угрозу важнейшим промышленным районам и вынуждая СССР вести войну на два фронта. Ограниченная пропускная способность Транссибирской железной дороги вынуждала держать на Дальнем Востоке в угрожаемый период такую группировку войск, которая смогла бы вести боевые действия вполне самостоятельно.

В этой обстановке высшее политическое руководство страны, оценив военную опасность как наивысшую, стало принимать адекватные меры. До 1932 г. в состав Забайкальской и Приморской группы войск ОКДВА входило шесть стрелковых дивизий, две кавалерийские бригады и небольшое количество авиационных и танковых частей общей численностью до 42 тыс. чел. Однако за первые пять месяцев 1932 г. численность войск увеличили в 2,5 раза, самолетов в 3 раза, танков в 20 раз, артиллерии в 2 раза. В состав ОКДВА теперь входило 10 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии [7, с. 80]. По линии государственной границы развернулось масштабное строительство укрепленных районов.

В 30-е годы параллельно со строительством укрепленных районов СССР продолжал наращивать группировку войск на Дальнем Востоке.

В мае 1935 г. Забайкальская группа войск ОКДВА была выделена в самостоятельный Забайкальский военный округ. К январю 1937 г. войска ОКДВА имели уже 13 стрелковых и 1 кавалерийскую дивизии, а также 2 механизированные бригады. В составе Забайкальского военного округа имелось 4 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, механизированный корпус и мотоброневая бригада. Всего на Дальнем Востоке была уже сосредоточена четвертая часть всех сухопутных войск СССР... 1 июля 1938 г. войска ОКДВА были преобразованы в Дальневосточный Краснознаменный фронт в составе 1-й и 2-й Краснознаменных армий [7, с. 85–86].

К началу 1938 г. общая численность войск на Дальнем Востоке составляла 250 тыс. чел., а к началу 1939 г. уже 479 тыс. чел. [7, с. 112].

Параллельно с наращиванием численности войск, соединений и частей, строительством укрепрайонов активно развиваются авиация и военно-морской флот. Военный историк М. Морозов отмечает: «При скудности отпускаемых на строительство флота в то время средств ситуация на Дальнем Востоке усугублялась полным отсутствием кораблей дореволюционной постройки, которые в то время составляли костяк Балтийского и Черноморского флотов, и крайней слабостью местной судостроительной базы. В этих условиях потенциальная возможность решения главных задач ТОФ того времени – обороны морских подступов к Владивостоку и содействия Красной Армии в Приморье – могла быть достигнута в короткие сроки только за счет массового строительства разборных ПЛ VI серии, реданных торпедных катеров типа "Г-5" и развертывания сильной морской авиации. Поэтому не случайно, что, имея 53 боевых самолета на начало 1933 г., ВВС ТОФ к январю 1936 г. насчитывали 446 машин, а спустя четыре года – уже 667» [11, с. 27]. В дальнейшем состав авиационной группировки наращивался и качественно и количественно. В 1938 г. авиационная группировка принимала участие в вооруженном конфликте у озера Хасан. По состоянию на 22 июня 1941 г., в составе ВВС ТОФ имелось 969 самолётов различных типов, в 1942 г. 803 самолёта различных типов, в 1943 г. 945, в 1944–897, а в начале 1945 г. – 1130 (без учета ВВС СТОФ) [5].

С началом Великой Отечественной войны численность военной группировки на Дальнем Востоке СССР коренным образом не изменилась, несмотря на отправку ряда соединений и частей в действующую армию. Фактически весь период войны численность группировки советских войск на Дальнем Востоке была близка к численности японских войск и даже несколько превосходила ее. Помимо чисто военных задач на вооруженные силы легла и значительная экономическая нагрузка – отток квалифицированной рабочей силы делал дальневосточную группировку войск практически безальтернативным источником дополнительных трудовых ресурсов для сельского хозяйства и промышленности.

Как отмечает Г.А. Ткачева, характеризуя дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны, руководители краевых партийных организаций систематически обращались с просьбами о массовом выделении военнослужащих (от 3,5 тыс. до 8,5 тыс. чел.) для уборки урожая, заготовки сена, ремонта материально-технической базы МТС и строительных работ. Распоряжения военных советов армий, изданных на основе директив командующих дальневосточной группы войск, свидетельствуют о том, что ежегодно в проведении сельскохозяйственных работ в Приморском крае участвовали от 7 тыс. до 22 тыс., а в Хабаровском – от 15 тыс. до 35 тыс. военнослужащих [14, с.157]. Если сопоставить эти цифры с приводимыми Г. Ткачевой данными о том, что в сельскохозяйственных работах в Приморье в 1943 г. принимало участие 47,7 тыс. колхозников и 14 тыс. мобилизованных, а в 1944 году – 41 тыс. сельчан и 10,8 тыс. военных [14, с.158], то становится очевидна роль последних в сельском хозяйстве региона. Г. Ткачева пишет по этому поводу: «Предположительно, военнослужащие убрали не менее одной трети выращенного урожая. Лишь при их непосредственном участии дальневосточная деревня справлялась с возросшими нагрузками...» [14, с.158].

Начавшаяся 9 августа 1945 г. война с Японией фактически способствовала переводу края на военное положение. Наступление войск Второго Дальневосточного фронта осуществлялось непосредственно с территории Приморского края. В Приграничных районах Приморья были вве-

дены специальный пропускной режим, затемнение и светомаскировка. Сельское хозяйство и промышленность в максимальной степени ориентировались на выполнение военных заказов, а суда Дальневосточного морского пароходства и рыболовецких колхозов привлекались к военным перевозкам, включая транспортировку войск, военных грузов, обеспечение морских десантных операций. Так, например, из состава Дальневосточного пароходства к обеспечению операций ТОФ привлекалось 34 транспортных корабля, два из которых получили боевые повреждения¹.

Завершение Второй мировой войны не привело к существенному сокращению военной группировки на Дальнем Востоке – наметившееся противостояние с США, гражданская война в Китае, напряженность на Корейском полуострове делали военный фактор важнейшей составляющей политических процессов в регионе.

Как отмечает американский историк Д. Стефан, «Дальний Восток оставался военным лагерем на протяжении семи лет после вывода советских войск из Маньчжурии в мае 1946 года. 400 000 тысяч военнослужащих, 40 000 военных моряков и 50 000 чекистов... каждый седьмой житель региона был в военной форме» [16, с. 243].

Наибольших же масштабов военный аспект развития Дальнего Востока и Приморья достиг в период «холодной войны», в особенности в 50-е–80-е годы. Географическая близость вероятных противников СССР – Китая, с которым имела общую границу, Японии, Южной Кореи, где находились военные базы США, – выход к морю и необходимость наличия эффективной системы противовоздушной обороны для прикрытия границ и главной базы Тихоокеанского флота (ТОФ) во Владивостоке вынуждали иметь здесь мощные и многочисленные воинские контингенты ВМФ, ВВС, ПВО, Сухопутных войск, Пограничных войск КГБ, Внутренних войск МВД, а также объекты военной инфраструктуры. Вся сухопутная граница была прикрыта сетью укрепрайонов, кроме того, создавались мощные оборонительные рубежи вокруг Владивостока и в ряде ключевых пунктов по побережью.

¹ Государственный архив Приморского края (далее ГАПК. ФП-59.Оп. 1. Д. 414. Л.107.

В своих мемуарах командующий ТОФ Н.А. Амелько отмечает: «Шестидесятые годы были периодом значительного роста... На флоте появилось новое оружие – крылатые корабельные, береговые, авиационные с обычными и атомными зарядами баллистические ракеты. Все это требовало спецхранилищ, мастерских приготовления и пунктов специальной отработки, дезактивации, хранения отходов, и все это хозяйство, повторяю, должно обустроиться в необжитых таежных местах без дорог и даже без подходов с воды» [1, с. 75–80].

В 60-е годы вокруг Владивостока и Находки (как и вокруг Минска, Киева, Риги и ряда других крупных военных и промышленных центров) были созданы глубокоэшелонированные комбинированные системы ПВО, включавшие в свой состав по 14–16 ракетных дивизионов, имевших на вооружении ракеты различных типов: С-75, С-125, С-200. В крае ускоренно возводились новые базы подводных лодок, в т. ч. сверхсекретных тогда атомных... к концу семилетки (1965 г., прим. авт.) была построена база атомных подводных лодок, включающая судоремонтный завод в бухте Чажма ... [3, с.77].

В начале 60-х гг. развернулось строительство уникального командно-измерительного комплекса военно-космических сил в с. Галенки Октябрьского района для управления космическими аппаратами различного назначения, в т. ч. в «дальнем» космосе (станции для исследования Венеры, Марса) ... [3, с. 78].

Наиболее же масштабным проектом в развитии военной инфраструктуры на территории Приморского края периода конца 50-х – середины 60-х гг. стало строительство и дальнейшее развитие военно-морской базы в поселке Промысловка.

Как вспоминает ветеран флота В.И. Ткачев, Н.С. Хрущев говорил в Промысловке, отвечая на жалобы жен моряков на неустроенность быта и проблемы с обеспечением продовольствием: «Товарищи женщины! Я вам гарантирую, что здесь будет настоящий город. С перспективой развития наших военно-морских сил. Будет сделано все, чтобы вы не чувствовали никаких неудобств. [3, с. 80].

Генерал-майор-инженер В.И. Манойлин, участвовавший в строительстве базы в Промысловке, отмечает, что новая база начала строиться

«...по заранее разработанным зональной схеме и генеральным планам отдельным площадок. Зональная схема включала не только гавань для стоянки кораблей, специальные площадки, жилые и казарменные городки, судоремонтный завод, дороги автомобильные и железные... Перед началом строительства строилась сперва промбаза, а потом на ее основе приступали к строительству основных объектов. Промбаза по тем временам была просто шикарная. Завод сборного железобетона, карьеры каменные песчаные, база механизации, автобаза...» [8, с. 107].

Всего же за период 1960–1991 гг. на Дальнем Востоке только для Тихоокеанского флота было построено 75 военных городков [10, с. 125].

Наличие такой мощной группировки Вооруженных сил на территории края жестко привязывало его экономическое и социальное развитие к военной сфере. Как уже упоминалось, в Приморье в 60-е годы появилось несколько городов и поселков, полностью зависимых от военной сферы или ВПК. К ним относятся закрытые населенные пункты – поселки городского типа Фокино (главная база надводных кораблей ТОФ), Большой Камень (судоремонтный завод «Звезда» с общей численностью работников завода более 8000 чел.), город Арсеньев (авиационный завод «Прогресс»), «военные» поселки, преимущественно развивавшиеся за счет расположенных рядом гарнизонов и имевшие численность населения до нескольких тысяч человек (Раздольное, Тимофеевка, Кремово, Павловск, Дунай, Воздвиженка, Хороль, Николаевка, Романовка и т. д.). Кроме того, военная сфера также играла определенную роль в развитии практически всех крупных городов края – Артема, Спасска-Дальнего, Дальнереченска, Лесозаводска, – расположенные в непосредственной близости или в городской черте воинские части также стимулировали развитие населённых пунктов.

Владивосток десятки лет был главной военно-морской базой России на Тихом океане, здесь в различное время находились многочисленные военные объекты – штаб Сибирской флотилии, Морских сил Дальнего Востока и Тихоокеанского флота (ТОФ), в городе базировались соединения и части ТОФ, ВВС, ПВО, Сухопутных войск и т.д., военные учебные заведения, склады, госпитали и т. д. Обороноспособности Владиво-

стока как главной базы военно-морского флота и важного порта уделялось повышенное внимание со дня его основания в июле 1860 г. и на протяжении всей дальнейшей истории города. Например, последние сооружения владивостокского оборонительного района были построены в 1991 г. [2, с. 246]. Таким образом, оборонительное строительство велось на протяжении почти 140 лет. Владивосток до начала 90-х годов носил статус закрытого города, являясь главной базой Тихоокеанского флота. Военные практически всегда составляли существенную часть населения города.

Военный аспект играл главную роль и в развитии экономики Приморья, причем все более значимую с начала 60-х гг. Именно в этот период происходит значительное расширение объемов военных заказов, создаются новые предприятия ВПК и модернизируются уже действующие, растет численность рабочих и служащих на предприятиях ВПК, развивается социальная инфраструктура вокруг градообразующих предприятий.

Как отмечает И.В. Безик, в этот период значительно укрепился научно-технический и производственный потенциал авиационного завода в г. Арсеньеве... Благодаря этому мощному градообразующему предприятию, развивавшемуся высокими темпами, генеральный план Арсеньева на 1959–1979 гг., был реализован за десятилетие, т. е. вдвое быстрее.

После визита Н.С. Хрущева в 1959–1961 гг. новые образцы оборонной продукции были освоены и на других «номерных» заводах. «...Судоремонтный завод в бухте Большой Камень стал профильным в ремонте атомных подводных лодок, приступив к этим работам в 1963 году ...» [4, с. 78].

Большие программы судоремонта, модернизации и достройки кораблей в интересах ТОФ осуществляли в 1959 г. Дальзавод, заводы 92 и 178, сдаточные базы Комсомольского-на-Амуре судостроительного завода во Владивостоке и в заливе Стрелок [4, с. 79].

Только для обеспечения нужд военно-морского флота в Дальневосточном регионе было задействовано 35 крупных промышленных предприятий, многие из которых являлись градообразующими (например, завод по ремонту атомных подводных лодок в п. Большой Камень

Приморского края) либо играли значительную роль в экономике региона [8, с. 7–8]. Так, крупнейшее предприятие Владивостока – Дальзавод, – занимавшее 11-е место в списке из 20 ведущих судостроительных и судоремонтных предприятий СССР и имевшее в 1991 г. 10 800 работников, было в первую очередь ориентировано на военные заказы [8, с. 461]. Кроме того, в городе находилось и предприятие военного судостроения (в настоящее время «Восточная верфь»).

Общую численность военных на территории края можно оценить лишь приблизительно. Если рассматривать период 70-х–80-х гг. XX в., то здесь есть ряд конкретных цифр, хотя целостной картины также нет. Заместитель командующего 5-й Краснознаменной общевойсковой армии, дислоцированной на территории Приморского края в 1972–1973 гг., В. Брюхов в своих мемуарах отмечал: «Армия большая – 60 000 чел., больше Киевского военного округа!» [5, с. 374]. По зарубежным данным (ежегодник *The Military Balance*) в 1989–1990 гг. численность Тихоокеанского флота составляла около 140 000 чел. [13, с. 482], а в 1993 году 100 000 чел. [15 с. 476]. Значительная часть из этого числа находилась на территории Приморского края.

Если предположить, что в крае находилось не менее 70–80 000 военнослужащих из состава ТОФ, 60 000 – Сухопутные войска (5-я армия), то это дает цифру в 130–140 000 тыс. чел. Кроме того, в крае базировалось значительное количество частей ВВС и ПВО из состава 1-й Воздушной армии ВВС и 11-й отдельной армии ПВО общей численностью около 10 авиационных полков, а также зенитно-ракетные и радиотехнические войска ПВО и т. д. Их численность можно приблизительно оценить в 15–18 тыс. чел. Кроме того, здесь же дислоцировались части пограничных войск КГБ и внутренних войск МВД. Таким образом, общую численность военнослужащих, дислоцированных на территории Приморского края в 70–80-е гг. XX в., можно приблизительно оценить в 180–200 тыс. чел. Численность работников предприятий ВПК в Приморье в указанный период может быть оценена в 40 000–45 000 чел.

Таким образом, общая численность военнослужащих и работников предприятий ВПК на территории Приморского края в 70–80-е гг.

XX в. может быть очень приблизительно оценена в 230–250 тыс. чел. Безусловно, значительную часть военных составляли военнослужащие срочной службы, но при этом в данных показателях не учтены члены семей военнослужащих и работников ВПК.

Граждане, проживающие в таком гипермилитаризованном регионе, пусть даже напрямую и не связанные с военной службой, частично воспринимали элементы военной субкультуры. В советские времена военные наглядно символизировали силу и мощь государства, также относительную стабильность и благополучие. Предприятия военной торговли снабжались намного лучше, чем гражданские. Кроме того, в области здравоохранения, торговли, культурно-досугового и бытового обслуживания военные предприятия и организации зачастую оказывались единственными, и гражданское население активно пользовалось их услугами, особенно в отдаленных регионах. Например, в конце 80-х – начале 90-х гг. только Тихоокеанскому флоту принадлежали 107 лечебных учреждений (включая санатории), 343 магазина, 55 домов быта, 16 домов офицеров, 20 средних школ, несколько десятков дошкольных учреждений, 20 базовых матросских клубов и 160 библиотек, 5 стадионов, 25 спортивных учреждений (спортзалов, бассейнов, спортклубов), яхтклуб, 15 пошивочных мастерских, 20 ателье по ремонту одежды и обуви. [13, с. 477].

Население активно взаимодействовало с личным составом различных частей и соединений – широко практиковалось участие военных в патриотическом воспитании молодежи, шефство экипажей кораблей и частей над школами и классами, активно проводились экскурсии школьников и студентов на корабли и в воинские части.

Безусловно, такая гипермилитаризация региона помимо положительных аспектов (стабильное и объемное финансирование, развитие инфраструктуры) имела и ряд ярко выраженных отрицательных моментов – прежде всего, значительная часть военнослужащих и членов их семей не стремилась остаться на Дальнем Востоке, воспринимая жизнь в регионе как нечто временное.

Кроме того, экономическое и технологическое развитие промышленности жестко привязывалось к военной отрасли, что гарантирова-

ло стабильное функционирование в советский период, но обернулось масштабным кризисом в постсоветское время.

С распадом Советского государства и нарастанием кризисных явлений в обществе и экономике аналогичные процессы возникли и в вооруженных силах, что привело к резкому снижению жизненного уровня военнослужащих, масштабным сокращениям военных гарнизонов с последующим разграблением оставшегося имущества и общему падению обороноспособности государства. В этих условиях у значительной части населения вышеупомянутых регионов, имевшего возможность наглядно видеть проблемы в оборонной сфере, возникало, с одной стороны, чувство недовольства военной политикой государства, и сочувствие к военным – с другой. Кроме того, в значительной степени пострадали сотрудники оборонных предприятий из-за массового сокращения военных заказов, что также привело к существенному снижению уровня жизни данной категории военного электората и отразилось на социально-экономическом положении городов, где предприятия оборонной сферы являлись градообразующими.

ЗАО в той или иной степени испытали на себе резкое сокращение финансирования военной сферы в 1990-е гг., что также оказало негативное воздействие на все аспекты функционирования военных городов данного типа, – падение уровня жизни, отток населения, в первую очередь наиболее активной его части, сокращение объектов социальной инфраструктуры, рост преступности и т. д.

Таким образом, военный фактор, давший значительный стимул стабильному и интенсивному развитию Приморского края, включая экономику, социальную и культурную сферы, обеспечивший приток значительного количества населения, после распада Советского государства породил множество проблем во всех вышеупомянутых сферах, причем их последствия во многих случаях не преодолены и по настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелько Н.А. В интересах флота и государства: воспоминания адмирала. М. : Наука, 2003. 181 с.
2. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. СПб., 2001. 256 с.
3. Безик И.В. Октябрь 1959 года: Н.С. Хрущев в Приморье. Ретроспективный взгляд через сорок лет. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун.-та, 2000. 149 с.
4. Безик И.В. Приморье: времена «оттепели» 1953–1964 гг. Кн. 1. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2007. 189 с.
5. Болтенков Д.Е., Левшов П.В. Век в строю ВМФ: Авиация Военно-морского Флота России (1910–2010): справ. СПб. Спец. вып. альманаха «Тайфун». 2012. 768 с.
6. Брюхов В.П. «Бронейбойным, огонь!» Воспоминания танкового аса. М. : Яуза; Эксмо, 2009. 384 с.
7. Воробьев С.А., Калинин В.И., Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Вып. 3. Владивосток : Дальнаука, 2005. 252 с.
8. Кузин В., Никольский В. Военно-морской флот СССР в 1945–1991. СПб., 1996. 492 с.
9. Манойлин В.И. Базирование Военно-морского флота СССР. СПб. : Издательский дом «Нева», 2004. 225 с.
10. Митичкин Н.С., Кулагин В.В., Муратов В.Н. Тихоокеанский флот России 1731–2006. Исторический очерк (к 275-летию). Владивосток : Дальнаука, 2006. 280 с.
11. Морозов М. Военно-воздушные силы Тихоокеанского флота в войне с Японией // Мир авиации. 2000. №2. С. 27.
12. Павлов А.С. Военно-морской флот России. Якутск, 1996. 134 с.
13. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. 596 с.
14. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)/ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток : Дальнаука, 2010.
15. Хмельнов И.Н. Российский флот: доблесть и нищета. М. : АСТ, 2003, 502 с.
16. Stephan John, The Russian Far East. Stanfrod University Press. 1994. P. 243.

ИСТОРИЯ ТАТУИРОВКИ АЙНОВ САХАЛИНА И ХОККАЙДО

Статья посвящена одному из малоизученных аспектов айнской традиционной культуры – женской татуировке, уникальной в своем проявлении в Дальневосточном регионе (Сахалин, Хоккайдо). Учеными доказано, что узоры тату и техника их нанесения, практикуемые соседними северными народами, являются результатом айнского влияния. Автором делается попытка проанализировать происхождение и значение татуировки не только из документальных материалов, но и из фольклора древнего народа, а также дается описание узоров и способов их нанесения. С конца XIX в. жесткая политика японского правительства в ассимиляции айнского народа привела к полному запрету татуировок.

Ключевые слова: история айнской татуировки, сахалинские айны, хоккайдские айны, легенды о народе коропокгуру, айнские сказания и легенды, культурная ассимиляция.

The history of Ainu tattoo of Sakhalin and Hokkaido. SOFYA Ch. LIM (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

The article is devoted to one of the insufficiently explored aspects of the Ainu traditional culture – female tattoo, unique tradition distinctive among indigenous peoples of the Far East (Sakhalin and Hokkaido). Scientists have proved that tattoo designs and their application technique practiced by neighboring northern peoples were the result of the influence of the Ainu. The author gives a description of tattoo patterns and the way they were tattooed, analyzes the origin and the meaning of the tattoo using not only documentaries, but also folklore sources of the ancient people. The tough policy of Japanese government towards the Ainu people at the end of the XIX century led to a complete banning of tattoos.

Key words: history of Ainu tattoos, Ainu of Sakhalin and Hokkaido, myths about the koropokguru people, Ainu legends, cultural assimilation.

Исследователи Сахалина, Курил и Хоккайдо [1, 5, 8, 11, 23], описывая встречи с айнами, отмечали татуировки на лицах женщин. О мужской татуировке курильских айнов находим лишь краткое замечание у С. Крашенинникова: «...губы у мужчин на середине токмо, а у женщин все вычернены, вокруг расшиты узорами...» [4, с. 468]. Д. Бэчелор в конце 80-х гг. XIX в. утверждал, что мужчины никогда не делали татуировку [15, р. 20]. Японские ученые С. Кодама и С. Ито считают, что мужская татуировка не является традиционной, но предполагают существование этого обычая у айнов в древности [3,

с. 217]. Эти ученые отмечают, что первое упоминание о татуировке хоккайдских айнов сделано итальянским монахом де Анжелис в отчетах о путешествии в Эдзо (Хоккайдо) в 1619–1621 гг., курильских айнов – С. Крашенинниковым в 1740-м, сахалинских – французским мореплавателем Ж.Ф. Лаперузом в 1789 г. [3, с. 217]. Среди работ русских ученых с наиболее подробным описанием и сравнительным анализом происхождения татуировки следует отметить книгу Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края» [12]. Современные исследования, особенно последних лет, говорят о том, что вследствие утра-

*ЛИМ Софья Чунуновна, доктор исторических наук, PhD (Hokkaido University), профессор кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук (Дальневосточный гуманитарный университет, Владивосток). E-mail: lim.sch@e.dvfu.ru, Lcsofia@yandex.ru

© Лим С.Ч., 2013

ты национальной культуры и ассимиляции айнов ко второй половине XX в. оставались буквально единицы айнских женщин с татуировкой.

Французский исследователь Ж. Монтандон в 1919 г. отмечает, что татуировки айнов отличаются своей скромностью по сравнению с полинезийскими, китайскими и японскими [20, р. 141].

Способ нанесения татуировок

В результате анализа материалов о способах нанесения татуировок выявлены два способа.

Первый – вышивание узора у коряков [4] и тунгусов Сибири [12]: «... для этого берут нитку или тонкую сухую жилу животного, чернят сажей, толченым черным мылом, углем, китайской тушью и т. п. и продергивают сквозь кожу, откуда и русское название "вышивать" для обозначения этой операции...» [12, с.109].

Второй способ – наколка или надрезы кожи и затем втирание краски. Этим способом и пользовались айны. «Они делают уколы иглой...» и натирают «...сажей, собираемой с японских котлов, где варится ворвань...» [12, с. 109]. У И.В. Полякова более точно назван инструмент для операции. «Небольшим ножиком (маккири) делаются на губах насечки, и затем израненные губы тщательно натираются сажей от котлов» [9, р. 236].

В записях Мамя Риндзо К. Отцука нашел рисунок (рис.1), показывающий процесс татуировки: самое примечательное – это перевернутый покрытый сажей котел перед участниками операции [21, р. 523]. Для получения сажи-краски сжигается кора березы под котлом. Тут же варят кусок ткани, окрашенной в индиго, и получают воду синего цвета. Для надрезов обычно используются острые стрелы или острый нож, в последнее же время – японская бритва [3, с. 163; 6, р. 128]. Д. Бэчелор указывает, что в местности Токати (Хоккайдо) использовали обсидиан [15, р. 32]. Этот же материал, а также кремень применяли для изготовления ножей на Сахалине в древности.

Сахалинские айны в котле варили кору деревьев и этим настоем протирали места надрезов. Но, в отличие от хоккайдских айнов, они выжимали сок из черных лилий и втирали его в раны [24, р. 26]. Операцию проводили женщины: бабушки татуируемых, или тетки по материнской линии,

Рис 1. Процесс татуирования

или две-три старухи из селения, для которых это было обычным делом. Место для операции выбиралось так, чтобы можно было разжечь костер, чаще всего перед входом дома или в кладовой. Операция проводилась и в помещении, однако приготовление отвара и сажи никогда не делали над домашним очагом. Котел, который служит средством собирания сажи, полируется и только затем под ним зажигается свежая кора березы, которая дает густой черный дым. В другой котел наливают воду и бросают ветки ясеня или листья полыни, кизила, крушины, корень шиповника, а в некоторых местах вообще ничего не кладут. В Хидака (Хоккайдо) иногда для получения сажи применяют тщательно вымытый камень. В этом случае отвар не готовится, а для протирания раны ткань, окрашенная в индиго, опускается в кипяток, и затем этой водой пользуются. Также используется и черная хлопчатобумажная ткань. Все это является средством стерилизации раны и остановки кровотечения [12, с. 109; 19, р. 152].

Знахарка садится напротив женщины, тщательно протирает отваром места будущих татуировок, пальцем набирает сажу с котла и рисует на теле узор. После того как рисунок готов, она берет бритву, заранее завернутую в ткань, и по рисунку делает легкие надрезы длиной от 0,5 до 1 см, выступающую кровь протирает отваром. Оперированной очень больно, и поэтому сидящие вокруг старухи-помощницы держат ее голову, руки и ноги. Были и терпеливые женщины, которых не держали. Бывало, что от боли женщины теряли сознание во время операции. В надрезы пальцем втирают сажу, а затем снова протирают

отваром. На этом операция заканчивается. Татуированные места болят в течение полудня или целого дня. Если татуировка сделана вокруг рта, то невозможно даже принимать пищу. Поэтому женщин кормят через трубочку жидкой пищей. Если татуировка на руках, то невозможно работать. Сгустки крови с сажей струпьями сходят в течение 4–7 дней. А затем остается черно-синяя татуировка. Конечно, операция очень болезненна, и поэтому полную татуировку невозможно осуществить за один раз, ее проводят в несколько приемов. В Токати (Хоккайдо) из-за болезненности вместо сажи втирали японскую тушь. Время проведения операции обычно выбиралось в конце весны или в начале лета, так как при влажной летней духоте раны плохо заживали, или осенью, когда еще не было холодно [3, с. 157–164].

Узоры татуировок

У Д. Бэчелора приводится любопытная айнская легенда об узорах, которые у айнских женщин похожи на рисунок кожи лягушек. Первой прародительницей этих существ была некто, более или менее похожая на женщину, изуродованную проклятием бога за ее грехи. И только слабый след от татуировки на лапках (руках) лягушки показывает, что она была женщиной.

«В старые времена жили мужчина и женщина, которые были мужем и женой. В первые месяцы жизни они не сделали что-то хорошее вместе, так как у женщины был дурной нрав и она постоянно ссорилась с мужем. Она была неуважительна к своим родителям, которые в конце концов умер-

ли. Она была замужем шесть раз, и каждого из них (мужей – прим. авт.) она убивала. Бог видел все это и был очень разгневан на нее. Он наказал ее, превратив в лягушку, и бросил ее в болото... Поэтому, если внимательно посмотреть на лапки лягушек, то, кажется, они имеют татуировку» [14, р. 26–30].

Есть у Бэчелора и другая айнская легенда – о воробьях и татуировке. Когда Бог закончил творение, он сделал воробья и отправил его на землю. Когда люди мололи просо, он подлетал и клевал зернышки, отлетавшие от ступы. Поэтому его зовут «маленькой птичкой, которая клюет просо». Тем временем Бог закончил сотворение мира и собирался вернуться в рай, и все птицы решили устроить прощальный пир для него. Но воробьи этого не знали, и, когда пришло время пиршества, они были заняты тем, что делали себе татуировку. Все птицы, медведи и другие создания прибыли на пир, воробьи только тут узнали об этом великолепном празднестве и поспешили туда, не закончив свою татуировку. Таким образом, они успели нанести маленький узор на клюве [14, р. 26–30].

Айнские женщины татуировали лицо и обе руки (рис. 2), т. е. обнаженные части тела. По-айнски «татуировка» звучит синуэ или нуэ: си – значит себе, а нуэ – красить. Узоры вокруг рта были обычными для всех айнок Сахалина, Курил и Хоккайдо. Татуировки на бровях или лобной части замечали у женщин Ибури [3, с. 170].

Существовала следующая последовательность татуировки бровей: вначале соединяли плавной линией брови, а затем на брови наносили татуировку, отчего волосы выпадали. Иногда эту операцию проводили за один прием. Женщины Ибури делали ее после замужества. Самая же первая операция – это операция вокруг рта, и, как пишут Кодама и Ито, она производилась в три стадии, хотя они не уверены в точности своих наблюдений. В айнских поселениях они видели татуировку вокруг рта как в завершенном виде, так и неоконченную, в той стадии, в какой застал ее запрет японского правительства на татуировку. Это позволило предположить определенную последовательность операций: надрезы делали на середине верхней губы и над ней, а затем вокруг рта [3, с. 188]. Д. Бэчелор со слов старых айнок тоже подтверждает, что, например, девочкам начинали делать татуировку над верхней губой,

Рис. 2. Татуировка рук и лица

Рис. 3. Виды татуировок на губах и вокруг рта

а затем под нижней и далее вытягивали как усы от уха до уха [14, р. 21]. Узоры вокруг рта были различными (рис. 3). Одни вытянуты, как усы, на 3,5–5 см в стороны и вверх, у других нет вытянутых высоко вверх внешних углов, третьи отличаются полным отсутствием углов, уходящих от естественных углов рта [3, с. 188].

Все вышеописанные узоры вокруг губ и на губе делались айнами Хоккайдо, Коама и Ито. Приводят пример причудливого узора (рис. 4), зафиксированного профессором Коганеи в 1894 г. в местности Исикари (Хоккайдо) [3, с. 144].

Наиболее сложные и многообразны узоры на руках (рис. 5). И делались они иногда параллельно с татуировкой на лице, но чаще всего во вторую очередь, так как обычно у старых айнов в 60–80-е годы XX в. татуировки были только на лицах. Операции на руках были наиболее длительными, и порой они состояли из 5 стадий. Полностью операция обычно завершалась к 20 годам. Старики говорили, что чем раньше начинать делать надрезы, тем лучше, так как молодая кожа лучше впитывает краску. Бывали случаи, когда полная татуировка завершалась к 15–16 годам, а иногда – и после свадьбы [3, с. 165–166], и даже после рождения ребенка. Но последнее все же бывало редко. Поскольку татуировка считалась показателем красоты, то ее старались закончить как можно раньше. Мицуока полагает, что татуировка не считалась знаком замужества, так как и после свадьбы женщины татуировали брови и руки. М.М. Добротворский, долгое время работавший врачом на Сахалине и создавший «Айнско-русский словарь», о татуировке сахалинских айнов говорит, что «...красятся от 1 до 4 раз в год, чем моложе, тем чаще..., начиная с 10 лет» [2, с. 34]. Вначале надрезы делались на тыльной части кисти рук, а затем и выше. Узоры на руках представляют собой геометрический орнамент. Коама и Ито делают предположение, что ранее японские исследователи встречали узоры цветов и трав, но им не удалось увидеть их ни у одной женщины [3, с. 144, 181–184, 232–233].

Происхождение и значение татуировок

Вопрос о происхождении и значении татуировок айнов не имеет однозначного объяснения. Ж. Монтандон на основе собственных наблюдений, а также используя работы Рюдзо Тории, С. Крашениникова, В. Богораза и А.Е. Nordenskiold, провед-

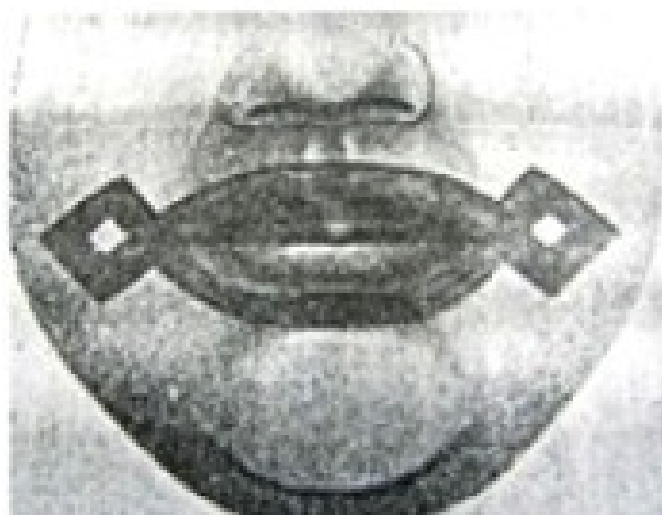

Рис. 4. Татуировка в местности Исикари

Рис. 5. Сложные узоры на руках

ших исследования соседних с айнами народов, – камчадалов, чукчей и эскимосов северной Азии, а также Америки, – приходит к выводу, что айнская татуировка является автохтонной и соседние народы Севера, имевшие татуировки, переняли их у айнов (так, татуировка не практикуется среди эскимосов Гренландии, как, например, у эскимосов севера Азии). Он также согласен с Р. Торией, что найденные неолитические статуэтки (рис. 6) являются изображением предков айнов, живших почти по всей территории Японского архипелага, и что именно характерный узор вокруг губ оставался неизменным на протяжении веков и не подвергся влиянию японской татуировки [20, р. 141–147].

Доказывая оригинальность айнской традиции татуировки и ее влияние на культуру соседних северных народов, Р. Тория сравнивает характерный рисунок вокруг губ с узорами на статуэтках неолитического периода, найденных на территории Японии в районе Хондо (рис. 6) [24, р. 153], а также приводит образцы узоров татуировки соседних северных народов – чукчей и эскимосов (северной Азии и Port-Clarence) из работ В. Богораза и А.Е. Nordenskiold (рис. 7) [24, р. 155].

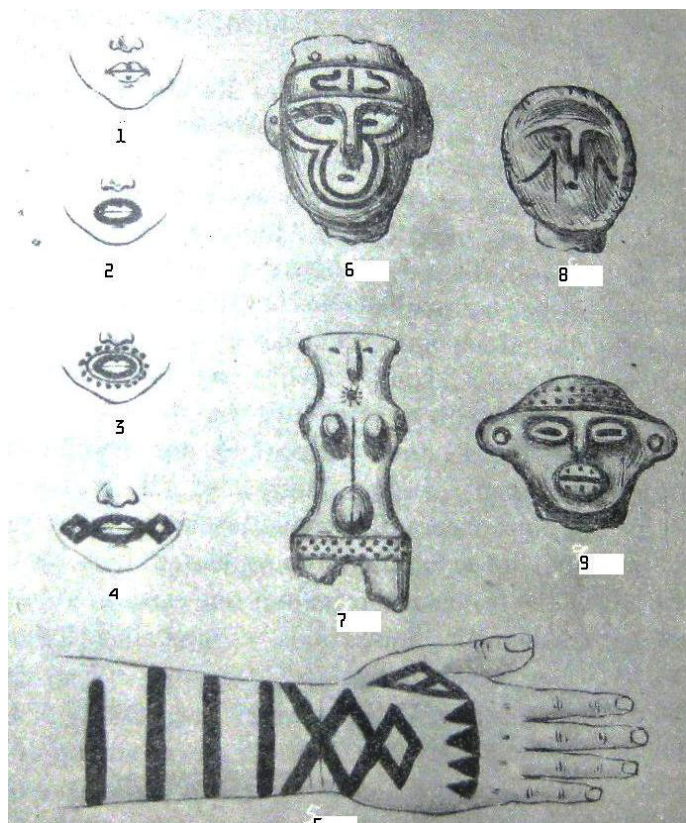

Fig. 20. Statuettes avec tatouage.

Les Nos 1 (homme), 2 (femme) et 3 (femme) viennent des Kouriles. Ils sont récents.
Les Nos 4 et 5 viennent du Yézo. Ils sont récents.
Les Nos 6, 7, 8 et 9 viennent du Japon (Hondo). Ils datent des temps néolithiques.

Рис. 6. Сравнение с узорами на статуэтках неолитического периода, найденных на территории Японии в районе Хондо, доказывает оригинальность татуировки айнов. 1 – айнская мужская татуировка с Курил (по описанию С. Крашенинникова), 2–5 – айнские женские татуировки с Курил (2 и 3), с Эдзо, Хоккайдо (4 и 5), 6–9 – татуировка на фигурках неолитического периода Японии в Хондо [24, р. 153]

По мнению одних исследователей, татуировки играли роль возрастно-половых инициаций, знаменующих совершеннолетие айнских девушек [9; 10, с. 46; 19, р. 150]. Другие считают, что татуировка являлась своего рода украшением [3, с. 27; 6, с. 127]. «Татуировка могла, как и весьма распространенное тоже у первобытных народов раскрашивание тела, возникнуть из потребности человека сначала смягчить впечатление наготы или из его естественной склонности к самоукрашению», – писал этнограф Л. Шренк [12, с. 112].

Есть и другие версии. С. Мицуока приводит некоторые из них. Кроме средства украшения татуировки женщин могли служить отличительным знаком при военных действиях, чтобы можно было разобраться, где свои женщины, а где

чужие. Айны говорили, что узоры на лице делались, чтобы сахалинские туземцы не крали хоккайдских женщин. Кроме того, возможно, обычай татуировки губ идет от поверья, что болезни входят в человека через рот и, сделав вокруг рта страшные узоры, можно таким образом отпугнуть духов болезней. А может – чтобы женщины меньше болтали, а также из желания подражать мужчинам, имеющим усы. Мицуока, делая сравнения в айнском языке значений слова «татуировка», находит, что на местном диалекте это слово означает – «косметика» [6, с. 127].

Более популярной является версия о татуировке как знаке готовности женщины к замужеству. Так, А. Бикмор утверждал, что, когда женщина выходит замуж, она татуирует над верхней губой, а иногда и под ней, также бывают узоры на руках, но не по всему телу. Д. Бэчелор заметил, что если делались татуировки вокруг губ, то они заканчивались полностью, если девушка помолвлена или уже замужем, и все это знали [14, р. 22–24]. Но на вопрос о причине такого обычая чаще всего получали ответ, что это их стиль красоты. В отличие от японок, айнки никогда не чернят зубы [16, р. 356], несмотря на очень близкое по времени и пространству соседство двух народов. Кодама и Ито пишут, что на вопросы о происхождении и значении татуировок айны отвечали, что этот обычай существует давно и служит для украшения женщин [3, с. 153–155]. Исследователи изучали айнские легенды о происхождении и значении обычая нанесения узоров на тело.

По одной легенде, айнские девушки с узорами на лице и руках оказывали колдовское воздействие на юношей. А научились они этому от божеств. Давным-давно в страну айнов с небес спустился бог Окикуруми со своей божественной женой Турэш, украшенной узорами татуировок, чтобы обучить их всем женским работам. Турэш учила не только работать, но и умению татуироваться [14, р. 22].

Другая легенда, известная в айнских селениях, связана с женщинами коропоктуру, обитателями землянок. У айнов сохранились легенды о коропоктуру как об очень низкорослых людях, которые жили когда-то с ними рядом. Б.Х. Чемберлен описывает коропоктуру: они были очень маленькие ростом, примерно 2 фута или даже с дюйм. Они прятались от дождя и врагов (айнов)

под лопухом. Отсюда и их название коро-покгуру (люди под лопухом) [17, р. 17]. Женщины-коропокгуру приходили в айнские селения и через окна подавали продукты и вещи для обмена. При этом они старались не показывать лицо и руки. А айнским молодым людям хотелось непременно на них посмотреть. И однажды они схватили за протянутую руку женщину-коропокгуру и увидели на ее лице и руках красивую татуировку. Рассерженные коропокгуру ушли в свои селения, а затем навсегда исчезли в неизвестном направлении [24, р. 130–132]. Татуировки же женщин-коропокгуру очень понравились айнкам, и они тоже стали наносить на свое тело рисунки. Вместе с тем существует и мнение, что, наоборот, айнские женщины научили татуироваться женщин-коропокгуру [3, с. 153–155].

Третья версия гласит, что татуировка является знаком принадлежности айнок к своему роду. Во время войн с коропокгуру айны захватывали их женщин и, чтобы лишить их возможности вернуться, делали им татуировку. Поэтому, говорят они, есть низкорослые айны, которые появились вследствие браков с женщинами-коропокгуру. Есть версии и медицинского характера, в соответствии с которыми считалось, что болезни у женщин являются следствием скопления дурной крови, и надрезы на руках и лице позволяют выпускать ее. Поэтому татуировки делались во время болезни. Существовала легенда о том, что узоры на лице и руках, открытых частях тела наносили для отпугивания демонов болезней, которые при виде татуировок принимают их за богинь. Кроме того, существовало поверье, что если старая женщина слепнет, то ей надо снова нанести узоры вокруг рта и на руках для возвращения зрения. Бэчелор пишет, что знал старую айнку, которая сделала такую операцию, чтобы улучшить свое зрение [14, р. 22–23].

Обычай нанесения татуировки объясняется и религиозными мотивами. Считалось, что если женщина не татуирована, то после смерти она не может быть представлена перед божеством и будет брошена в подземное царство, где демоны начнут заостренными концами бамбука делать ей по всему телу надрезы. Поэтому, если девушка умирает без татуировки, то собираются женщины поселения и рисуют на ее теле узоры, намазав пальцы сажей. Когда W. Dening в 1877 г.

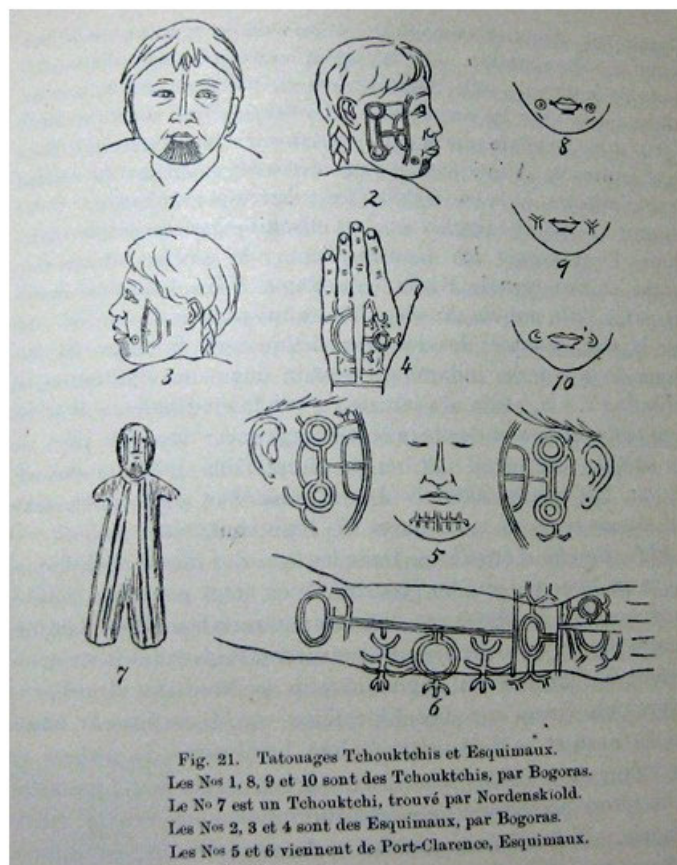

Рис. 7. Образцы узоров татуировки соседних с айнами северных народов – чукчей и эскимосов. 1, 7–10 – узоры чукчей (1, 8–10 – из работ В. Богораз, 7 – А.Е. Nordenskiöld; 2–6 – узоры эскимосов (2–4 – северная Азия, В. Богораз, 5 и 6 – Port-Clarence, А.Е. Nordenskiöld [25, р. 155]

расспрашивал айнок о целях татуировки, они говорили, что если они не будут ее делать, то боги на них рассердятся. На его замечание, почему же боги не наказывают мужчин, они ответили, что у тех имеются борода и усы [18, р. 225]. Бэчелор подтверждает это похожей легендой: божественная сестра богини Айойна научила айнок, что если кто-нибудь из них выйдет замуж без татуировки, то тем самым совершит большой грех и после смерти прямоком направится в ад, где черти большими ножами будут делать надрезы по всему телу. Нетатуированных женщин не допускали до религиозных церемоний, а также к гостям. Бэчелор пишет, что он пытался убедить женщин отказаться от этой варварской традиции, но убеждался, что им трудно отказаться от этого суеверного обычая [14, р. 24].

Обычай татуировки не является особенностью только айнского народа, как мы уже отмечали выше. Л. Шренк писал: «...в ряду палеоазиатских народов, занимающих пространство от

Ессо до Гренландии включительно, только лишь два маленьких племени не придерживаются обычая татуировки: это камчатские ительмены и гилляки на Амуре и Сахалине» [12, с. 111]. На Камчатке у коряков татуируются только женщины, и то лишь в связи с замужеством, а среди чукчей – и девушки, начиная с 9-10 лет, а также и мужчины. У эскимосов на территории от Берингова моря и до Юкона наносят узоры на тело преимущественно женщины. Татуируются и алеутские женщины [12].

О том, что татуировка не является главным элементом инициации, говорит тот факт, что ее делают девочкам, которым до замужества еще далеко. Японские исследования показывают, что операции по нанесению узоров на тело у хоккайдских женщин начинались с 8-9 лет, в других местах – с 11-12 или 14-15 лет. (Вообще японские исследователи говорят, что возраст айнов указывается приблизительно, так как старые айны затруднялись точно указать свой возраст и порой путались между 60 и 80 годами.)

И хотя большинство исследователей, описывающих встречи с айнами в конце XIX – начале XX в., не видели татуировок у девочек и молодых девушек, но это связано с тем, что японские власти, проводя политику ассимиляции айнов, законом 1891 г. «О защите айнов» запретили татуирование. «Японизируя» айнов, японское правительство стремилось предотвратить влияние России на востоке и севере Японии, точнее, на Курилах и южной части Сахалина, где проживали айны, находившиеся под управлением русских властей. Стремление Японии ассимилировать айнов усиливается в связи с обменом Южного Сахалина, ставшего в 1875 г. российским владением, на Курильские острова и, конечно, после поражения царской России в 1905 г., когда весь Южный Сахалин отходит к Японии. С этой целью запрещались и многие айнские обычаи. Гонения на традиции айнов начались еще с указа 1800 г., но он не соблюдался айнами, и в 1857 г., а затем в 1871 г. этот указ повторялся. После 1857 г. стало заметно уменьшаться число татуируемых женщин. А законом 1891 г. уже предусматривались строгие наказания родственников за неповиновение. В результате резко уменьшилось число женщин с татуировкой. И к 30-м годам XX в. татуировку на руках можно было встретить только у женщин старше 50 лет [3, с. 151–153; 19, р. 150].

Автору, так же, как и другим исследователям, приходилось встречаться со старыми айнками в 80-е гг. XX в., у которых были татуировки только на лицах, т. е. они были оперированы в детстве.

Подробное описание татуировок сахалинских айнов было проведено С. Ясиро в 1926 г., когда их численность составляла 1 339 чел., из них 669 женщин. Ясиро обследовал 148 женщин, из них имели татуировку 54 [13, с. 16–25].

Айны Хоккайдо в 1936 г. составляли 16 519 чел., из них – 8398 женщин [22, р. 29]. В этот период Кодама и Ито обследовали 124 женщины, и среди них с полной татуировкой, т. е. на лице и руках, оказалось 38, на лице и с незавершенными узорами на других частях тела – 35, с незавершенным узором только на лице – 51 [3, с. 128].

Итак, из анализа литературных данных можно сделать следующие выводы. Татуировка имеет древнее происхождение, так как в своих легендах айны часто связывают ее с древними людьми коропокгуру. Кроме того, можно встретить упоминание о татуировке в «Древних записях Японии». Татуировка является украшением айнской женщины, имеющим в то же время и мистическое значение. Следует отказаться от трактовки обычая татуировки как признака инициации, так как возраст оперируемых колеблется от детского до девического и даже после замужества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брылкин. Письма г. Брылкина с Сахалина // Записки Сибир. отдела Императорского геогр. о-ва. Иркутск, 1864. Кн. 7. С. 14.
2. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь: прил. к «Ученым запискам Императорского Казанского ун-та. Казань, 1875. 582 с.
3. Кодама С., Ито С. [Исследование айнских татуировок] = 児玉作左衛門、伊藤昌一。アイヌの分身の研究。// Хоппё бунка кэнкю хококу = [Научные сообщения о северной культуре]. Императорский ун-т Хоккайдо, 1939. С. 126-236. Яп. яз.
4. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 847 с.
5. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976. 393 с.
6. Мицуока С. Айну но сокусэки [Следы айнов] = 満岡伸一。アイヌの足跡。Хоккайдо, Сираой, 1987. 258 с. Переизд. работы 1927 г.
7. Римский-Корсаков В. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» // Морской сборник. 1858. № 5. С. 9.

8. Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материкам Азии и России. Т. 1. Иокотама : Тип. Ж. Глюк, 1909. 532 с.
9. Поляков И.В. Сахалин // Живописная Россия. СПб. : Тов-во М.О. Вольф, 1895. Т. 12, ч. 2. С. 229–252.
10. Спевачковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М.: Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1988. 204 с.
11. Таранов Н. Низовья Амура // Живописная Россия. Т. 12. Восточные окраины России. СПб. : Тов-во М.О. Вольф, 1895. С. 385–404.
12. Шренк Л. Об инородцах Амурского края: в 3 т. Т. 3. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1903. 145с.
13. Ясиро С. Карафутто айну но кэнкю [Исследования о сахалинских айнах] = 屋代周二。樺太アイヌの研究：特にその人口減少問題に就いて / 屋代周二 [編]. Хоккайдо, 1927. 48 с. Яп. яз.
14. Batchelor J. The Ainu and their Folk-Lore. L.: The Religious tract society, 1901. 448 p.
15. Batchelor J. The Ainu-English-Japanese dictionary. Vol. 2. L. : Methodist Publ. House, 1905. 145 p.
16. Bickmore A. The Ainos or Hairy men of Jesso, Sachalin and the Kurile Islands // Amer. Journ. Science. 1868. P. 353–377.
17. Chamberlain В.Н. The Language, mythology, and geographical nomenclature of Japan viewed in the light of Aino studies, including “An Aino Grammar” by John Batchelor. Tokyo: Imperial Univ., 1887. 174 p. (Memoirs of the Literature College Imperial Univ. of Japan; N. 1).
18. Denig W. A visit to Ainos. Church Missionary intelligencer 2, 1877 // Kirsten Refsing. Vol. 2. L.: Tailor & Francis, 2000. P. 218–280.
19. Hilger M.I. Together with the Ainu: a vanishing people. Norman, Oklahoma: Univ. of Oklahoma Press, 1971. 223 p.
20. Montandon G. La Civilisation aino et les culture arctiques. Paris, Payot, 1937. 272 p.
21. Ohtsuka K. Reconstitution of the Rite of Passage of the Ainu before the mid XIX century. Osaka : National Ethnol. Museum, 1987. P. 513–523.
22. Peng F., Geiser P. The Ainu: the past and the present. Tokyo : Bunka Hyoron, 1977. 340 p.
23. Finck H.T. The Ainos of Northern Japan. Outing, Nov., 1894 // Kirsten Refsing. Early European Writings on Ainu Culture: Religion and Folklore. Vol. 3. L. : Tailor & Francis, 2002. P. 113–119.
24. Torii R. Etudes archéologiques et ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles. Tokyo: Tokyo University, 1919. 337 p. (Journ. of the College of Science Imperial Univ. of Tokyo. 1919; Vol. 42, art 1).

УДК 321(571.63)

Л.И. Чуб, И.А. Трутнев*

СОСТАВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Проанализирован механизм рекрутирования в политико-административную региональную элиту Приморского края, а также требования, предъявляемые к претендентам на вхождение в элиту. Акцент сделан на законодательной ветви власти. Состав законодательного органа Приморского края в период с 1993 по 2011 г. охарактеризован по таким показателям, как возраст, пол, образование, социальное положение. Это позволило выявить и сопоставить основные черты приморской элиты в периоды 1993–2001 и 2001–2011 гг.

Ключевые слова: политико-административная элита; региональная политическая элита, Приморский край, политическое рекрутирование.

Structure and formation of political elite of Primorsky Region. LUDMILA I. CHUB, IVAN A. TRUTNEV (Far East Federal University, Vladivostok).

The article is focused on the mechanism of recruitment in regional political elite and the requirements for the applicants who seek to enter this group. The emphasis is made on the legislative branch of authority. The authors analyze such indicators of legislative authority's members of Primorsky region as age, sex, education and social status during the period from 1993 to 2011. It allows to reveal and compare the main characteristic of regional political elite during the periods 1993-2001 and 2001-2011.

Key words: political elite, regional political elite of Primorsky Region, political recruitment.

В политической социологии для исследования политико-административных элит обычно используются три основных метода: позиционный (в качестве субъекта власти рассматриваются люди, занимающие определенные статусные позиции в формальной социальной иерархии, вне зависимости от их качеств и степени влияния на политический процесс); решенческий (субъектами политической власти считаются те, кто оказывает наибольшее влияние на процесс принятия политических решений); репутационный (субъекты власти определяются по их репутации, т. е. по субъективному мнению людей об их возможностях влиять на политические процессы в обществе).

В данном исследовании для выделения политико-административной элиты региона используется позиционный подход. Региональная

политико-административная элита – это круг лиц, достигших наивысшего политического статуса в регионе и занимающих высшие должностные позиции в различных институтах государственной власти субъекта Российской Федерации.

Политическое банкротство КПСС, последовавшее за «августовской революцией», вывело на первые роли второй эшелон номенклатуры – хозяйственную элиту (управленцев). Первый эшелон тем временем «ушел в отставку» или успешно «переквалифицировался» в региональную промышленную и деловую (бизнес-) элиту (в т. ч. в так называемых комсомольских бизнесменов). На какое-то время (с 1991 по 1993 г.) Советы народных депутатов всех уровней стали прибежищем оттесненных с ключевых управленческих позиций представителей партийно-советской номенклатурной элиты, превратив-

*ЧУБ Людмила Ивановна, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, ТРУТНЕВ Иван Александрович, аспирант кафедры философии Школы гуманитарных наук (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток).
E-mail: grandpool@mail.ru

© Чуб Л.И., Трутнев И.А., 2013

шихся вследствие этого в антагонистический противовес системе президентского правления и всей исполнительной власти. Однако это противостояние продолжалось недолго. Система, изначально создаваемая как отрицание классического парламентаризма, не могла не оказывать сопротивления при попытках втиснуть ее в рамки совершенно иных отношений [7, с. 6]. В ходе знаменитых событий сентября–октября 1993 г. в Москве появились указы президента РФ Бориса Ельцина от 21.09.93 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (о роспуске Верховного Совета, назначении выборов в Федеральное собрание и проведении референдума по принятию Конституции 1993 г.) и от 09.10.93 № 1617 «О реформировании представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации». В декабре 1993 г. была принята и новая Конституция России, которая подразумевала формирование новых органов государственной власти. Этот нормативный акт стал основанием для принятия 28 октября 1993 г. постановления администрации Приморского края № 366 «О прекращении полномочий Приморского краевого Совета народных депутатов». Региональные партийно-политические и номенклатурные группы отчетливо осознали, что их прежние статусные позиции утрачены навсегда, а сами они вытеснены из сферы большой политики, – на их месте появились новые люди.

Во многих регионах России преобладает номенклатурный принцип рекрутирования в политико-административную элиту. Он означает продвижение в политико-административную элиту на основе формальных требований и (чаще) неформальных связей, негласных правил поведения. Способы рекрутирования элит почти целиком зависят от личных предпочтений руководителя региона, т. е. основаны на патрон-клиентарных отношениях [6]. Большую роль в формировании состава элит играют внутригрупповые нормы и ценности, неправовые ограничения, введенные клиентелой глав региона [5, с. 42]. Противовесом номенклатурному принципу является конкурентное и гласное рекрутирование элит. Оно чаще всего проявляется в регионах с высоким

уровнем урбанизации и развития культурно-образовательного комплекса. Данный вид рекрутирования связан с партисипаторным типом политической культуры (активным участием населения в общественно-политической жизни общества), влиянием западной деловой культуры. Хотя и не повсеместно, но намечена тенденция постепенной профессионализации элит, особенно на уровне неформального окружения руководителей регионов и госслужащих среднего звена. Лидеры склонны повышать квалификацию уже лояльных членов «команды», но еще острее относятся давать дорогу независимым профессиональным политикам. Источники качественно новых пополнений элит видятся в независимых от административного патронажа бизнес-слоях, молодых интеллектуалах и менеджерах. Часто включение предпринимателей в политико-административную элиту поощряет сама официальная власть региона. Губернаторы тем самым «оплачивают» свои предвыборные обязательства перед крупным бизнесом.

Состав и механизмы формирования политико-административной элиты Приморского края будут рассмотрены в рамках двух периодов: 1993–2001 гг. (губернатор Е.И. Наздратенко) и 2001–2011 гг. (губернатор С.М. Дарькин).

Период губернатора Приморского края Е.И. Наздратенко можно разделить на два в соответствии с электоральными циклами: 1) 1993–1997 гг. (назначение губернатора в 1993 г., выборы губернатора в 1995 г., выборы в Думу Приморского края первого созыва в 1994–1995 гг.); 2) 1997–2001 гг. (выборы губернатора в 1999 г., выборы в Думу Приморского края второго созыва в 1997 г.). Первый период характеризуется преобладанием в Думе края «красных директоров», представителей вновь образованной власти, а также номенклатурщиков, еще не нашедших себе место в новой системе. По состоянию на 1 января 1996 г. в приморскую Думу входили: 10 чел. (28,6%) – представители администраций муниципальных образований края, а именно главы администраций и их заместители; 9 (25,7%) – представители директорского корпуса бывших государственных, муниципальных предприятий; 8 (22,9%) – бывшие партийные работники и депутаты Советов различного уровня; 3 (8,6%) – представители

сферы науки, культуры, образования; 3 (8,6%) – выходцы из сельскохозяйственной сферы; 2 чел. (5,7%) – бывшие вице-губернаторы (по данным М.С. Танцуры) [8, с. 61]. Второй период отмечен по-настоящему состязательными выборами, которые власть еще только училась контролировать. Основными группами по социальному составу, представленными во власти, являлись интеллигенция, нарождающийся класс бизнесменов и чиновничество.

Львиную долю наиболее значимых постов в краевой администрации занимали выходцы либо из принадлежащих губернатору компаний, либо из группировок, к которым он имел самое непосредственное отношение до того, как стал губернатором. Если с назначенцами в административной части элиты все понятно, то формирование элиты через выборы далеко не всегда предсказуемо. Именно выборы, в первую очередь в законодательный орган субъекта, отражают основные тенденции при формировании региональной элиты. Как и во многих российских регионах, в Приморском крае распространена горизонтальная и вертикальная мобильность одних и тех же людей (депутаты назначались вице-губернаторами; вице-губернаторы избирались депутатами; главы муниципальных образований избирались депутатами краевой Думы, и наоборот, и т. д.).

Несмотря на большое количество общественных объединений и политических партий на территории края, они не отличались активностью по выдвижению кандидатов.

В 1994 г. девятью объединениями и партиями было выдвинуто 37 кандидатов, а в 1997 г. семью объединениями и партиями – 23 кандидата, ни один из которых не прошел. Наиболее известными и популярными партиями того периода являлись ЛДПР и КПРФ. Представители элиты отличались прагматизмом, не стремились связывать себя идеологическими установками и в подавляющем большинстве не являлись членами политических партий. Система партий в тот период еще не институционализировалась. Идя на выборы от каких-либо политических объединений, кандидат терял часть электората, предвзято относившегося к идеям этого движения, у кандидата оставалось меньше свободы для маневра. В тот период были популярны не-

ангажированные кандидаты. Уже после избрания депутаты создавали блоки, заявляли о своих симпатиях к тем или иным политическим силам.

2001–2011 гг. (губернатор Приморского края – С.М. Дарькин) можно охарактеризовать как период сращивания власти и бизнеса, а также как время профессионализации политики. На региональном уровне в соответствии с общероссийскими тенденциями выстраивается вертикаль власти, что влияет на механизм рекрутирования в региональную политико-административную элиту.

Что касается такого канала рекрутирования в элиту, как политические партии, то с начала 2000-х их роль начинает возрастать. Эта линия заложена президентом В.В. Путиным в 2001 г. в законе «О политических партиях», который определяет политические партии в качестве главного участника избирательного процесса. Число партийных кандидатов в 2001 г. незначительно увеличилось, а количество партий, участвующих в выборах, наоборот, сократилось, иные общественные объединения теперь вообще не могли участвовать в региональных выборах. Политики еще отличались высокой степенью прагматизма, в то время еще не выстроилась вертикаль власти «Единой России», без членства в которой трудно было рассчитывать на успешную политическую карьеру, особенно это характерно для регионального и муниципального уровней.

В 2002 г. установлена норма партийного представительства в законодательных собраниях. Российская партийная система получила новый импульс к развитию. Никогда еще роль партий не была столь высока. Теперь для выдвижения в депутаты важно, чтобы кандидатура была одобрена на партийном уровне, т. е. партии выступают своеобразным фильтром по отбору кандидатов и несут ответственность за них. Количество беспартийных кандидатов резко сокращается, а понятие «беспартийный депутат» становится редкостью. За счет партийного фильтра подконтрольность электорального процесса возрастает. Так, в составе Законодательного собрания (далее – ЗАКС) 2006–2011 гг. формально представителей оппозиции 8 чел., но фактически часть из них лояльные большинству депутаты, вошедшие в приморский парламент

через список другой партии. Теперь для вхождения в парламентское большинство необходимы: лояльность губернатору и/или партии «Единая Россия»; обладание значительными ресурсами, в первую очередь финансовыми; а в последние годы еще и наличие безупречной биографии. Конечно, есть и другие каналы вхождения в элиту, но их процент незначителен.

Представители политико-административной элиты края 1993–1997 гг. в большинстве своем это: 1) бывшая партийная номенклатура (работники партийного аппарата, представители советов различного уровня); 2) представители власти, созданной уже по новой Конституции (главы муниципальных образований, работники администраций и прочие чиновники); 3) представители директорского корпуса (директора, возглавлявшие муниципальные и в основном государственные предприятия); 4) только нарождавшийся малочисленный класс предпринимателей.

С 1997 г. ситуация начинает постепенно меняться: 1) в элиту входит все больше представителей бизнеса, причем как в законодательную, так и в исполнительную ветви власти; 2) удельный вес чиновников, перемещающихся из одной ветви власти в другую, сменяя должности, также остается достаточно велик, но меньше, чем в предыдущие годы; 3) возрастает количество представителей интеллигенции (преподаватели, ректоры вузов, журналисты и т. д.).

Основными каналами рекрутирования элиты в период 1993–2001 гг. служат (по убыванию): 1) бюрократический аппарат; 2) экономические институты, сфера бизнеса; 3) сфера науки, образования, СМИ; 4) политические партии и общественные организации.

Данный период можно охарактеризовать как демократический, еще никогда выборы не были настолько открытыми. Система рекрутирования политико-административной элиты тоже, как никогда, склонялась к открытому типу формирования.

Основными каналами рекрутирования элиты в период 2001–2011 гг. служат: 1) экономические институты, сфера бизнеса; 2) бюрократический аппарат; 3) сфера науки, образования, СМИ; 4) политические партии. Несмотря на огромную роль политических партий, они поставлены на

последнее место, так как являются только своеобразными фильтрами по отбору кандидатов, важной частью механизма рекрутирования элиты, ведь число представителей элиты, выращенных в партиях, очень мало.

В целом в данный период происходит уменьшение значения такого механизма формирования региональной элиты, как выборы и их открытость. На регион распространяется общероссийская тенденция построения вертикали власти. С 2005 г. губернатор назначается президентом, тот в свою очередь формирует собственную команду, назначая на значимые посты своих людей. Выборы, по сути, также можно отнести к назначениям, так как они формально легитимизируют уже неформально распределенные между сторонниками губернатора и «Единой России» мандаты, поддержанные административным ресурсом. Яркие примеры – это выборы главы администрации Владивостока 2004 и 2008 гг., а также выборы в ЗАКС в 2006 г. Уже на выборах в Законодательное собрание Приморского края 2006 г. можно наблюдать современную нам партийную систему, которая с небольшими изменениями просуществовала до лета 2012 г.

Сравним и проанализируем различные характеристики самой массовой части политической элиты региона – депутатов Думы Приморского края (с июля 2001 г. Дума переименована в Законодательное собрание Приморского края).

Если в первом созыве Думы все четверо депутатов, входящих в группу «от 30 до 40», являлись на момент избрания чиновниками разного уровня (2 чиновника, 2 главы МО), то во втором это в большинстве представители бизнеса, которые успели конвертировать свои ресурсы во власть (4), интеллигенции (1), чиновничества (2). Преобладание в 1-й Думе 40–50-летних депутатов (57%) закономерно, это люди, активно участвовавшие в политической жизни региона в последние годы СССР, имеющие опыт, амбиции и еще достаточно молодые, чтобы попробовать свои силы. Во 2-й Думе сохраняется схожий возрастной расклад, примерно поровну ее составляли чиновники, бизнесмены и представители интеллигенции, которые составили примерно половину двух старших групп депутатов 2-го созыва. Из 5 депутатов, вхо-

Таблица 1

**Возрастной состав депутатов законодательного органа Приморского края
(возраст на момент избрания, лет), количество, %***

Срок полномочий	20–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	Старше 50
1-я Дума (01.1995–12.1997)	Нет	4 (11,5)	20 (57)	11 (31,5)
2-я Дума (12.1997–12.2001)	Нет	7 (17,5)	21 (52,5)	12(30)
ЗАКС 3-го созыва (2002–2006)	3 (8)	7 (18)	15 (39)	13 (34)
ЗАКС 4-го созыва (2006–2011)	1 (3)	8 (20)	10 (25)	21(53)

* Источниками информации о депутатском корпусе являются биографические данные депутатов.

дивших в обе Думы, трое вошли в группу «40–50» и двое в «старше 50», в первом составе они все относились к группе «40–50». Если сравнивать средний возраст депутатов обоих созывов на момент избрания (46,9 и 46,4 года), то 2-я Дума моложе на полгода. На момент назначения губернатором в 1993 г. Е.И. Наздратенко было 50 лет (табл. 1).

Впервые в составе краевого парламента появились двадцатилетние депутаты. В составе третьего созыва ЗАКСа таких было трое, это был самый молодой парламент из всех четырех созывов (средний возраст – 44,7 года), а четвертый созыв являлся самым «старым» (средний возраст – 48,3). В двух «дарькинских» созывах трое из четырех депутатов до 30 лет являлись бизнесменами и лишь один представлял интеллигенцию. Группу «30–40» в обоих созывах полностью составляют представители бизнеса, впервые попавшие во власть. Именно эта возрастная планка является традиционным нижним пределом для вхождения в региональную элиту (табл. 2).

Более молодые представители элиты скорее исключение из правил. В чет-

вертом созыве доминирует группа «старше 50», что объясняется взрослением команды губернатора. Практически все представители интеллигенции и профессиональные политики входят в данную возрастную группу. Преобладание двух старших возрастных групп с большой долей вероятности говорит о том, что члены ЗАКСа не обладают достаточным модернизационным потенциалом, а больше расположены к проверенным и нерискованным технологиям.

Первая Дума унаследовала 9 человек от краевого Совета последнего созыва. Это общероссийская тенденция, когда часть представителей предшествующей элиты входит в состав вновь образованного органа, потому что создать кардинально новую элиту за столь короткие сроки невозможно. Другой вопрос, что из 208 депутатов краевого Совета в составе краевой Думы было представлено только 9. Это объясняется отсутствием у большинства депутатов Советов каких-либо ресурсов и поддержки населения. Поэтому в Думу первого созыва прошли люди, обладающие ресурсами: директора предприятий, главы муниципальных образований, наиболее известные у себя на местах депутаты Советов.

Таблица 2

Уровень преемственности депутатского корпуса Приморского края, количество, %

Показатель	1-я Дума (1995– 12.1997)	2-я Дума (12.1997–12.2001)	ЗАКС 3-го созыва (2002–2006)	ЗАКС 4-го созыва (2006–2011)
Всего депутатов	35	40	38**	40
«Новички»	26 (74)	35 (87,5)	30 (79)	29 (73)
Инкумбенты*	9 (26)	5 (12,5)	8 (21)	11 (28)

*Инкумбент – лицо, продолжающее занимать должность в государственных, муниципальных органах власти, в том числе выборах.

**Число указано на момент окончания полномочий ЗАКСа 3-го созыва, без учета таких выбывших депутатов, как О.Н. Кожемяко, В.И. Усольцев, В.В. Николаев, И.С. Пушкарев, Г.И. Бучирин.

В состав второго созыва повторно были избраны только 5 чел. Губернатору не удалось сохранить преемственность подконтрольной ему Думы. Во власть пришли представители бизнеса, обладающие финансовыми ресурсами, и интеллигенции, имеющие широкую известность среди избирателей. Это также можно объяснить тем, что деятельность Думы первого созыва была неощутима для обывателя, так как она в основном занималась приведением регионального законодательства в соответствие с новой конституцией и федеральным законодательством. Также деятельность парламента почти не освещалась в СМИ. Таким образом, у людей складывалось впечатление, что Дума ничем не занимается, и отрицательное отношение к депутатам (табл. 3).

Законодательное собрание третьего созыва включало в себя 8 чел. из предыдущего созыва. В основном это люди, которые были близки к губернатору Е.И. Наздратенко. Для периода смены руководителя региона данный показатель преемственности можно считать достаточно высоким. Это можно объяснить тем, что, во-первых, Е.И. Наздратенко и часть его команды поддержала на выборах С.М. Дарькина, это дало им возможность беспрепятственно избираться в ЗАКС; во-вторых, недавно избранный губернатор еще не полностью контролировал политическую ситуацию и небольшая часть людей, не имеющих отношения к его сторонникам, все-таки попала в парламент.

Четвертый созыв – пример высокой преемственности, стабильности и подконтрольности механизма выборов губернатору. Мало того, что около тридцати мандатов принадлежит партии «Единая Россия», в которую входит губернатор,

так еще все одиннадцать депутатов, повторно вошедших в состав Законодательного собрания, – сторонники С.М. Дарькина и его однопартийцы. Один из депутатов, Г.И. Лазарев, был депутатом всех созывов приморского парламента (с декабря 2011 г. он депутат уже пятого по счету парламента Приморского края, что является своеобразным рекордом).

Небольшое представительство женщин в двух первых созывах краевой Думы соответствует общероссийским тенденциям того времени. В Государственной Думе 1993 г. женщин-депутатов было 58 (13%), в 1995 г. их стало еще меньше – 46 (9,6%). Этому существует несколько причин. Пожалуй, одна из основных – это патриархальный тип мышления российского избирателя. Политика воспринимается как грязное дело с жесткими противостояниями, женщина-политик должна обладать мужскими чертами. Существует также мнение политиков мужского пола о том, что с женщинами сложнее вести переговоры и договариваться. Всё это не способствует попаданию женщин в сферу политики. Сами женщины также не очень активно проявляют себя в качестве кандидатов на различные выборные посты в крае, некоторые выборы вообще проходят без кандидатов женщин. Это можно объяснить расположенностью женщин к более спокойной, детально прописанной исполнительской работе, а также ориентированностью на семью взамен карьеры. Мужчины, наоборот, стараются реализовать в сфере политики и приумножить свой капитал, политический и финансовый.

Если посмотреть структуру администраций, то на руководящих должностях больше мужчин, но в целом, как правило, преобладает женский

Таблица 3

Состав депутатов Думы Приморского края первого и второго созывов по первому образованию и полу, количество, %

Легислатура	Пол		Первое образование	
	мужской	женский	техническое	гуманитарное
1-я Дума	29 (83)	6 (17)	22 (63)	13 (37)
2-я Дума	36 (90)	4 (10)	25 (63)	15 (38)
ЗАКС 3-го созыва	35 (92)	3 (8)	23 (61)	15 (39)
ЗАКС 4-го созыва	34 (85)	6 (25)	23 (57,5)	17 (42,5)

коллектив. Практически все женщины, прошедшие в первую и вторую краевые Думы, имели опыт руководящей работы как в советское, так и в новое время. В основном это были представители образования, культуры, медицины, чиновничества и ни одной представительницы бизнеса. В четвертом созыве ЗАКСа ситуация меняется. Если в третьем Законодательном собрании из трёх женщин две – чиновники со стажем, имеющие опыт работы во власти на муниципальном уровне, и одна – представительница интеллигенции, то в следующем составе из шести женщин четыре делегированы от бизнеса; одна – директор школы; одна – депутат муниципального уровня.

Что касается образовательного статуса, то подавляющее большинство представителей региональной политической элиты являются выпускниками местных вузов. Характерно преобладание в составе политической элиты лиц с высшим техническим образованием. Это связано с популярностью технического образования в советский период, ведь все без исключения депутаты получали первое образование именно в советское время. Тем не менее значительная доля лиц, более трети в первых трех созывах, обладает гуманитарным, в частности экономическим образованием. В четвертом созыве продолжается тенденция по увеличению лиц с гуманитарным образованием. В третьем и четвертом созывах ЗАКСа увеличение парламентариев с гуманитарным экономическим образованием в основном происходит за счет молодых депутатов. Не удалось полностью собрать данные по второму образованию, имеющемуся у депутатов, но начиная со второго созыва краевой Думы наметилась тенденция получения второго высшего образования, в первую очередь по экономическим, а также по правовым специальностям. Это обусловлено возрастающим престижем данных направлений в образовании, а также потребностью в получении знаний в области рыночной экономики, финансов, менеджмента и права, в первую очередь для успешного ведения бизнеса.

Таким образом, каждый из рассмотренных нами периодов имел особенности в механизме и принципах рекрутирования в приморскую региональную элиту. В целом основные тенденции схожи с общероссийскими. Сравнивая два перио-

да, можно выделить сходство и различие в механизмах рекрутирования в элиту. Основных механизмов было два: назначение и выборы.

Механизм назначений не претерпел значительных изменений с начала 1990-х годов. Назначения происходили в первую очередь по критериям преданности, командности, лояльности, а моральные и профессиональные качества часто отодвигались на второй план. Мотивом было установить контроль в регионе, расставив своих людей на ключевые должности. Весомым критерием оценки эффективности их работы служила исполнительность по отношению не к их прямым обязанностям, а к негласным указаниям губернаторов. Если выборы – это своего рода лотерея, которую трудно контролировать на 100%, то назначенцы – опора губернатора. Остается лишь соблюдать баланс между преданностью и профессионализмом, иначе действия непрофессионалов отрицательно скажутся на рейтинге губернатора.

Механизм рекрутирования через выборы при губернаторах Е.И. Наздратенко и С.М. Дарькине сильно различается, в основном в соответствии с общероссийскими тенденциями. Система рекрутирования в начале–середине 1990-х годов была склонна к «открытости», но уже со второй половины 1990-х власть тяготеет к закрытому типу формирования элиты. Относительную открытость можно объяснить следующими причинами: кандидаты еще не научились использовать политические технологии для победы на выборах; для победы необязательно были нужны финансовые ресурсы, народ скорее голосовал за личность и предлагаемую программу; технология применения административного ресурса еще не была отточена. С конца 1990-х в регионе начинают активно применяться политические технологии и административный ресурс и на первый план выходят финансовый ресурс и лояльность к правящей группировке. Как и во всей России, в Приморском крае выборы стали проходить по новому сценарию: губернатор и его администрация готовили список желательных кандидатов и затем, используя административный ресурс, способствовали их избранию депутатами [4, с. 142]. Таким образом, круг лиц, которые могут рассчитывать на победу, резко

сокращается. Этим и объясняются основные изменения в составе элиты, тенденция к увеличению выходцев из бизнес-среды. Принятие в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях» и установление в 2002 г. нормы партийного представительства в законодательных собраниях еще больше «закрывает» систему рекрутирования элит и дает контроль над ней лидерам партий.

Назначение и выборы – это лишь верхушка айсберга, они легитимизируют того или иного кандидата. Этим процедурам, как правило, предшествуют длительные закулисные переговоры и политический торг, каждая элитная группа готовит своего кандидата. Кандидату-одиночке, не входящему ни в одну из группировок, рекрутироваться в региональную политико-административную элиту практически невозможно, существовали исключения в середине 1990-х годов, когда новая элита еще окончательно не институализировалась после суматохи начала 1990-х. Иными словами, для того чтобы попасть в региональную элиту, необходимо иметь какой-либо ресурс: связи, известность, деньги, высокие профессиональные знания, преданность руководителю и т. д.

В период губернаторства С.М. Дарькина роль выборов при формировании элиты меньше, чем в период Е.И. Наздратенко, по следующим причинам: 1) власть научилась контролировать выборы. Выборы больше напоминают своеобразное назначение, с распределением округов и мест в партийном списке среди членов партии «Единая Россия»; 2) с 2005 г. кандидата на пост губернатора назначает президент; 3) увеличилось число высших должностей, на которые назначает губернатор или федеральные госструктуры.

Очевидно, что складывающаяся ситуация не устраивает массы, так как рекрутирование происходит не на основе талантов, способностей, профессионализма, высоких моральных принципов, а в большей мере по критерию преданности (особенно на региональном уровне) и по критерию обладания финансами. В годы правления «тандема» (В.В. Путин – Д.А. Медведев), несмотря на увеличение стабильности и среднего класса, разрыв между элитой и основной частью населения продолжает расти. Построе-

ние вертикали власти, начатое В.В. Путиным в начале 2000-х, – это тенденция к закрытости системы рекрутирования политической элиты, направленная на ограничение числа игроков на политической сцене и стабилизацию политической ситуации. Однако эта стабильность грозит обернуться застоєм, увеличением разрыва между социальными слоями, превращением чиновничества в привилегированный класс, который консолидирован и не дает «своих» в обиду. Нарождающееся гражданское общество начинает требовать перемен. Это вынудило Д.А. Медведева 22 декабря 2011 г. в послании Федеральному собранию заявить: «Надо дать всем активным гражданам законную возможность участия в политической жизни. Считаю необходимым следующее: перейти к выборам руководителей субъектов РФ прямым голосованием жителей регионов». За неделю до этого о возвращении выборов губернаторов говорил премьер-министр В.В. Путин. Весной 2012 г. был принят ряд поправок в федеральные законы (№ 184-ФЗ от 06.10.1999, № 95-ФЗ от 11.07.2001, № 67-ФЗ от 12.06.2002), значительно упрощающих процесс регистрации партий и сбора подписей для регистрации кандидатов; введены губернаторские выборы.

Конечно, предложенная предварительная процедура выдвижения губернаторов парламентскими партиями далека от демократического идеала и заявленное намерение по партиям и кандидатам в президенты – лишь попытка опровергнуть авторитарный имидж власти. Однако маятник, остановившийся на одной полярности, очевидно, вот-вот начнет двигаться в обратную сторону, в сторону перемен и большей открытости, демократичности, может быть и «косметической», но тем не менее. Наверняка мы увидим новых «крупных» игроков на политическом поле российской политики в ближайшие 3-4 года. Это как политики (одно из новых лиц – М.Д. Прохоров), так и политические проекты (партии), ведь очевидно, что партия власти как столп опоры тандема себя изживает (В.В. Путин в своей избирательной кампании 2012 г. на пост президента старался не ассоциировать себя с данной партией), необходимо что-то новое, «незапятнанное». Для представителей элиты, возможно, это будет время повышенной

мобильности, также этой возможностью могут воспользоваться наиболее динамичные представители массы, но для основной части населения система так и будет закрытой. Новый губернатор Приморского края В.В. Миклушевский взял курс на открытость, прозрачность проводимой политики, но едва ли это повлияет на механизмы рекрутирования. Уже первые шаги показывают, что он привел с собой свою команду, состоящую из московских специалистов и коллег, появившихся во время ректорства в ДВФУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довгаль Г.В. Дальневосточная политическая элита: к вопросу о социальном составе и специфике рекрутирования // Право и политика. 2007. № 9. С. 20–25.
2. История парламентаризма Приморского края / под общ. ред. С.А. Сопчука. Находка : Печат. салон ПМП, 2005. 71 с.
3. Князев С. До выборов многое может поменяться [беседа с предс. краев. избират. комиссии С. Князевым / беседовал К. Лыков] // Рос. газета. 2006. 4 авг.
4. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
5. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принцип и механизмы // СОЦИС. 2003. № 11. С. 3–13.
6. Пагонов Д.В. Процесс формирования региональной политической элиты в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2004. 232 с.
7. Слиска Л. Становление российского парламентаризма // Власть. 2001. № 7. С. 6–12.
8. Танцура М.С. Институционализация законодательной власти в Приморском крае // Ойкумена. 2006. Вып. 1. С. 55–68.

РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (К 100-ЛЕТИЮ ДОКЛАДА В.П. СЕМЁНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО В ИМПЕРАТОРСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ)

Анализируется доклад известного русского социолога и географа Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского «О могущественном территориальном владении применительно к России», прочитанный им в Императорском географическом обществе в 1912 г. Сложность понимания некоторых положений ученого заключается в том, что доклад был опубликован через три года после выступления, уже в разгар Первой мировой войны, и автору, по-видимому, пришлось внести некоторые коррективы в первоначальный текст, а именно изъять положения, которые могли затронуть отношения России с союзниками. Соотнеся данный текст с довоенной публикацией ученого, можно сделать вывод о значительно более широком взгляде на будущее России как колониальной державы, чем это кажется на первый взгляд.

Ключевые слова: В.П. Семёнов-Тянь-Шанский, российская колонизация, геополитика, типология империй, национальный интерес, Южно-Уссурийский край.

Russian colonization in the geopolitical context. SERGEY V. TKACHEV, NATALIA N. TKACHEVA (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

The paper analyzes the report of the famous Russian sociologist and geographer V.P. Semenov-Tien-Shansky which was delivered 100 years ago at the meeting of the Russian Imperial Geographical Society. The authors consider the issues of genesis of the colonial empires, the Russian colonial policy and location of the world's centers of power.

Key words: Semenov-Tian-Shansky V.P., the Russian colonization, geopolitics, typology of empires, national interest, South Ussuri region.

В 1912 г. в Императорском Русском географическом обществе В.П. Семёновым-Тян-Шанским¹ был сделан доклад «О могущественном территориальном владении применительно к России». Опубликован этот доклад спустя три года с авторскими поправками и дополнениями², вполне естественными в условиях большой войны, которую в то время вела Россия³.

Несмотря на отсутствие широкой известности, эта работа некоторыми исследователями признается значительным вкладом в российскую экономическую географию и классикой российской геополитики [1, с. 197; 2; 5, с. 119; 6]. Однако глубокий анализ данного произведения, по-видимому, еще не проводился. И мы постараемся восполнить данный пробел.

высказываемыми мыслями и недоговорки, когда отсутствует заключительная идея, казалось бы уже вполне оформленная предыдущими соображениями. Причина, по-видимому, кроется именно в тех трех годах, которые прошли с момента выступления В.П. Семёнова-Тян-Шанского до публикации этого доклада. Началась мировая война, а это сильно меняет и научные убеждения, и геополитические представления – кто-то стал врагом, кто-то союзником, наконец, возможна цензура и т. д.

¹ Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1870–1942) – российский географ и социолог, сын путешественника Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского. Автор фундаментальных работ по страноведению и описанию территории России.

² В данной работе использовалось первое, наиболее полное издание, а именно [8].

³ В опубликованном тексте доклада внимательный читатель найдет некоторые противоречия между

*ТКАЧЁВ Сергей Викторович, кандидат политических наук, заведующий Политехническим музеем. E-mail: sertk@mail.ru

*ТКАЧЁВА Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук, (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток). e-mail: nataltk@mail.ru

© Ткачёв С.В., Ткачёва Н.Н., 2013

Итак, докладу В.П. Семёнова-Тян-Шанского исполнилось 100 лет. При его чтении сегодня бросаются в глаза и попытки введения в научный оборот новых терминов, кажущихся в наши дни несколько тяжеловесными; и легкий налет расизма, впрочем, естественный для того времени; и некоторая «органическая» наивность в интерпретации исторических фактов. Тем не менее у данной работы, несмотря на уже весьма преклонный по научным меркам возраст, есть неоспоримые достоинства.

Во-первых, некоторые вопросы до сих пор сохраняют свою актуальность, и вековая дистанция в их рассмотрении может помочь лучше понять тот исторический контекст, когда это произведение создавалось. Разумеется, мы сейчас имеем некоторое преимущество перед ее автором просто в силу того, что видим часть его представлений о будущем как уже случившуюся историю; но заслуживают интереса варианты возможного развития России до «точки бифуркации» в 1917–1918 гг.

Во-вторых, данная работа заставляет еще раз обратить внимание на некоторые геополитические «константы», свойственные прежде всего нациям с большими территориями, что помогает лучше понять национальные интересы такой страны, как Россия.

Наконец, достоинство высококлассной научной публикации, на наш взгляд, заключается в ее способности продуцировать дискуссию, требовать новых идей. И в этом отношении данный текст, как нам показалось, весьма перспективен. Поэтому мы посчитали разумным наиболее интересные тезисы доклада сопроводить комментариями, являющимися не столько критикой, сколько «мыслями-следствиями» этих тезисов, поддержанными новым историческим опытом, которого, естественно, еще не было у В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Центры силы

Напомним, что Х. Дж. Маккиндер считал «осевым регионом в мировой политике обширный район Евразии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам... занимающий центральное стратегическое положение» (хартленд, «срединная, сердцевинная земля») [3, с. 169]. Контроль над этим регионом, в конечном ито-

ге, обеспечивает контроль над всем миром. Это точка зрения неоспорима и в дальнейшем уточнялась (Н. Спайкмен). Тем не менее основным критерием для определения политической значимости места здесь являлась доступность (недоступность) воздействию морской силы. И в этом смысле концепция хартленда имеет утилитарный оттенок и ориентирована на ее восприятие именно морскими державами. А сердцевинная земля здесь играет пассивную политическую роль, это не место концентрации силы, а убежище. В этом отношении концепция Маккиндера, при всей ее популярности и захватывающей дух логике, тем не менее асимметрична и не может претендовать даже на попытку быть универсальной.

Совсем другая ситуация с концепцией В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Ученый задается вопросом, какие места предоставляют наибольший потенциал развития населяющим его людям? И его вывод таков: «наиболее совершенное развитие человека естественным порядком возможно в более умеренных широтах, у берегов средиземных морей или на достаточно орошенных полуостровах, вдающихся в океан в этих широтах» [8, с. 429].

Ученый отмечает на земном шаре три таких места: 1) европейское Средиземное море (с Черным), 2) Китайское (Южное и Восточное с Японским и Желтым) и 3) Карибское (с Мексиканским заливом).

Все три средиземных моря за полосой плодородных земель опоясаны рядом пустынь, «где развились все наиболее совершенные религиозные представления. И именно здесь, у трех средиземных морей и двух полуостровов между ними – Индостанского и Малоазийско-Аравийского – выросли наиболее сильные и оригинальные человеческие цивилизации и государственности» [8, с. 433].

Обладание этими местами давало чрезвычайно значимые преимущества перед другими. «Распорядителем и носителем просвещения для прилегающих материков становился тот народ, который завладевал одним из этих средиземных морей, соединял на более или менее продолжительное время воедино всю цепь их благодатных побережий, в то же время удерживая в сфере своего влияния окрестные пустыни, вследствие чего, при ограниченности географических пред-

ставлений... и считался “господином мира”. <...> К нашему времени... “господином мира” будет тот, кто сможет владеть одновременно всеми этими тремя морями, или тремя “господами мира” будут те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей» [8, с. 434].

Далее В.П. Семёнов-Тян-Шанский подтверждает свою мысль экскурсом в историю, в результате которого нам становится понятным, что «господами мира» в разные времена в Европе почти становились греки, карфагеняне, арабы, византийцы, французы при Наполеоне и полностью становились римляне. В Азии, по-видимому, в качестве «господина мира» должен был выступать Китай. В принципе такая постановка вопроса достаточно обоснована. Но представление о том, что вся история человечества – это только борьба за обладание средиземными морями, игнорирует слишком большое число наций и их вклад в мировую цивилизацию.

Семёнов-Тян-Шанский это понимает и свою концепцию дополняет идеей «системы могущественного владения».

Системы могущественного владения

По представлению В.П. Семёнова-Тян-Шанского, мощные державы, добившиеся значительного территориального успеха в тот или иной период мировой истории, формировали подвластное пространство несколькими способами, которые зависели от взаиморасположения метрополии и колоний, а также колоний между собой, т. е. от географии империи. Итак, с его точки зрения, первоначальная (и наиболее совершенная) система – это система «кольцеобразного могущественного владения», система контроля побережья средиземных морей. В этой связи интересно следующее предположение Семёнова-Тян-Шанского: «В недалеком будущем испытанную европейцами кольцеобразную систему владения, вероятно, при благоприятных обстоятельствах попытаются осуществить по отношению к Мексиканскому и Китайскому средиземным морям американцы и японцы» [8, с. 438]. Ученый не сомневается в том, что Россия должна стать одним из «господ мира», соответственно, в этой сентенции он определяет возможных конкурентов и основных мировых игроков в недалеком будущем. Европа в этот short-list не входит.

Второй тип «могущественного владения» создали испанцы и португальцы, и это был своеобразный ответ на вызов, который бросил Европе внезапно открывшийся за ее пределами мир. Мир, в котором решающую роль начинают играть расстояния и техническая способность эти расстояния преодолевать; где тотальный контроль побережья невозможен в принципе; мир, где Море остается на родине и его сменяет Океан. Это система «разбросанных по морям и океанам отдельных островов и кусков материков, связанных периодическими рейсами кораблей военных и коммерческих». Семёнов-Тян-Шанский называет ее, на наш взгляд несколько поверхностно, «клочкообразной»⁴. Данная система имела политический и демографический центр примерно в метрополии, а далее – все более разрежающаяся (в отношении количества представителей титульного народа) периферия. Возникают океанские империи. Они достигают равновесного состояния, когда власть метрополии способна удержать самые удаленные свои заморские провинции. Но это равновесие неравных масс, отсюда существование данной системы невозможно без неэквивалентного обмена. Все вышперечисленное порождает увеличение рисков для такой империи. К отпаду заморских провинций могут привести: 1) ослабление центра; 2) усиление периферии; 3) разрыв всегда уязвимых коммуникаций из-за действий инсургентов или другой империи. То есть данный тип могущества в первом приближении является более уязвимым, чем первый⁵.

По пути создания могущества вслед за пиренейскими государствами и зачастую на обломках их империй, пошли Голландия и Франция. И практически с тем же, не очень удачным результатом. Последней к этой «модной», по словам Семёнова-Тян-Шанского, системе подключилась Великобритания. Он же отмечает, что ей удалось сохранить эту систему на очень продолжительное время применением «необыкновенно широкого самоуправления» [8, с. 437].

Третьей формой территориального могущества, по словам ученого, является система «от моря до моря». По преимуществу ее использова-

⁴ Скорее дисперсная или дисперсно-кластерная.

⁵ Первый тип практически лишен последней слабости «клочкообразной» системы.

ли континентальные народы. Можно вспомнить империи чингизидов и тимуридов, Россию; но в качестве дополнения к «клочкообразной системе» ее использовали и, например, викинги, и Британия. Наибольшего успеха добивается держава, которая смогла комбинировать различные формы территориального могущества. Это и уже упоминавшаяся Британия («клочкообразная» + «от моря до моря») и Американские Штаты («кольцевая» + «от моря до моря»). Можно добавить в этот список и Рим (с Византией), и Арабский халифат (оба «кольцевая» + «от моря до моря»). Те державы, которые не смогли комбинировать формы территориального могущества, были недолговечны в историческом масштабе (имеется в виду в качестве «господ мира»). Здесь можно вспомнить Афинскую архэ («клочкообразная»); державу Александра Македонского (странное малоспособное к жизни политическое образование, имевшее по форме вид «от моря до моря», но, по сути, скорее «клочкообразную» форму греческого влияния в «море» иной культурной среды); монгольскую державу («от моря до моря»), Османскую империю («от моря до моря») и др. Если углубиться в историю, то можно заметить, что политические образования, росшие со стороны «продуктивного» моря вглубь материка, или, наоборот, из глубины материка к такому морю, но не дошедшие до конца и, таким образом, оказавшиеся на полпути «от моря до моря», – такие образования могли быть очень ярким и запомнившимся на века событием, но они быстро падали.

Российская колонизация

Преыдущие выводы чрезвычайно важны для понимания геополитического базиса Российской империи, ее способа колонизации. Вот как описывает В.П. Семёнов-Тян-Шанский ситуацию в России: «В наших условиях колонизация имеет вид постепенно суживающегося зазубренного меча, утончающегося и суживающегося на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы. При всяком столкновении с внешними врагами (а таковые как раз и имеются на нашем материке в виде многомиллионной желтой расы) очень легко об-

рубить конец такого меча. Правда, сопротивление по мере дальнейшего обрубания будет расти в геометрической прогрессии, но ведь и обрубка только одного конца вполне достаточно для того, чтобы уничтожить всю суть системы «от моря до моря» [8, с. 440]. Помимо живописного сравнения с мечом Семёнов-Тян-Шанский определяет здесь и принципиального геополитического противника, а именно Китай, который, несмотря на политическую слабость в то время, все равно поражал воображение своим демографическим превосходством.

Понятно, что любой колонизационный процесс сталкивается с проблемой диспропорции метрополии и колонии (демографической, экономической, коммуникационной и т. д.), и от решения этой проблемы зависит, будет ли создана стабильная империя или нет. Для России и того времени, и сейчас, это очень сложный вопрос. По мнению Семёнова-Тян-Шанского, существует только одно решение этой проблемы в случае российского Дальнего Востока, а именно «неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства... При отсутствии же этого выравнивания успешная защита дальневосточной окраины является делом настолько трудным, что вполне понятна психология местных русских обитателей, нередко считавших себя там “временными жильцами”» [8, с. 440–441].

Семёнов-Тян-Шанский видит два способа «сдвинуть культурно-экономический центр государства к истинному географическому центру». Во-первых, это перенос столицы (в российском случае – в Екатеринбург). Ученый считает этот путь слишком дорогим и нецелесообразным в условиях развивающихся путей сообщения⁶. Другой путь – это использование так называемых культурно-экономических колонизационных баз.

⁶ Вообще, перенос столиц – рядовое событие в истории. Это случалось в Древнем Риме, в Китае, Японии, в Османской империи, в России, в Италии, в США... Несмотря на скепсис В.П. Семёнова-Тян-Шанского относительно переноса столиц, после 1915 г. эти события начинают происходить с завидной регулярностью: Петроград – Москва, Константинополь – Анкара, Рио-де-Жанейро – Бразилиа, Алма-Ата – Астана и др.

На самом деле, на наш взгляд, перенос политического центра к географическому центру страны в случае колониальной державы вообще вряд ли был бы продуктивным. Действительно, новая столица стала бы ближе к колониям и, соответственно, легче ими управляла вследствие простого сокращения расстояний (и сокращения времени на прохождение приказов от метрополии к колонии и отклика в обратном направлении). Однако старая столица оставит у себя авторитетную старую элиту, которая вряд ли останется лояльной по отношению к новой. При этом новая столица (в случае «от моря до моря») как бы разделит географически метрополию и колонию, закрепит это разделение; а ведь раньше граница между ними была трудно определима, расплывчата. Для колонии же подобная ситуация чревата и появлением еще одного центра эксплуатации.

Итак, напомним, что В.П. Семёнов-Тян-Шанский считает неприемлемым перенос столицы ближе к колонизируемым территориям и предлагает использование так называемых культурно-экономических колониальных баз. Что это такое? Ученый не дает точного определения, однако общий смысл таков: в любом государстве можно найти некие области, ключевые для общего экономического развития страны, а также исторически имеющие особый политический статус и культурологические особенности. «Эти очаги, посылая свои лучи во все стороны, поддерживают настоящим образом прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию» [8, с. 442]. Для России такими базами являлись 1) Галицкая и Киево-Черниговская земли; 2) Новгородско-Петроградская земля; 3) Московская земля; 4) Средневожская земля. «Только благодаря этим четырем базам, давшим возможность твердо укрепиться до самых берегов четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую массу, которая позволила ей стать в ряды великих держав мира» [8, с. 442].

Предложение Семёнова-Тян-Шанского заключается в том, что для построения надежной системы «от моря до моря» необходимо создать условия для возникновения и функционирования новых «культурно-экономических колони-

ционных баз» в азиатской части страны. Ученый называет их «азональными бойкими торгово-промышленными наносами», с центрами, сильными своей действительной, хотя и молодой по времени, культурой, явно переросшими свою исключительную зависимость от зонально расположенных поверхностных богатств – почв, климата, растительности и животного мира [8, с. 443]. Иными словами, «азональный» здесь означает не обязательно меридионально ориентированный, а независимый от естественного преимущественно широтного расположения природных зон. Это области, где человек в своей деятельности менее связан с сельским хозяйством или промыслом, зависящими от климата, но больше – с промышленностью или торговлей.

В.П. Семёнов-Тян-Шанский предполагает, что в азиатской России должны появиться также 4 новые колониальные базы. А именно: 1) Урал; 2) Алтай (с горной частью Енисейской губ.); 4) горный Туркестан (с Семиречьем); 5) Кругобайкалье.

По его мнению, развитию этих новых баз обязаны помочь «старые» четыре базы. Эта помощь должна заключаться в создании филиалов на территории «новых» баз с последующим предоставлением им финансовой независимости. «Взамен же потерянных рынков сбыта должны наши старые базы приобрести новые на юг от Европейской России... если мы выйдем победителями из борьбы с Германией и получим проливы» [8, с. 443].

Другой вариант решения вопроса проливов, предложенный Семёновым-Тян-Шанским еще до войны с Германией в книге «Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии» (1910) и процитированный им в новой работе, кажется более реалистичным, хотя и более фантастичным⁷. «Стихийное стремление русской колонизации в широтном направлении – к берегам Тихого океана – могло бы быть сломлено только в двух случаях: посредством физических сил природы – в случае наступления новой ледниковой эпохи, или историческим путем –

⁷ Преувеличенные ожидания относительно восточного крыла русской колонизации, по-видимому, сформировались у Семёнова-Тян-Шанского под влиянием «колониальной бум» 1907–1914 гг. Однако экономические, социальные и политические ресурсы этого феномена были быстро исчерпаны.

в случае вековых политических неудач в Северной Азии. В обоих случаях русская колонизация, потеряв Кругобайкальскую базу, стихийно и неудержимо ринулась бы в западной половине Империи к югу, по направлению к Средиземному морю и Персидскому заливу и попыталась бы достичь еще пока никем не осуществленного господства от моря до моря в меридиональном направлении. В этом случае Кругобайкальская колонизационная база заменилась бы Малоазийско-Кавказской с обязательным обладанием Босфором и Дарданеллами» [8, с. 444–445]. Сегодня «неудержимость» российской колонизации кажется несколько преувеличенной. Тем не менее здесь В.П. Семёнов-Тян-Шанский указывает два наиболее важных вектора колонизационного давления Империи. И если в более раннем варианте он предполагает альтернативность этих движений, то в более позднем, учитывая возможное влияние войны как катализатора политических процессов, – их синхронность.

Характерно, что возможность этой синхронности для достижения максимального геополитического результата, кажется, даже не рассматривалась российской интеллектуальной элитой того времени. По мнению авторитетного российского исследователя Бориса Межуева, в России на рубеже веков существовало как минимум два общества, связанных своими особыми каналами с властью и населением, – условно говоря, московское и петербургское. Петербург, захваченный новым империалистическим подъемом страны, а также перспективами, которые открывали перед предприимчивыми людьми империи строительство Сибирского железнодорожного пути и оживление дипломатических и торговых связей с Китаем, был устремлен на Дальний Восток. Либерально-славянофильская Москва, за редким исключением, сохраняла стойкое равнодушие к российскому *Drang nach Osten*, лелеяла теплые воспоминания о победоносной балканской войне 1877–1878 гг., втайне надеясь на возвращение в Европу [4].

Возможно, это основной итог размышлений В.П. Семёнова-Тян-Шанского, гипотетическая и даже как будто не озвученная определенно программа-максимум для Российской империи, ее исторической реализации через географическое положение; и одновременно ее долго-

срочная стратегия, основанная на интуитивном понимании национального интереса. При этом Семёнов-Тян-Шанский не дает прямого ответа, который был бы некорректен в условиях той войны (в первую очередь из-за того, что касался союзников), но подталкивает читателя к естественному решению. А ответ из текста очевиден: Россия должна иметь два средиземных моря под своим контролем – европейское и восточноазиатское. Только таким образом в случае России можно объединить две формы территориального могущества – «кольцеобразную» и «от моря до моря». В случае реализации этого проекта она действительно становится «господином мира».

Причем оказывается необязательным полный контроль над Средиземным морем, достаточно было получить тысячелетнюю мечту российских правителей – проливы плюс Суэцкий канал. Восточное Средиземноморье начинали отделять от Западного получившие независимость от Османской империи православные Сербия, Болгария, Греция. Получившие эту независимость не без помощи России. Поддержку российскому влиянию в регионе должны были оказать и многочисленные православные анклавы в Леванте.

Интересно выглядит ситуация на другом конце Азии. Заметим, что Семёнов-Тян-Шанский разворачивает самую восточную колонизационную базу не в, казалось бы, ожидаемом и наиболее развитом Южно-Уссурийском крае, а на 2000 км западнее – на Байкале. Его логику можно понять следующим образом. Южно-Уссурийский край должен оказаться в тылу, во втором эшелоне будущего российского колонизационного движения. Это возможно только в случае повторения маньчжурского варианта экспансии. Впрочем, логика всего доклада говорит о большей, так сказать, «морской» составляющей нового геополитического проекта Российской империи. На наш взгляд, предыдущий официальный проект, провалившийся в 1904–1905 гг., был ориентирован на аннексию (или контроль в том или ином виде) Маньчжурии, а Порт-Артур в этой ситуации был призван защищать для России ее внутреннюю маньчжурскую колонизацию. Восточная часть проекта Семёнова-Тян-Шанского также опирается на Порт-Артур, но его роль здесь иная, а именно контроль над морем (в первую очередь Желтым, которое является центром восточно-

зиатского Средиземноморья, обладание им обеспечивает контроль над центральным Китаем и определяющим образом влияет на коммуникации между Китаем, Кореей и Японией). Поэтому данный проект остался совершенно равнодушен к российской колонизации Уссурийского края, который оказался далеко на периферии геополитических интересов империи. «Кругобайкалье» же, в свою очередь, поддерживает российскую колонизацию черноземного пояса Маньчжурии, опирающуюся на Китайско-Восточную и Южно-Маньчжурскую железные дороги⁸.

В случае успеха такого проекта Россия могла вытеснить Британию (и другие европейские державы) со всей территории Азии просто по причине более короткого транспортного плеча, и, соответственно, спустя непродолжительное время она уже могла бы контролировать и все южное побережье Азии (римленд) от Красного моря до Желтого. С севера эту систему смыкает собственно территория Российской империи, скрепленная широтной Транссибирской железнодорожной магистралью (либо более динамичный, но и более рискованный вариант – Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги). Владение замыкается в некое образование, которое в стиле геополитических идей можно было бы назвать «Остров Азия».

В любом случае в Российской империи, по-видимому, так далеко экспансионистские планы не распространялись. Идейной основой могли бы послужить «восточные» мысли князя Эспера Ухтомского или Петра Бадмаева, но они не были широко распространены в российском обществе и в политической элите. Да и временные рамки реализации такого проекта также были весьма ограничены: была необходима железная ось Транссиба (либо КВЖД), а она была построена уже на излете Российской империи. Кроме того, без сомнения, реализация такого проекта могла быть следствием только победы в еще одной большой мировой войне, противниками в которой должны были быть Великобритания, Франция и США. Вероятность такой победы также

была бы не безусловна. Несмотря на чрезвычайную маловероятность подобной попытки со стороны Российской империи, кажется, ее возможность предусматривалась внешней политикой Великобритании. Достаточно вспомнить ее поддержку Турции на протяжении почти всего девятнадцатого века⁹ и Японии в начале двадцатого, которые можно трактовать как успешную попытку нейтрализовать этот гипотетический план расширения сферы влияния Российской империи в Азии.

Наконец, хотелось бы еще раз отметить странную мистическую многовековую тягу России к овладению Проливами, сопровождающуюся такими же многовековыми неудачами либо всегда половинчатыми успехами. Характерно, что ситуация на обоих концах этого «захвата» была схожа: удалось поставить Владивосток, а нужен был Порт-Артур; удалось основать Севастополь, а нужен был Стамбул.

Прошло сто лет после доклада В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Сегодня трудно сказать, предполагал ли ученый развитие геополитического влияния Российской империи, охватывающего всю Азию, но, по-видимому, его мысли были рядом с этой идеей. Могла ли эта идея стать основой политической доктрины России? Нам не удалось найти этому подтверждения. Но надо признать, что этот вариант решал полностью вопрос колонизации собственно России (ее восточных окраин), так как их роль в новой большой азиатской системе становилась предельно значимой. Создание «колониционных баз» вдоль осевых широтных железных дорог действительно в таком случае оказывалось оправданным и эффективным. Полученная система одновременно становилась и системой «от моря до моря», и кольцеобразной, а значит – весьма устойчивой. Однако время возможной реализации этого гипотетического проекта ушло вместе с поражением России в Первой мировой войне и последовавшим хаосом войны Гражданской.

⁸ Примечательно, что через 30 лет после публикации данного доклада Семёнова-Тян-Шанского преемник Российской империи СССР вновь в течение 10 лет контролирует Порт-Артур. Национальные интересы достаточно стабильны во времени.

⁹ А кроме того, покупка Британией у Исмаил-паши в 1875 г. доли Порты в Суэцком канале, а также передача ей острова Кипр в 1878 г.

Возможно, интуитивно политическая элита того времени подходила к такому пониманию российской внешнеполитической стратегии. Достаточно вспомнить путешествие цесаревича Николая (будущий император Николай II) в 1890–1891 гг. Нетрудно заметить, что этот маршрут (а также пункты, в которых останавливалась делегация) [7] в целом очерчивает несколько большую сферу азиатских интересов Российской империи, чем обычно считается, когда мы говорим о ее «восточной политике».

В.П. Семёнов-Тянь-Шанский не отвлекается на историософские рассуждения о роли и призвании России, о ее месте на Западе, или Востоке, или между ними. Он, можно сказать, сторонник «реальной политики». И он имел смелость представить будущее. Оно получилось другим, но это не причина, чтобы нам сегодня высокомерно пренебрегать мнением столетней давности.

Ученый предложил план развития России, как ему казалось в то время, логичный, естественный и выполнимый. Возможно, именно произошедшее буквально через несколько лет как раз и было совсем нелогичным, неестественным и неожиданным. Но его «будущее» и наша история не совпали. Ценность работы в другом: трудно сказать, было ли это намерено сделано, или нет, но, читая текст, подсознательно пытаешься продолжить его основные тезисы, будто заполнить существующие лакуны. Чтение превращается не в источник информации, а скорее

в источник размышлений по теме, которая во времена В.П. Семёнова-Тянь-Шанского еще не была артикулирована, а именно «национальный интерес». А ведь он подчиняется не только истории, но и географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.В., Зеленов Е.И., Якунин В.И. Геополитика в России: Между Востоком и Западом. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 304 с.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Памяти Вениамина Петровича Семёнова-Тянь-Шанского. М. : ОГИ, 2001. 558 с.
3. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // ПОЛИС. 1995. № 4. С. 162–169.
4. Межуев Б. Моделирование понятия «национальный интерес». [На примере дальневосточной политики России конца XIX – нач. XX века]. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling/> (дата обращения: 11.09.2012).
5. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. 527 с.
6. Полян П.М. Вениамин Петрович Семёнов-Тянь-Шанский: 1870–1942. М. : Наука, 1989. 127 с.
7. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Наследника, Цесаревича и Великого князя Николая Александровича, с подробностями злодейского покушения 29 апреля в городе Оцу / сост. М. Денисьевский. СПб., 1891. 35 с.
8. Семёнов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Изв. Император. Рус. геогр. о-ва. Петроград, 1915. Т. 51, вып. 8. С. 425–457.

МИРОВОЙ РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ

Рассматриваются тенденции развития мирового рынка образовательных услуг и место в нем Российской Федерации. Анализируется государственная политика по расширению экспорта российских образовательных услуг.

Ключевые слова: мировой рынок образовательных услуг, государственная политика, Россия, федеральный университет.

International education market: modern trends and Russian policy. DARIA E. KUTSYKH (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

This article performs the modern trends of international education market and the place of Russian Federation at this market. There have been analyzed the government policy in expansion of Russian educational services.

Key words: international education market, government policy, Russia, federal university.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовали собой эпоху важных перемен во многих сферах общественной жизни: экономике, политике, культуре, образовании. Не в последнюю очередь к их числу относится существенное увеличение значимости знаний, информации, а вместе с ними и человеческого капитала, которые превращаются сегодня в один из главных факторов дальнейшего развития общества.

В этих условиях современное образование приобретает новое качество и характеризуется новыми тенденциями. К числу последних, по мнению большинства отечественных и зарубежных специалистов, относятся гуманизация, гуманитаризация, дифференциация, диверсификация, коммерциализация, стандартизация, многовариантность, многоуровневость, фундаментализация, информатизация, индивидуализация и непрерывность. Данная статья посвящена рассмотрению одной из них – коммерциализации высшего образования, а точнее, мировой торговле образовательными услугами и участию в ней российских вузов.

В 1995 г. Всемирной торговой организацией (ВТО) было принято Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), содержащее принципы, составляющие основу многосторонней правовой системы, регулирующей торговлю услугами, а также Классификационный перечень секторов услуг, в котором образовательные услуги впервые были выделены в отдельный сектор. С этого момента можно говорить о сформировавшемся в основных чертах мировом рынке образовательных услуг и упорядочении принципов его регулирования. Мировой рынок образовательных услуг, как полагают И.А. Айдрус и В.М. Филиппов, представляет собой «совокупность образовательных услуг, потребляемых за рубежом гражданами разных стран, а так же образовательных услуг, оказываемых иностранными учреждениями на внутренних рынках» [1, с. 5].

Образование в XXI в. становится одним из наиболее быстро развивающихся секторов мировой торговли услугами. По данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2009 г. количество сту-

*КУЦЫХ Дарья Евгеньевна, специалист Департамента обеспечения международного образования (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток). E-mail: green36@yandex.ru

© Куцых Д.Е., 2013

дентов, выезжающих за рубеж с целью получить высшее образование, по сравнению с 2006 г. выросло на 22% и достигло 3,369,242 чел. [14, с. 198]. К 2025 г., согласно прогнозу ЮНЕСКО, численность иностранных студентов достигнет 7,2 млн чел. [14, с. 10]. Лидерами мировой торговли образовательными услугами являются страны Северной Америки, Западной Европы и некоторые другие государства АТР. Почти 60% от общего количества иностранных граждан, получающих образование за рубежом, приходится на США (19,6%), Великобританию (11%), Австралию (7,6%), Францию (7,4%), Германию (6%), Японию (4%), Россию (4%) [14, с. 194]. Несмотря на то что список стран-лидеров мировой торговли образовательными услугами на протяжении последних десятилетий практически не меняется, существует тенденция к сокращению их доли на рынке. Например, по сравнению с 2006 г. доля США сократилась на 1,6%, Великобритании – на 1%, Германии – на 3,4%, Франции – на 2,6%. Одновременно с этим появляются новые региональные страны-лидеры по обучению иностранных граждан: КНР (1,8%), Республика Корея (1,5%), Малайзия (1,2%) и Сингапур (1,2%) [14, с.196].

Практически 30% всех иностранных студентов, выезжающих за рубеж, приходится всего на 4 страны: КНР (15,1%), Республика Корея (3,7%), Индия (5,8%), Германия (2,7%) [14, с. 204]. Специальности, которые студенты выбирают для обучения за рубежом, это бизнес и управление (23%), инженерные науки (14%), гуманитарные науки и искусство (14%), социальные науки и право (13%) [16]. Основными сегментами мирового рынка образовательных услуг являются услуги в области начального, среднего и высшего образования, услуги по образованию для взрослых и иные, не включенные в другие сегменты, образовательные услуги.

В соответствии с положениями ГАТС торговля образовательными услугами осуществляется четырьмя способами, в число которых входят [13]:

1. «Потребление за рубежом». Предполагает перемещение потребителя в страну, где производится услуга. В отношении образовательных услуг это получение образования лицами на территории иностранного государства. Данный способ наиболее распространен на мировом рынке образовательных услуг.

2. «Трансграничный» способ. В этом случае границу пересекает только сама услуга, а потребитель и производитель в этот момент находятся на территории разных государств. Применительно к образованию это получение дистанционного образования. Такой способ поставки услуг стал возможным в результате развития коммуникационных технологий.

3. «Коммерческое присутствие». Организация поставщиком услуги одной страны коммерческого присутствия на территории другой, где должна оказываться услуга. Например, учреждение филиалов, представительств на территории других государств. Данный способ становится все более привлекательным для стран-экспортеров, т. к. позволяет охватывать те группы иностранных граждан, которые не имеют возможности выехать за рубеж для получения образования. К примеру, с сентября 2006 г. количество филиалов кампусов зарубежных университетов в мире увеличилось на 43% [4].

4. «Присутствие физических лиц» предполагает перемещение физических лиц с территории одного государства на территорию другого для оказания услуги. В отношении образовательных услуг это мобильность преподавателей для работы за границей.

Расширение экспорта образовательных услуг стало одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики многих стран. Растущий интерес государств к развитию данного сегмента мирового рынка услуг можно объяснить рядом причинами.

Во-первых, обучение иностранных граждан в вузах страны в настоящее время приносит все большие экономические выгоды в виде платы за обучение, проживание, питание, транспорт, развлечения и т. д. Например, в 2008 г. образование было третьей по величине статьёй экспорта в Австралии, пятой статьёй – в США и Великобритании [15]. В 2008 г. доходы от обучения иностранных граждан в Австралии составили 12,6 млрд долл. США [15], в Соединенных Штатах – 20 млрд долл. США [17], в Великобритании – 14,1 млрд фунтов стерлингов [12].

Во-вторых, в борьбе за привлечение иностранных студентов учебные заведения стремятся обеспечить качество образования в соответствии с международными требованиями. Включение

в образовательный процесс международных компонентов неизбежно приводит к реформированию системы подготовки специалистов и повышению конкурентоспособности образовательного учреждения в международном образовательном пространстве.

В-третьих, подготовка кадров для зарубежных стран приобретает все большее значение в части распространения государством своих достижений в области науки и технологий, языка, ценностей и культуры, которые тем или иным образом оказывают влияние на формирование имиджа и положения страны в мировом сообществе.

Наконец, как отмечают Л.Ю. Горшкова, И.Н. Зорников, О.В. Воинова, иностранные студенты становятся также важным источником увеличения численности населения, средством улучшения демографической ситуации и трудового потенциала страны [6]. Так, проводя активную иммиграционную политику, США, Канада, Австралия и ряд государств Европы получают за год примерно 1 млн высококвалифицированных специалистов из числа иностранных граждан, обучающихся в вузах этих государств [11].

В конце 80-х гг. СССР занимал третье место после США и Франции по количеству обучаемых иностранных студентов (126,5 тыс. чел., или 10,8% от общемировой численности иностранных студентов) [3, с. 350]. Основной контингент иностранных граждан, получающих российское образование, приходился на дружественные СССР страны. Доля студентов из Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы составляла практически 80% [2]. Наиболее популярными специальностями, которые выбирали для обучения иностранные студенты, являлись инженерно-технические (53%), естественнонаучные и социально-гуманитарные (18%), медицина и фармацевтика (17%) [3, с. 29]. Основным способом предоставления советскими учебными заведениями образовательных услуг было обучение иностранных граждан по программам среднего и высшего профессионального образования по очной форме обучения, а также в качестве слушателей и стажеров на территории СССР.

Кроме того, СССР довольно активно проводил политику по обучению иностранных граждан на территории страны проживания, оказывая экономическое и техническое содействие

странам социалистического лагеря в создании высших учебных заведений, средних специальных учебных заведений, учебных центров профессионально-технического образования, общеобразовательных школ. Таких учебных заведений в 1989 г. в дружественных СССР странах насчитывалось порядка 500. По данным, приведенным в работах А.Л. Арефьева, с участием советских преподавателей и по изданной в СССР учебно-методической литературе обучались более 60 тыс. чел. [2, с. 58]. Также поощрялось открытие за рубежом филиалов советских высших учебных заведений. Например, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина имел филиалы в 14 странах мира [2, с. 58].

К середине 90-х гг. XX в. ситуация изменилась и Россия стала утрачивать лидирующие позиции на мировой арене в части подготовки кадров для зарубежных стран. В 1996 г. в вузах на территории Российской Федерации обучалось всего 66,9 тыс. иностранных граждан, практически в два раза меньше, чем в 1991 г. [3]. Такое снижение количества иностранных студентов объясняется теми явлениями, которые повлек за собой распад СССР. Во-первых, были утрачены тесные экономические и научно-технические связи со многими новыми государствами – бывшими союзными республиками. А в них ранее обучалось порядка 30% иностранных студентов [3]. Во-вторых, начавшийся переход к рыночной экономике привел к сокращению государственных расходов на содержание системы образования. В связи с этим уменьшилось количество государственных стипендий зарубежным странам для обучения и повышения квалификации их граждан, были закрыты многие зарубежные филиалы и представительства российских вузов. Недостаточное финансирование образовательной сферы привело к устареванию материально-технической базы многих учебных заведений (учебных аудиторий, научных лабораторий, общежитий), а также к оттоку квалифицированных российских кадров за рубеж. Все это не могло не сказаться на снижении качества российского образования и на его престиже на мировом рынке образовательных услуг.

Кроме этого расцвет в 90-х гг. криминализации российского общества, проявление расовой неприязни и экстремизма по отношению к ино-

странным гражданам снизили привлекательность и популярность российского образования за рубежом.

Только к 2006 г. России удалось достигнуть уровня Советского Союза по обучению иностранных граждан. В 2009 г. в РФ обучалось уже порядка 140 тыс. иностранных студентов (7-е место в мире по количеству иностранных студентов) [14]. Сегодня основной объем оказания платных образовательных услуг для граждан других государств приходится на высшие учебные заведения. Важнейшим сегментом этого рынка является очная форма обучения иностранных граждан, т. к. она приносит наибольшие доходы. Основными импортерами российских образовательных услуг выступают страны СНГ (35,6%) и Азии (38,7 %) [3 с. 68].

Крупным сегментом экспорта отечественного образования является деятельность зарубежных филиалов и других структурных подразделений российских вузов. В настоящее время они находятся в 10 совместных университетах, институтах, колледжах, в 50 зарубежных филиалах и более чем в 190 различных зарубежных структурных подразделениях российских вузов (как государственных, так и негосударственных) или ассоциированных с ними национальных образовательных учреждений [2, с. 108].

Все эти перемены в значительной степени были обусловлены провозглашением Россией в начале 2000-х гг. подготовки национальных кадров для зарубежных стран в качестве важной составной части внешнеэкономической деятельности. Данное положение было закреплено в принятой Правительством РФ в 2002 г. Концепции государственной политики в области подготовки национальных кадров для зарубежных государств в российских образовательных учреждениях, которая представляет собой систему взглядов на цели, задачи, приоритетные направления международной деятельности Российской Федерации в области подготовки специалистов для зарубежных стран. Приоритетные направления международной деятельности в этой сфере включали: 1) научно-методическое и нормативно-правовое сопровождение экспорта образовательных услуг; 2) расширение доступа иностранных граждан к получению российского образования; 3) расширение спектра экспортиру-

емых образовательных услуг и развитие способов их предоставления; 4) обеспечение международного измерения качества образовательных услуг; 5) обеспечение признания документов об образовании и ученых степенях; 6) информационно-рекламные и организационные мероприятия по продвижению экспорта образовательных услуг.

Одновременно с этим в последние годы Российская Федерация пытается проводить модернизацию системы образования на всех уровнях, призванную способствовать повышению качества и конкурентоспособности российского образования на мировой арене. Одним из приоритетных направлений модернизации высшего образования является создание крупных региональных образовательных и научных центров, а именно 29 национальных исследовательских и 9 федеральных университетов. Стратегическая задача этих высших учебных заведений заключается не только в формировании и развитии конкурентоспособного человеческого капитала для экономики страны, но и в интеграции российской системы образования в международное образовательное пространство.

Научно-исследовательские и федеральные университеты должны сыграть ключевую роль в расширении Российской Федерацией экспорта образовательных услуг, о чем свидетельствуют Программы развития федеральных университетов. Например, к 2020 г. доля иностранных студентов, обучающихся в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, должна составить 21% [7]; доля иностранных граждан, обучающихся на бюджетной основе по очной форме обучения, в общем количестве таких студентов в Казанском федеральном университете достигнет к 2019 г. 3,2% [9]; доля иностранных студентов, обучающихся в магистратуре и аспирантуре, в общей численности магистрантов и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова ожидается к 2020 г. на уровне 5% [10].

Особая миссия в части интернационализации российской высшей школы и расширения экспорта образовательных услуг отводится Дальневосточному федеральному университету. Создание на Дальнем Востоке «интегрированного комплекса образования, науки и бизнеса как центра инновационно-технологического развития

и подготовки кадров международного уровня» должно стать мощным фактором, способствующим интеграции Российской Федерации в АТР.

В соответствии с установками Программы развития Дальневосточного федерального университета к 2019 г. количество иностранных студентов в общей численности обучающихся по очной форме должно достигнуть 25% (или 7,5 тыс. чел.). Кроме того, Программа развития предполагает вхождение университета к 2019 г. в топ-300 международного рейтинга вузов QS, доведение количества публикаций в зарубежных изданиях, индексируемых иностранными и российскими организациями (Web of Science, Scopus), до 400, ежегодное проведение порядка 60 международных мероприятий (конференций, выставок, ярмарок, симпозиумов), а также создание к 2019 г. совместно с представителями стран Азиатско-Тихоокеанского региона 30 центров научной, культурной и деловой коммуникации [8].

Ряд объективных и субъективных факторов может положительным образом сказаться на увеличении контингента иностранных студентов в Дальневосточном федеральном университете. Во-первых, наличие государственной финансовой поддержки в размере 1 млрд руб. ежегодно до 2014 г., направляемой на кадровое развитие вуза, реализацию новых моделей образовательного процесса, формирование университетской инфраструктуры, развитие инновационной составляющей деятельности университета и т. п. [8]. Во-вторых, благоприятное географическое расположение и близость к динамично развивающемуся рынку Азиатско-Тихоокеанского региона, основного поставщика иностранных студентов. В 2009 г. из стран АТР выехало за рубеж на обучение 945 637 чел. [14]. Еще одним из факторов, позволяющих повысить качество и привлекательность образовательных услуг для иностранных граждан, является интернационализация образовательного процесса, проводимая в рамках Программы развития ДВФУ и направленная на создание международных образовательных программ на русском и английском языках, проведение международной аккредитации этих образовательных программ, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в зарубежных вузах и научно-образовательных центрах, привлечение на работу в ДВФУ ведущих за-

рубежных ученых, и т. п. Наконец, строительство отдельного кампуса ДВФУ на о. Русский позволит обеспечить комфортные и безопасные условия проживания для иностранных студентов.

Тем не менее необходимо напомнить и о некоторых тенденциях, которые способны оказывать негативное влияние на увеличение контингента иностранных граждан, обучающихся по образовательным программам ДВФУ. Мировой рынок образовательных услуг характеризуется высокой конкуренцией за иностранных студентов среди стран-экспортеров образовательных услуг. Учебными заведениями, как отмечает Л.К. Большакова, используется в конкурентной борьбе целый ряд инструментов и методов: позиции в международных рейтингах вузов, реализация программ, мобильность студентов и различные стипендиальные программы и фонды, система аккредитации программ и вузов, предвузовская подготовка, а также вневузовские факторы (условия получения визы и жизни в стране, безопасность, возможность частичной занятости и др.) [5]. Российские вузы в целом и ДВФУ в частности проигрывают своим зарубежным конкурентам в использовании вышеуказанных методов. Также следует отметить такие негативные факторы, как недостаточность нормативно-правового обеспечения международной деятельности университетов в области экспорта образовательных услуг в РФ, трудности с признанием российских дипломов на международном рынке труда, в частности на рынке стран АТР, снижение объемов бюджетного финансирования в рамках контрольных цифр приема, предоставляемых иностранным гражданам для обучения.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что мировая торговля образовательными услугами развивается очень быстрыми темпами и приносит странам-участникам торговли значительные экономические и политические выгоды. Удержаться на лидирующих позициях на мировом рынке образовательных услуг становится все труднее. Роль Российской Федерации на рынке имеет тенденцию к снижению в связи с тем, что темпы прироста иностранных студентов отстают от общемировых показателей. Поэтому Россия провозгласила развитие экспорта образовательных услуг одним из приоритетных направлений государственной политики. Что ка-

сается федеральных университетов, то на них сегодня правительством РФ возлагается особая миссия не только по повышению конкурентоспособности российского образования, но и по интеграции его в международное региональное образовательное пространство. Одним из примеров является Дальневосточный федеральный университет, который призван стать научно-образовательным центром мирового уровня – в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдрус И.А., Филиппов В.М. Мировой рынок образовательных услуг. М. : РУДН, 2008. 194 с.
2. Арефьев А.Л. Тенденции экспорта российского образования. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 240 с.
3. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 2. Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : ЦСПиМ, 2009. 356 с.
4. Беккер Р. Филиалы зарубежных университетов: новые тенденции и направления. Международное высшее образование. 2010. № 58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/25/295/> [дата обращения 10.12.2012].
5. Большакова Л.К. Конкуренция на международном рынке образовательных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/economy-411/world-economy-and-international-economic-relations-411/10792-411-0809> [дата обращения 11.12.2012]
6. Зорников И.Н. Экспорт образовательных услуг: зарубежный опыт и российская практика // Вестн. ВГУ. 2003. № 2. 59–65 с.
7. Программа развития ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» на 2011–2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kantiana.ru/federal/progamm_bfu/program_bfu.pdf [дата обращения 10.12.2012].
8. Программа развития ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» на 2010–2019 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitia/prilozenie-1> [дата обращения 10.12.2012].
9. Программа развития ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» на 2010–2019 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fedu/index.php?id=4> [дата обращения 10.12.2012].
10. Программа развития ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» на 2010–2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narfu.ru/university/docs/program/> [дата обращения 10.12.2012].
11. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Россия на мировом рынке образовательных услуг // Демоскоп weekly. 2003. № 97/98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/097/analit03.php#1> [дата обращения 10.12.2012].
12. Conlon G., Litchfield A. Sadlier G. Estimating the Value to the UK of Education Exports. June 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bis.gov.uk/assets/biscore/higher-education/docs/e/11-980-estimating-value-of-education-exports> [дата обращения 10.12.2012].
13. General Agreement on Trade in Service, 15.04.1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docsonline.wto.org/GEN_highLightParent.asp? [дата обращения 10.12.2012].
14. Global Education Digest 2011: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO- UIS, 2011. 310 p.
15. Hall G, Hooper K. Australia's Export of Education Services. Bulletin. Reserve Bank of Australia. June 2008. 17 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2008/jun/pdf/bu-0608-2.pdf> [дата обращения 10.12.2012].
16. Hendrik van der Pol. New trends in international student mobility. UIS. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uis.unesco.org/template/pdf/ged/2009/UIS_press_conference_presentation.pdf [дата обращения 10.12.2012].
17. Sánchez F. No Better Export: Higher Education // The Chronicle of Higher Education, April 3, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chronicle.com/article/No-Better-Export-Higher/126989/> [дата обращения 10.12.2012].

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Эффективное регулирование миграционных процессов позволяет создать условия для устойчивого развития страны, соблюдения прав и свобод человека, а также повышения качества жизни населения Российского государства. На фоне роста компенсаторной роли миграции в формировании населения Дальнего Востока России серьезно изменяется социально-демографический и этнический состав постоянных и временных трудовых иммигрантов.

Ключевые слова: национальная безопасность, миграционная политика, Дальний Восток России, экстремизм, национальный интерес, трудовое право, социальная защищенность.

Migration in the Russian Far East: experience, challenges, prospects for development.
IRINA K. SHUVALOVA, (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

Migration in the Far East of Russia has its peculiarities. Effective regulation of migration processes allows to create the conditions for sustainable development of the country, the observance of human rights and freedoms, as well as improving the quality of life of the population of the Russian state. In the context of the growth of the compensatory role of migration in the formation of the population of the Russian Far East we can see a serious change in the socio-demographic and ethnic composition of the permanent and temporary labour immigrants.

Key words: National security, migration policy, the Russian Far East, extremism, national interests, employment law, social protection.

Миграция населения представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое связано с различными сторонами хозяйственной и социально-политической жизни общества, формированием и проявлением тенденций их изменения. В современных условиях важнейшими факторами, определяющими динамику социально-экономических процессов, выступают мобильность и миграция населения. Для большего числа стран важным фактором социально-экономического развития становится международная миграция населения, способствующая формированию гибкого рынка труда, приобщению развивающихся стран к достижениям мирового научно-технического и общественного процесса, более рациональному использованию трудовых ресурсов, взаимодействию и взаимообогащению.

На современном этапе развития Российского государства проблема формирования и реализации обдуманной и эффективной миграционной политики, основанной на стратегическом планировании и отвечающей национальным интересам государства, актуализировалась как никогда ранее.

Разные периоды российской истории характеризуются существенными различиями в масштабах, содержании, направленности миграции, ее ролию и местом в воспроизводственном процессе.

Анализируя подходы российских авторов, можно выделить три основных периода развития миграционных процессов¹. Первый период – XVIII в. –

¹ Работы таких ученых, как: Ж.А. Зайончковская, Т.И. Заславская, В.М. Кабузан, А.А. Кауфман, М.К. Любаский, В.И. Моисеенко, В.И. Переведенцев, В.В. Покшишеский, Л.Л. Рыбаковский, А.В. Топилин, И.А. Ямзин, Б.С. Хлрев, Д.К. Шелестов и др.

*ШУВАЛОВА Ирина Константиновна, аспирант Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: shuvalova67@yandex.ru
© Шувалова И.К., 2013

начало XX в. – характеризуется центробежным, колонизационным характером миграционных процессов, способствовавшим не только формированию и развитию Российской империи, Российского государства, но и сохранению и развитию входящих в нее новых территорий Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока и др.

Второй период развития миграционных связей, который начинается с момента создания советского государства и заканчивается моментом его распада (1917–1991 гг.), изобилует многочисленными катаклизмами и катастрофами военного и политического характера, обусловившими многообразие форм и типов миграционных потоков между Россией и ее бывшими губерниями и краями. Характеризуя миграционные процессы советского периода, нельзя не остановиться на проблеме депортации народов СССР в 1930–1950 гг., когда национальная политика советского правительства была направлена на создание сильной централизованной власти, ориентированной на политический контроль и надзор за отдельными народами, национальными меньшинствами. Установление советской власти в России привело к зарождению нового вида миграции – принудительного изъятия определенных слоев населения из мест постоянного проживания и перемещение их в места ограничения свободы. Основным приоритетом регулирования миграции в советский период являлось создание такой нормативно-правовой базы, которая ограничивала свободное территориальное перемещение населения, не связанное с решением общегосударственных интересов.

Третий период (с 1991 г.) развития миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками в своем роде является уникальным, в силу очень резких, кардинальных политических изменений и связанного с ними появления ближнего зарубежья, превратившего межреспубликанские миграции в международные, требующие принципиально иной миграционной политики.

Социально-политические перемены, которые произошли в нашей стране в конце XX столетия, особенности глубокого и затяжного трансформационного кризиса, охватившего базовые принципы организации общества и вызвавшего распад СССР, принципиально изменили развитие миграционных процессов и их основные черты и характеристики. За пределами России оказались 25,3 млн русскоязычного

населения, резкое ухудшение условий их жизни во многом определило обвальный, стихийный характер миграции из ряда стран ближнего зарубежья в Россию [5, с. 240–244].

В XXI в. во всем мире увеличился поток трудовых мигрантов из числа представителей титульных наций ближнего и дальнего зарубежья. Они, как правило, не стремятся к ассимиляции в принимающем обществе. Усложнилась этническая структура многих стран и регионов, в среде мигрантов получило распространение такое явление, как культурный шок, а среди принимающих групп населения – ксенофобия, национальный фундаментализм, переходящий в шовинизм. В результате миграции возросла также социальная напряженность, прежде всего на рынке труда, несмотря на то что миграция в условиях демографического спада даже не компенсирует естественную убыль коренного населения [7, с. 304–307].

В Российской Федерации пока нет четко выраженных приоритетов в сфере социально-культурной адаптации мигрантов. В этом потоке, как легальном, так и нелегальном, велика роль инокультурных иностранных граждан. Незнание такими мигрантами российских реалий затрудняет для них поиск работы, делает беззащитными перед теневыми предпринимателями. Более того, приток указанной категории мигрантов при сокращении коренного населения из-за депопуляции ведет к нежелательным изменениям в этнической структуре населения России.

С принятием в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. начался переход на качественно новый уровень регулирования трудовой миграции, дающий возможность формировать потоки трудовой миграции в соответствии с потребностями российского рынка труда, чтобы перейти к селективной миграционной политике. Совершенствование миграционной политики России позволяет встроить дальновидную и последовательную миграционную политику в общую стратегию национального развития, преодолеть межведомственную несогласованность в ее реализации, сформировать консенсус общества и государства в вопросе привлечения мигрантов.

Рассматривая миграционные процессы на российском Дальнем Востоке, следует отметить, что миграционная политика государства имеет важнейшее значение для хозяйственно-экономического, социального и культурного развития региона, которое многие десятилетия было напрямую привязано к миграционным потокам.

В условиях централизованной административно-плановой экономической системы Дальний Восток развивался как составная часть единого народнохозяйственного комплекса страны. Этим обуславливалась стратегия размещения производительных сил, основных фондов и капиталовложений, расселения населения и т. п. Приоритет в региональной политике центра по отношению к региону всегда был связан с решением общенациональных задач. На всем историческом пути освоение региона развивалось при государственной поддержке. Этим определялись общеэкономические и геополитические интересы государства. Особый ресурсный подход к развитию хозяйства требовал и специфических средств, способных обеспечить достижение целей в чрезвычайных условиях (ударные комсомольские стройки г. Комсомольска-на-Амуре, БАМ, Зейская ГЭС, порт Восточный и др.).

Однако даже при использовании программно-целевого подхода в освоении Дальнего Востока нередко в стороне оставались вопросы создания специальной инфраструктуры, связанные с потребностями работников в жилье, школах, медицинском и культурно-бытовом обслуживании. Несмотря на ряд правительственных программ ускоренного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, так и не удалось разрешить острую проблему выравнивания уровней социально-экономического развития различных регионов страны.

С началом третьего этапа развития миграционных процессов происходят существенные изменения в численности и направленности миграционных потоков на Дальнем Востоке: с конца 80-х годов начинается процесс оттока активного трудоспособного населения в европейскую часть России, что, естественно, негативно отражается на развитии региона в целом.

Динамика изменения численности в регионах Дальнего Востока приведена в таблице, где показано, что только за период с 2005 по 2010 г. население Дальнего Востока уменьшилось на 617 500 чел. [1].

Для увеличения базы воспроизводства населения и обеспечения народнохозяйственного комплекса трудовыми ресурсами в ДВФО много надежд возлагается на миграцию. Но, к сожалению, миграция из фактора прироста населения превратилась в фактор его сокращения. В 2008 г. в общей потере населения из-за миграции на долю трудоспособных граждан пришлось 64,4%, в 2009 г. этот показатель еще более ухудшился – 67,2% [1]. В общем миграционном оттоке в 2009 году лица моложе трудоспособного возраста составили 12,9%, т. е. регион теряет и будущий воспроизводственный и трудовой потенциал.

В Дальневосточном федеральном округе, единственном среди федеральных округов России, общий коэффициент миграционного прироста (на 10 000 населения) имел в 2009 г. отрицательное значение (-27,8). Превышение выбывших из округа над прибывшими в него составило 19,1% против 17,1% в 2008 г. [1].

В настоящее время Дальний Восток является стабильным потребителем иностранной рабочей силы и количество иностранных граждан, въезжающих по рабочим визам, здесь будет постоянно увеличиваться.

За 2012 г. в Россию приехали 14 млн трудовых мигрантов. 77% из них – граждане стран СНГ. Мигрантов из Китая насчитывается около 3,5% (в 2012 г. миграция из КНР составила 5,8%). Приток мигрантов из Китая в Россию невелик и сопоставим с числом приезжих из Германии [8].

Исследования показывают, что на фоне роста компенсаторной роли миграции в формировании населения Дальнего Востока России серьезно изменяется социально-демографический и этнический состав постоянных и временных трудовых иммигрантов. Основной приток иммигрантов на постоянное место жительства в Россию происходит преимущественно из стран СНГ: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. На протяжении 1990-х гг. это была «возвратная миграция» русских и представителей народов России, которые возвращались из бывших республик Закавказья и Средней Азии. Однако за последние годы существенно изменился этнический, образовательный, социальный состав иммигрантов из СНГ.

В потоках трудовой иммиграции на Дальний Восток преобладают выходцы из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком (даже для

Изменение численности населения на территории Дальнего Востока в 2005–2010 гг.*

Территория	Численность населения, тыс. чел.		Изменение численности населения за 2005–2010 гг.
	2005 г.	2010 г.	
Российская Федерация	143474,0	142856,5	- 617,5
Дальний Восток	6593,0	6293,1	- 299,9
Республика Саха (Якутия)	950,7	958,5	+7,8
Еврейская ОА	188,8	176,5	- 12,3
Чукотский АО	50,7=	50,5	-0,2
Приморский край	2035,8	1956,4	- 79,4
Хабаровский край	1420,2	11343,8	- 76,4
Амурская область	887,6	830,1	- 57,5
Камчатская область	352,1	322,0	- 30,1
Магаданская область	174,7	156,9	- 17,8
Сахалинская область	532,4	497,9	- 34,5

* Мотрич Е.Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока // http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php [Дата обращения 28.03.2013]; Данные всероссийской переписи населения 2010 г. Россия в цифрах.

объяснения на элементарном уровне). Низок уровень образования мигрантов, в трудовую миграцию в странах Центральной Азии все более активно вовлекаются сельские жители и социально незащищенные слои населения. В странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются также совсем молодые люди, которые получили незаконченное или среднее образование, не имеют опыта жизни в больших городах, элементарных навыков пребывания в городской среде, культуры поведения в обществе. Низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение к ним со стороны местных жителей.

Инфраструктура интеграции мигрантов на Дальнем Востоке, как и в целом в стране, пока практически не развита. В отличие от других стран мира, Россия не имеет в достаточном количестве курсов русского языка, культурно-адаптационных центров, консультационных пунктов, клубов по месту жительства мигрантов и пр.

Следует отметить прогресс в развитии российского законодательства в области регулирования трудовой миграции. В частности, 1 июля 2010 г. вступили в силу поправки в миграционное законодательство, которые дали определенные преференции высококвалифицированным специалистам. Власти декларировали также, что намерены минимизировать контакты профессионалов и их работодателей с ФМС. Однако закон работает только для крупных компаний, но не для университетов и на-

учных институтов. Чтобы это исправить, требуется кардинальное изменение отношения государства к финансированию науки.

В новой концепции миграционной политики декларирована необходимость создания системы оценки потребностей в иностранной рабочей силе, которой пока не существует. Между тем вопрос о том, сколько временных трудовых мигрантов, каких профессий и из каких стран необходимо привлекать, принципиален. В концепции следовало бы четко прописать сдержанную позицию в отношении приема иностранных трудовых мигрантов на основе прозрачной системы квотирования, когда квоты будут закреплены за конкретными работодателями без права их перепродажи.

Главное достижение концепции государственной миграционной политики на период до 2025 г. заключается в ее идеологической направленности. Миграция, в частности, названа ресурсом развития страны [6]. Наряду с традиционными направлениями впервые поставлены на уровень государственного понимания совершенно новые проблемы, которые миграционная политика России ранее просто не замечала. Прежде всего это адаптация и интеграция иммигрантов, миграция инвесторов и предпринимателей, образовательная иммиграция. Концепция-2025 является принципиально новым для России документом по своему масштабу и значимости. Вместе с тем остаются противоречия между декларированием концепции

и практикой регулирования миграционных процессов; властям и обществу предстоит еще много работы в этом направлении.

Итак, суммируя вышеизложенное, можно сделать некоторые выводы:

1) на протяжении многих лет Россия являлась тем центром, миграция из которого в значительной мере определяла позитивное развитие современных государств ближнего зарубежья как в социально-экономическом, так и демографическом плане;

2) миграционные процессы связывают Россию со странами СНГ интенсивными трудовыми и гуманитарными контактами. Россия остается страной, принимающей мигрантов, и это один из факторов ее ведущей роли в регионе бывшего СССР;

3) современные миграционные процессы стали сложнее и разнообразнее, что требует, в частности, усиления теоретических разработок в этой области как с научной, так и с прикладной точек зрения, с целью, в первую очередь, разработки более эффективной миграционной политики в России, которая как своеобразный новый центр может стать интегратором постсоветского содружества;

4) для России, которая исторически развивалась как многонациональное государство, необходима разработка собственных концепций интеграции мигрантов, учитывающих исторический опыт страны, этническую структуру российского населения. Определяющее значение для выбора именно России в качестве страны назначения имеют знание русского языка, унифицированная система профессиональной подготовки, единые представления о квалификационных требованиях, облегчающих не только процесс миграции, но и интеграции в принимающий социум;

5) в современных условиях крайне назрела необходимость в разработке Миграционного кодекса Российской Федерации как единого документа, включающего весь комплекс правового обеспечения новой миграционной политики.

Формирование научно обоснованной и экономически просчитанной миграционной политики предполагает использование эффективного социологи-

ческого и политологического инструментария для постоянного контроля изменений миграционных настроений, отслеживания процесса социальной адаптации мигрантов, научного анализа миграционной ситуации и своевременного принятия мер по корректировке законодательных актов и программ. Первоочередной задачей при формировании целей миграционной политики является нахождение оптимального баланса между стимулированием желательной по демографическим соображениям миграции и ограничением неконтролируемых перемещений, как притока, так и оттока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. // <http://www.gks.ru> [дата обращения 25.04.2013].
2. Мотрич Е.Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока // http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php [дата обращения 28.03.2013].
3. Никифоров Ю.Н., Файзуллина А.Р. Миграционные процессы в Республике Башкортостан // Вестн. Пермского университета. Сер. Политология. Пермь : Изд-во «Пушка», 2007. -№ 1. С. 240–244.
4. Никифоров Ю.Н., Файзуллина А.Р. Миграционные процессы в Республике Башкортостан // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. Пермь : Изд-во «Пушка», 2007. № 1. С. 240–244.
5. Россия в цифрах – 2011. Данные Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>
6. Рязанцев Сергей. Новая концепция регулирования миграции в России // <http://www.inomnienie.ru/debate/13764/> [дата обращения 22.01.13]
7. Файзуллина А.Р. Мигрант как объект этнической нетерпимости // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность / ред. Х.Х. Ишмуратова. Уфа, 2003. С. 304–307.
8. ФМС: китайская миграция России не грозит из-за разницы в климате <http://www.newsvl.ru/society/2012/12/28/234534561/> [Режим доступа 28.12.12]

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ КАНАДЫ В СИСТЕМУ ОБОРОНЫ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА КОЛОНИАЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ (1887–1911 гг.)

В конце XIX – начале XX вв. британское руководство разработало широкомасштабную политику имперской обороны, важной составляющей которой стало привлечение белых переселенческих колоний к участию в войне на стороне метрополии. Одна из главных задач этой политики заключалась в том, чтобы в случае войны Англия могла получить в лице Канады, самого большого и процветающего доминиона империи, полноценного военного партнера. Эта политика планомерно обсуждалась на серии колониальных конференций, проходивших в Лондоне с 1887 по 1911 г.

Ключевые слова: история Канады, система обороны, колониальные конференции.

Canada's participation in the British Empire's defense system and colonial conferences (1887 – 1911). YEKATERINA S. SIMONENKO, (Far Eastern Federal University, Vladivostok).

In the late XIX – early XX centuries British government developed a large-scale policy of imperial defense, a major component of which was the involvement of the white settlers' colonies in a war on the side of the metropolitan country. One of the main goals of this policy was to obtain the military support of Canada in case of war because Canada was the largest and most prosperous dominion of the British empire. This policy was discussed at a planned series of colonial conference held in London in 1887-1911.

Key words: Canadian history, defense system of the British Empire, the colonial conferences.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался изменением международного баланса сил, в результате которого место Великобритании в мире стало не таким безопасным, как в течение предыдущих столетий, когда ее превосходство на морях было неоспоримо. В таких обстоятельствах проблема обеспечения безопасности имперского пространства поднялась на качественно иной уровень развития. Британии пришлось отказаться от англоцентрической модели имперской обороны в пользу привлечения Североамериканского доминиона и других белых переселенческих колоний к участию в коллективной обороне империи. И если на протяжении XIX в. это намерение существовало лишь в теоретической плоскости, то к началу XX в. появилась необходимость его

практического применения. Новая политика имперской обороны планомерно обсуждалась на серии колониальных конференций, проходивших в Лондоне с 1887 по 1911 г.

Впервые проблема создания коллективной системы имперской обороны прозвучала на колониальной конференции 1887 г. из уст министра по делам колоний Дж. Чемберлена. Будучи сторонниками политической интеграции империи, британский министр и его коллеги из Лиги имперской федерации видели лишь два варианта достижения такого единства между метрополией и колониями: торговый союз и сотрудничество в области обороны. Сомневаясь тогда в возможности образования коммерческого союза с автономиями из-за приверженности Англии фритре-

*СИМОНЕНКО Екатерина Сергеевна, к. и. н., старший преподаватель кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

Email: eka-1982.82@mail.ru

© Симоненко Е.С., 2013

ду, Дж. Чемберлен предложил сделать основой для построения имперской федерации общую заинтересованность в укреплении обороны. Однако в приглашении, присланном тогдашнему премьер-министру Канады Дж. Макдональду, было заявлено, что, «по мнению правительства Его Величества, вопрос, который в настоящее время подлежит срочному обсуждению, – это вопрос военной обороны» [1, р. 74], была исключена какая бы то ни было политическая подоплека заявленной для обсуждения проблемы.

В ходе конференции Дж. Чемберлен наметил общее направление политики привлечения Канады в систему обороны Британской империи, оговорив, однако, что основная ответственность по защите всей имперской территории по-прежнему принадлежит метрополии. Источник финансирования коллективной обороны он предложил искать в доходах, получаемых от протекционистских таможенных тарифов. Министр призвал Канаду последовать примеру Австралии и Новой Зеландии, которые согласились выплачивать имперскому правительству ежегодную субсидию в размере 126 тыс. и 20 тыс. фунтов стерлингов соответственно. Эти деньги планировалось тратить на содержание эскадры, базирующейся в территориальных водах австралазийских колоний. В ответ канадская делегация дала понять, что, если британские власти ожидают от нее сходных решений, то они заблуждаются. Канадские представители требовали признать вкладом в коллективную оборону развитие местной инфраструктуры, например строительство железных дорог, по которым могли перемещаться британские войска, переброшенные для защиты территории доминиона. Кроме того, делегаты от доминиона отрицали необходимость увеличения размеров Королевского флота из-за существующей обязанности защищать Канаду. Конференция не достигла никаких практических результатов в плане участия Североамериканского доминиона в обороне империи. Она выполнила лишь информативную функцию, наметив направления будущих консультаций [3, Vol. 1, р. 222]. Канада в целом одобрила принцип разделения общего груза обороны, но не дала обещания применять его.

На колониальной конференции 1897 г., как и десять лет назад, главным идеологом военной интеграции империи выступил Дж. Чемберлен. Он обосновывал свои аргументы, делая упор на

чрезмерные расходы британского правительства на военные нужды. По его подсчетам, содержание флота и вооруженных сил стоило Соединенному Королевству почти 35 млн фунтов стерлингов ежегодно, что составляло больше трети всего бюджета. По его мнению, все эти средства шли не столько на защиту британских островов, сколько на ликвидацию колониальных вооруженных конфликтов. Именно поэтому метрополия должна привлечь доминион к участию в обороне путем прямых и регулярных вкладов в британское казначейство. Между тем британские власти отдавали себе отчет не только в финансовой, но и в политической значимости политики денежных вкладов. Британский морской министр Дж. Гошен заявил, что колониальные субсидии окажутся «каплей в море», но они «обеспечат между адмиралтейством и колониями определенные связи, которые мы ценим» [16, р. 118].

На конференции 1897 г. канадская делегация имела собственную позицию, отличную от точки зрения британских властей. Новый премьер-министр доминиона либерального толка У. Лорье отказался от любых оборонных обязательств. Он подходил к сотрудничеству в этой области с осторожностью, заявив, что канадский парламент ни за что не проголосует за субсидии на содержание флота, если его будут контролировать английские адмиралы.

В области сухопутной обороны Дж. Чемберлену удалось добиться введения принципа унификации. Этот принцип означал принятие единых стандартов в организации, обучении, снабжении вооруженных сил на всем имперском пространстве. Британский министр предложил организовать обмен целыми войсковыми соединениями так, чтобы, например, полк канадской милиции имел возможность на определенный период влиться в состав британской армии, и наоборот. Более того, стремления Дж. Черберлена шли дальше: имперское военное сотрудничество достигло бы принципиально нового уровня, если в ходе пребывания на территории Соединенного Королевства канадские отряды согласились бы участвовать в военных операциях в составе британской армии. Однако из отчета конференции видно, что канадский премьер-министр не дал никаких обещаний, кроме ревизии предложенного обмена [10, р. 220 – 221],

а министр милиции Ф. Борден пригласил британских специалистов оценить состояние канадских военных укреплений и предложить схему их реконструкции. Впоследствии была сформирована соответствующая комиссия, проведена проверка и канадскому правительству были даны соответствующие рекомендации.

До англо-бурской войны военная ответственность Канады в мирное время была ограничена местной обороной. В военное время обязанность её защиты была возложена на регулярную британскую армию. Военно-политическое руководство и широкая общественность Великобритании полагали, что в случае войны Канада добровольно объединится с метрополией для защиты своей территории, однако до 1900 г. оставалось неясным, на какой основе и в какой форме это сотрудничество будет строиться. Между тем колониальные отряды, призванные на имперскую службу, имели для метрополии особую политическую ценность. Кроме Великобритании в Европе не было стран, которые проводили политику привлечения белого населения зависимых территорий для такой службы. В 1900 г. британский генерал Дж. Френч подготовил схему сухопутной обороны империи, в которой важным пунктом стало создание колониальных резервов для службы на благо империи. В мирное время они должны были выполнять традиционные гарнизонные обязанности, а в случае войны были призваны доукомплектовывать регулярные британские отряды до штатов военного времени [13, р. 62].

В 1901 г. предложения генерала применительно к Канаде конкретизировал полковник британского Генштаба Ф. Элтхем. По его мнению, схема сухопутной обороны доминиона должна была ориентироваться, в первую очередь, на потенциального противника в пределах американского континента. В случае войны с США безопасность Канады полностью зависела от местной милиции до прибытия подкреплений из метрополии. Изучив современное состояние канадской милиции, он сделал вывод о ее профессиональной непригодности и рекомендовал в качестве наилучшего способа сотрудничества в области имперской обороны «превратить милицию доминиона в эффективную военную силу» [13, р. 51]. В таких обстоятельствах обеспечить

сколько-нибудь значительный резерв для имперской службы Канада не могла до тех пор, пока не была проведена реформа и не увеличена численность канадской милиции. До тех пор Ф. Элтхем предложил ограничить канадский резерв для имперской службы дивизией полевой артиллерии и бригадой пехоты общей численностью 3 тыс. чел. [13, р. 51]

В случае войны резерв передавался в распоряжение имперского правительства. Офицеры резерва назначались губернатором по представлению военного министра доминиона и по пожалованию короля получали временный чин в британской армии. Кроме того, король должен был назначить командующего имперскими канадскими отрядами из числа британских офицеров. Позднее на этот пост предполагалось назначать офицеров только канадского происхождения. Командующий имперскими отрядами доминиона должен был ежегодно проводить смотр войск и направлять отчет главнокомандующему британской армией. Предполагалось, что в мирное время служба на территории доминиона будет финансироваться по канадским ставкам оплаты, а в военное время за пределами Канады будет финансироваться в соответствии с британским армейским законом. В мирное время имперский резерв доминиона должен был организован в батальоны, полки, бригадные дивизии, к которым будет принадлежать во время войны [13, р. 49].

Между тем конституция Великобритании не предусматривала наличие центральной органа, уполномоченного предписывать создание унифицированной военной организации в масштабе всей империи. Поэтому предложения британского командования носили рекомендательный характер. «Мы можем только сделать предложение самоуправляющимся колониям и положиться на доброжелательность и лояльность их министров, чтобы получить плоды от наших предложений» [13, р. 47], заявил в ноябре 1901 г. полковник Ф. Элтхем.

Комитет колониальной обороны¹ достаточно сдержанно отреагировал на эти предложения, видя значительные трудности на пути претворе-

¹ Комитет колониальной обороны был создан в Англии в 1885 г. для обсуждения проблем имперской обороны. Он обладал консультативной функцией и не был наделен исполнительной властью.

ния их в жизнь. Так, затраты на создание и содержание имперского резерва в Канаде были намного больше, чем на аналогичные соединения в Великобритании, из-за разницы в ставках оплаты. Комитет подсчитал, что на содержание канадского резерва из 5 тыс. чел., потребуется немногим больше 1 млн фунтов стерлингов в год, в то время как на содержание аналогичного подразделения в Великобритании только 640 тыс. фунтов стерлингов [5, р. 148]. Кроме того, создание сухопутных резервов потребовало бы разработки аналогичного плана в области морской политики, а также поиска источников финансирования не только на военные, но и на морские цели. Наконец, эксперты комитета допускали, что в случае реального кризиса колониальное правительство не позволит наиболее обученной и подготовленной части милиции покинуть страну, несмотря на любые договоренности и обязательства. Секретарь комитета капитан Натан резюмировал: «Недавний опыт англо-бурской войны показал, что в таких планах нет необходимости. Они взвалили бы дополнительный груз на налогоплательщиков, которые уже и так внесли вклад в содержание Королевского флота, угольных станций, гарнизонов и регулярной армии. Формальные соглашения, вероятно, приведут к спорам; было бы гораздо лучше положиться на лояльность колоний, чем требовать от них отряды в соответствии с соглашением» [5, р. 150]. Таким образом, Комитет колониальной обороны разделял точку зрения, согласно которой обеспечение объединенного воинского резерва всех частей империи должно строиться на основе добровольного сотрудничества самоуправляющихся колоний. Комитет надеялся, что, как и во время англо-бурской войны, колонии сами предложат определенный воинский контингент в случае конфликта с какой-либо европейской державой [5, р. 150].

К 1902 г. обозначились новые факторы, требовавшие немедленной разработки плана участия Канады в имперской обороне. Это стремление к политической интеграции империи через военное сотрудничество и возникновение англо-германской конфронтации, которая могла привести к войне. Не последнее место занимали обстоятельства материального характера. По статистике Канада платила самый низкий среднеду-

шевой военный налог в мире [14, р. 45]. Военные и морские расходы Канады составляли 1/15 часть от аналогичных издержек Соединенного Королевства. Эти факты красноречиво свидетельствовали о равнодушии канадцев к проблемам обороны.

Военную индифферентность доминиона можно было объяснить следующими причинами. Во-первых, в конце XIX в. наблюдался всплеск мировой экономической активности и все внимание канадцев было приковано к достижениям бурно развивающейся отечественной промышленности. Во-вторых, в стране существовала франко-канадская оппозиция любым проявлениям имперской лояльности, в т. ч. и в области обороны. В-третьих, Канада чувствовала себя защищенной британским флотом и доктриной Монро и не видела необходимости взваливать на себя дополнительные грузы имперской обороны.

На конференции 1902 г. британский военный министр С. Бродрик при активной поддержке Дж. Чемберлена вернулся к идее формирования канадского имперского резерва, находящегося под контролем имперского правительства и действующего в любой части мира. Он заявил, что Канада в ближайшее время должна подготовить одну артиллерийскую бригаду и одну бригаду пехоты общей численностью приблизительно 4,5 тыс. чел. Границы полномочий данного контингента за пределами доминиона должны были определить имперское и колониальное правительства совместно. Комитет колониальной обороны в свою очередь обязался оплатить все необходимые расходы на переброску воинских контингентов [19]. Глава военного ведомства заявил, что во время войны, когда имперский резерв будет находиться под контролем британского правительства, услуги каждого канадского солдата будут оплачиваться казначейством по ставке 9 фунтов стерлингов ежегодно [8, р. 59]. В мирное время, когда имперский резерв будет находиться под контролем правительства автономии, последнее должно нести расходы самостоятельно.

Канадский министр милиции Ф. Борден выступил против идеи создания колониального военного резерва для британской армии. Он привел аргумент, что специальная подготовка и снаряжение такого «корпуса элиты» произведут разрушительный эффект на остальную часть ка-

надской милиции. Со своей стороны он предложил реформировать канадскую милицию, чтобы в случае войны она могла усилить имперскую армию добровольными соединениями.

На следующей колониальной конференции 1907 г. новый военный министр Р. Холден представил свою концепцию военной обороны империи. По его замыслу канадская милиция должна была состоять из двух частей. Первая часть могла комплектоваться на добровольной основе и осуществлять защиту территории автономии без обязательств заграничной службы. Вторая часть должна была представлять собой экспедиционную силу, наделенную имперскими обязательствами заграничной службы.

Главная дискуссия состоялась вокруг вопроса организации имперского генерального штаба – органа, призванного наладить интеграцию военных приготовлений всей империи [6, р. 249; 12, р. 18–29; 15, р. 82]. В отчете конференции говорилось, что Имперский генеральный штаб – это «просто совещательная организация, в которой командование не является функцией», и он «должен находиться в распоряжении различных национальных организаций империи» [9, р. 6]. Относительно принципов имперской обороны Р. Холден заметил, что она не должна строиться на ограничениях и планах, которые могут не удовлетворять доминионы [7, р. 44–45].

План предусматривал создание центрального штаба в Лондоне во главе с начальником имперского генерального штаба и местные отделения во всех частях империи. Руководство британского генерального штаба должно было иметь только совещательные полномочия по отношению к местным отделениям, которые находились под контролем соответствующих правительств автономий [18, р. 588]. В доминионе секция имперского генерального штаба обладала также только консультативными полномочиями, в соответствии с которыми могла давать рекомендации местному правительству по военным делам, но не обладала исполнительной властью [17, р. 303].

Р. Холден утверждал, что оборона должна быть организована по общему образцу в соответствии с общей военной доктриной. Именно имперский генеральный штаб должен был сформулировать эту доктрину и придать ей соответствующий характер. Он пояснил, что имперский характер

предполагает не столько участие доминионов во внутренних военных делах метрополии, сколько обучение в общих школах и воспитание по общим принципам военной науки. «Наша великая цель, – говорил Р. Холден, – сделать генеральный штаб имперской школой военной мысли, все члены которой будут пропитаны теми же самыми традициями, приучены смотреть на стратегические проблемы с той же самой точки зрения, и знакомые с принципами и теориями, общепринятыми в штабе» [11, р. 96]. Канадские вооруженные силы не имели «органической связи» с британским аналогом. Такая связь могла быть эффективно налажена посредством обмена штабными офицерами между двумя странами. В целом имперский генеральный штаб должен был представлять собой консультативный орган под контролем британского военного ведомства. Канадские штабные офицеры могли быть членами имперского штаба [11, р. 96–97]. Предложение британских властей означало учреждение имперской армии с общим типом организации, стратегическим планированием, направлением развития военной теории, наконец, общей доктриной войны.

Министр обороны Канады Ф. Борден согласился с идеей организации на территории доминиона местного отделения Имперского генерального штаба, сотрудничающего с центральным управлением через обмен офицерами. Он был уверен в том, что Имперский генеральный штаб будет полезен больше доминиону, чем империи в целом [11, р. 99–100]. Однако он заявил, что идея организации канадских подразделений имперских сил не может рассматриваться без внесения поправок в имперское законодательство. Необходимо предусмотреть пункт о том, что в случае использования канадских воинских контингентов в конфликтах за пределами автономии должен быть созван канадский парламент для того, чтобы рассмотреть каждый конкретный случай в отдельности [11, р. 99].

Выводы конференции в области сухопутной обороны были наивысшей точкой процесса, начатого на предыдущей конференции. Военный министр Р. Холден предложил вниманию делегатов три меморандума, разработанных военным ведомством Великобритании. В них содержалось несколько базовых принципов, в частности при-

знание автономного положения доминиона при обсуждении политики наземной обороны; отказ от идеи организации специальных воинских контингентов из представителей доминиона для постоянной имперской службы; признание необходимости объединения британских и колониальных отрядов в единую имперскую армию в случае войны.

На правительство Канады возлагалось обязательство решить вопрос численности и составе воинских контингентов для совместных действий с британской армией. Принцип стандартизации, будучи следствием политики объединения, был сформулирован для того, чтобы в случае войны вооруженные силы доминиона и метрополии могли быть быстро объединены в «гомогенную имперскую армию». В Канаде предполагалось создать военные школы по образцу английских военных школ в Вульвиче и Сандхерсте. «Я надеюсь, – сказал Р. Холден, – что в результате новой организации рассеются страхи тех, кто боится неприятельского вторжения на Британские острова» [4, p. 230–232].

Канадская делегация согласилась с основными стратегическими установками британского военного ведомства. Был принят принцип объединения британских и канадских отрядов в единую имперскую армию в случае войны при условии, что канадский парламент, созванный в течение 15 дней, признает войну «справедливой». Таким образом, доминион, находясь в составе империи, оставлял за собой право самостоятельно решать вопрос участия в её наземной обороне. По замечанию А. Дьюи, прошли «героические времена империализма, когда можно было мечтать о полном слиянии всех британцев, всех, принадлежащих к англо-саксонскому племени [3, Vol. 1, p. 252]. Министр милиции Ф. Борден заявил, что утвержденный принцип отвечает интересам Канады в том смысле, что в случае нападения на территорию доминиона регулярная британская армия будет обязана прийти на помощь автономии. Признавая принцип стандартизации и условие, что в Канаде на вооружение были приняты винтовки другого образца, Ф. Борден выразил желание, чтобы на территории автономии были организованы заводы по производству боеприпасов, идентичных тем, что были приняты на вооружение в британской армии [2, с. 12–126].

Таким образом, на конференции 1909 г. принцип единства был пожертвован в угоду стремлениям доминиона; принцип интеграции был заменен принципом сотрудничества. А имперская политика в области наземной обороны, утвержденная на конференции, не получила существенных изменений и уточнений вплоть до начала Первой мировой войны.

Более десяти лет длился диалог между Великобританией и Канадой по проблеме имперского военного сотрудничества. Этот диалог показал, что автономия имела большое значение в имперских планах интеграции. Между тем, с точки зрения имперской военной доктрины, этот диалог оказался безрезультатным. Британский стратегический идеал, согласно которому в пределах империи должна была действовать единая имперская армия, до Первой мировой войны не был реализован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) /В.В. Грудзинский. Челябинск : Челябин. гос. ун-т, 1996. 312 с.
2. Лемонон Э. Англия и Германия. Москва; Ленинград : Государственное издательство, 1925. 132 с.
3. Dewey A.G. The Dominion and Diplomacy. The Canadian Contribution. 2 vols. London: Longmans Green and Co, 1929.
4. Documents of Canadian External Relations. Volume 1: 1909 – 1918/ed. by R. Duramel. Ottawa, 1967.
5. Gordon D.C. The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870 – 1914. Baltimore-Maryland: The Johns Hopkins Press, 1965. 315 p.
6. Griffiths P. Empire into Commonwealth. London: Benn, 1969. XI, 392 p.
7. Hancock W.K. Survey of British Commonwealth Affairs. Oxford, 1940. Vol. I. P. 44–45.
8. Jebb R. The Imperial Conference: a History and the Study. London, 1911. Vol. II. P. 59.
9. Keith A.B. War Government of the British Dominions. Oxford : At the Clarendon Press, 1921. 354 p.
10. MacLean G. R. The Imperial Federation Movement in Canada, 1884–1902. Durham, N.C.: Duke University, 1958. 413 p.
11. Minutes of Proceedings of the Colonial Conference, 1907. London : His Majesty's Stationery Office, 1907. 622 p.
12. Paper, Laid before the Colonial Conference, 1907. London : His Majesty's Stationery Office, 1907. IX, 591 p.
13. Papers Relating to a Conference between the Secretary of State for the Colonies and Prime Ministers of the Self-Governing Colonies; June to August, 1902. London : His Majesty's Stationery Office, 1902. 155 p.

14. Penlington N. General Hutton and the Problem of Military Imperialism in Canada, 1898–1900/Imperial Relations in the Age of Laurier. Toronto : University of Toronto Press, 1969. P. 45–60.
15. Politicians and Defense. Studies of Formulation of British Defense Policy, 1845-1970/ed. by I. Beckett and J. Gooch. Manchester : Manchester University Press, 1981. XXII, 202 p.
16. Preston R. A. Canada and Imperial Defense: a Study of the Origins of the British Commonwealth's Defense Organization, 1867–1919. Durham, N.C. : Duke University Press, 1967. 576 p.
17. Stanley F.G. Canada's soldiers. 1604–1954. Toronto : Macmillan Company, 1954. 401 p.
18. The Cambridge History of the British Empire/ed. by E. Benians, J. Butler, C. Carrington. Vol. 3. Cambridge : Cambridge University Press, 1959.
19. The Globe (Toronto), October 24, 1902.

ПОЛЬША В ПОЛИТИКЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ВАШИНГТОНА. 1917–1920 гг.

В статье рассматривается роль вопроса о восстановлении независимости Польши и определения ее границ во внешнеполитической концепции администрации В. Вильсона. Автор прослеживает связь «польского вопроса» с проектом трансформации всей системы международных отношений и «русской политикой» официального Вашингтона.

Ключевые слова: польский вопрос, самоопределение, определение границ, американская администрация.

Poland in Washington policy 1917–1920. EKATERINA S. YURCHENKO (Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk).

The article deals with the issue of re-establishment of independent statehood of Poland in the American policy. The author investigates the connection between new trends in the foreign policy of W. Wilson's government and the development of national self-definition movement in Poland, considering the attitude of USA to the national question crises in the former Russian Empire and the issue of the status of national states.

Key words: polish question, national self-determination, borderline conflict, territorial integrity, American foreign policy.

История российско-польских отношений в двадцатом веке оказалась неразрывно связана со стремлением США утвердиться на мировой арене в качестве лидера. Борьба американского правительства за создание новой системы международных отношений, в которой право наций на самоопределение играло бы ключевую роль, способствовала тому, что именно в политике США польская национальная элита стала искать механизмы реализации концепции возрождения национально государства поляков. Несмотря на это в отечественной историографии отсутствуют обобщающие труды, посвященные позиции руководства США в отношении Польши в период возрождения польской государственности в 1917–1920 гг. Эта тема, как правило, затрагивается либо в связи с историей советско-польских отношений, либо при рассмотрении проблемы урегулирования вопроса о правах на-

циональных меньшинств на Парижской мирной конференции [2, 5, 6, 8, 16]. В работах советского периода США представлены как один из организаторов так называемого третьего похода Антанты [3]. Тем не менее в рамках исследований истории создания польского независимого государства, а также истории германо-польских отношений историки обращали внимание на ведущую роль американской делегации на Парижской мирной конференции при решении «польского вопроса». В орбиту внимания исследователей попали также противоречия в самой американской делегации по территориальным проблемам между экспертами и президентом В. Вильсоном и стремление официального Вашингтона усилить зависимость Польши от Запада посредством воздействия на решение вопроса о защите национальных меньшинств [4, 12]. Однако связь политики Вашингтона в от-

*ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории (Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск). E-mail: y-k22@yandex.ru

© Юрченко Е.С., 2013

ношении Польши с общим изменением вектора американской внешней политики и влияние этого фактора на характер развития российско-американских отношений до сих пор не стала темой специального исследования.

Президенту США В. Вильсону, стремившемуся порвать с изоляционистской традицией, «польская проблема» давала возможность стать посредником при определении геополитической карты Европы. В связи с этим пункт о необходимости восстановления независимого польского государства с выходом к Балтике стал одним из ключевых пунктов американской программы мирного урегулирования в 1916 г. Другим аспектом политики руководства США в «польском вопросе» стал декларируемый В. Вильсоном принцип «одна страна – одна нация», предполагавший установление границ государств по этнографическому принципу. Однако до вступления в Первую мировую войну администрация США не имела эффективных рычагов воздействия на правительства России, Германии и Австро-Венгрии в решении «польского вопроса».

С началом Первой мировой войны развитие польского национально-освободительного движения получило новый импульс. Этому способствовало стремление противоборствующих сторон использовать его для решения военно-стратегических задач. Правительство России, желая предотвратить превращение «Великого княжества Польского» в плацдарм для германского наступления, 14 августа 1914 г. в официальной декларации обещало после войны предоставить Польше автономию. Поляки были разочарованы текстом декларации. Представители польской партии национал-демократов, лидером которой являлся публицист Р. Дмовский, обосновывали идею «инкорпорации» «восточных» земель и превращения Польши в монациональное государство. По мнению Р. Дмовского, в состав Польши должны были войти Восточная Галиция, Волынь и Подолье. Другие украинские земли должны были отойти к России, в которой он видел противовес Германии. Программа социалиста Ю. Пилсудского заключалась в том, что в результате свержения царизма и распада Российской империи предполагалось создать в Восточной Европе Польшу, в состав которой на федеративных началах должны были войти польские, литовские, белорусские и украинские земли [11].

Осенью 1915 г. большая часть российской Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией. Был создан Временный совет Польши, который взял на себя полномочия временного правительства будущего независимого государства. Получив известие о создании совета, В. Вильсон обратился к полякам с посланием, в котором говорилось, что восстановление независимого государства есть единственный способ решения «польского вопроса» [17, р. 139].

Пользуясь благожелательной позицией официального Вашингтона, польские представители в США начали добиваться активного участия руководства Белого дома в решении вопроса о территориальных рамках будущей возрожденной Польши [17, р. 56]. Также лидеры польской эмиграции обращались к администрации В. Вильсона с предложением о создании польской армии под командованием американского генерала [18, р. 104–105]. Однако, готовясь вступить в войну на стороне России, администрация США воздержалась от обсуждения этих тем [17, р. 388].

После Февральской революции 1917 г. в России Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение, которым могла воспользоваться и Польша. Временное правительство провозгласило отказ от политики раздела Польши. Отныне взаимоотношения России и Польши должны были строиться как союз двух равно демократических государств. Границы между Польшей и Россией должны были быть установлены на основании «этнографического принципа, и подлежали утверждению Учредительными собраниями России и Польши, созванными на основании всеобщего прямого, тайного и равного избирательного права» [11, с. 283]. 6 апреля 1917 г. Временный государственный совет Польши заявил, что одобряет декларацию российского Временного правительства, но вопрос об определении линии границы между Польшей и Россией должен стать предметом переговоров [8, с. 15]. В первую очередь это касалось спорных украинских территорий, где реализацию своих национальных интересов польское руководство связывало с развитием украинского национализма [14].

Руководство США полагало, что решение вопроса о статусе Польши необходимо рассматривать как неотъемлемую часть проблемы урегулиро-

вания в Европе с учетом межсоюзных противоречий и после создания надгосударственного регулирующего механизма. Кроме того, прогресс, достигнутый в российско-американских отношениях после того, как США первыми предоставили дипломатическое признание российскому Временному правительству и выделили ему существенные кредиты, позволял вашингтонской администрации надеяться на поддержку Россией ключевых положений американской мирной программы.

В конце апреля 1917 г. советник президента полковник Э. Хауз встретился с министром иностранных дел Великобритании А. Бальфуrom. Он высказался за восстановление большой единой Польши, способной стать буфером между Германией и Россией. Британский министр иностранных дел не поддержал это предложение [17, р. 155–157]. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж полагал, что «лучше было бы, если бы Польша была автономной в составе России, потому что, если будет создана независимая Польша, лежащая между Россией и Центральными державами, Россия будет отрезана от Запада и перестанет быть фактором в западной политике [18, р. 388]. Французское правительство, напротив, считало, что восстановленное польское государство может стать опорой для проведения в жизнь французской внешней политики в Восточной Европе и активно содействовало самоопределению поляков. Во Франции в 1917 г. был создан Польский национальный комитет во главе с Р. Дмовским и И. Падеревским; была сформирована также польская армия с главнокомандующим Ю. Галлером.

Попытки польского регентского совета поддержать развитие украинского сепаратизма не нашли поддержки в Вашингтоне. Соединенные Штаты традиционно руководствовались приоритетностью федерализма в подходе к государственному устройству. Кроме того, у руководителей Украинской центральной рады не было четкой позиции относительно характера реализации национального самоопределения [11]. Рада призвала поддержать Временное правительство. 10 июня она провозгласила автономию Украины, а 3 июля решила перенести ее осуществление до созыва Учредительного собрания. Для администрации Белого дома «украинский вопрос»

в 1917 г. являлся лишь составной частью общей российской политики [7]. Весной-летом 1917 г. развитие центробежных тенденций могло привести к ослаблению России и ликвидации Восточного фронта. Российское Временное правительство, в свою очередь, заявляло, «что украинского вопроса в международно-политическом смысле не существует» и что никакой аналогии с Польшей быть не может [9, с. 406].

После прихода к власти в Петрограде большевиков в ноябре 1917 г. проблема будущего национальных окраин приобрела иное звучание. 2 декабря между новым правительством и странами Четверного союза было подписано перемирие [15]. Вопрос о статусе Польши и ее границах оказался в зависимости от развития центробежных тенденций на территории бывшей Российской империи и хода советско-германских сепаратных переговоров.

Руководство Украинской республики решило воспользоваться Брест-Литовскими переговорами для укрепления своих позиций [1]. В конце декабря 1917 г. консул США в Киеве Д. Дженкинс встретился с представителем Украинского правительства В.В. Шульгиным. В разговоре с Д. Дженкинсом тот заявил, что предпочитает автономию в составе России¹. Консул отметил растущее влияние Польши, подкрепленное большим количеством польских помещиков и наличием на территории Украины польского воинского контингента. Д. Дженкинс считал, что «эпопея с объявлением независимости направлена больше на свержение большевиков, чем на создание независимого государства»².

По требованию делегации Четверного союза 26 декабря 1917 г. представители Украинской народной республики были допущены на переговоры. 24 января 1918 г. Украина объявила о своей независимости и была признана Германией. 9 февраля 1918 г. был подписан мирный договор со странами Четверного союза, по которому Киев получал Холмщину, а Австро-Венгрия брала на себя обязательство подготовить к 31 июля

¹ Consul – Kiev to Embassy – St. Petersburg. December 24. Confidential U.S. Diplomatic Post Records. Part 1. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918 / ed. by Paul Kesaris. – University Publications of America, Inc. 1982. Reel 5.

² Государственный архив Российской Федерации, далее ГАРФ. Ф. 10003. К. 93. Р. 3.

1918 г. проект выделения из состава Галиции ее восточной части, населенной украинцами, и присоединить в качестве коронной земли к Буковине. Лидеры Польши выступили резко против территориальных условий договора с Украиной. В итоге 4 марта 1918 г. Центральная рада заявила польскому Регентскому совету о возможности пересмотра границ в будущем [8, с. 17].

Администрация США, занявшая после ноябрьских событий в России выжидательную позицию, не была готова связать дальнейшие перспективы своей «русской политики» с открытой поддержкой сепаратизма национальных окраин. 8 января 1918 г. В. Вильсон обратился с посланием к Конгрессу США, в котором была сформулирована «программа мира». Президент подтверждал намерение воссоздать независимую Польшу с выходом к Балтике, но не конкретизировал свое видение ее восточных границ. В пункте 6 о России не говорилось о судьбе окраин бывшей империи [13, с.151].

Только к октябрю 1918 г. набиравшая обороты в России Гражданская война, фактическая дезинтеграция страны и провозглашение независимости национальными окраинами, между которыми разгорелись ожесточенные территориально-пограничные конфликты, позволили американской администрации более четко сформулировать свое видение развития ситуации. В октябре 1918 г. аналитической группой при президенте был разработан комментарий к «14 пунктам». Он предусматривал признание мирной конференцией де-факто правительств, возникших по периметру границ бывшей империи. Однако закрепление за Польшей спорных территорий могло повлиять на решение вопроса о судьбе малых народов на мирной конференции. В связи с этим президент В. Вильсон был сдержан в своих высказываниях по поводу будущих границ Польши и других национальных государств: «Вопрос о границах затрагивает интересы очень многих народов, и мы не должны торопиться принимать французскую точку зрения» [12, с. 615].

Вопрос о международно-правовом статусе Польши и определении ее границ вызвал серьезные противоречия между союзниками, поскольку от его решения зависела конфигурация границ новых национальных государств в Восточной

и Центральной Европе, а также решение «русского вопроса». Франция поощряла стремление Польши к территориальному расширению за счет России, намереваясь создать буфер между Россией и Германией. Великобритания, напротив, стремилась ограничить претензии Польши, не допустив тем самым усиления позиций Франции и чрезмерного ослабления Германии. Позиции британской и американской делегаций по польскому вопросу во многом совпадали. Однако администрация США ставила перед собой более масштабную задачу признания союзниками выдвинутых В. Вильсоном принципов послевоенного переустройства, без которых окончательное решение «польского вопроса» было недопустимо.

Ставший главой польского государства в ноябре 1918 г. Ю. Пилсудский провозгласил создание независимой Польши. По его мнению, Польше предстояло стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию [8, с. 20]. Объединение центров возрождения польской государственности в лице Польского национального комитета во главе с Р. Дмовским и правительства Ю. Пилсудского позволило укрепить позиции польской делегации в Париже. 16 января 1919 г. было создано правительство, которое возглавил И. Падевский, бывший еще недавно представителем комитета в Соединенных Штатах Америки.

30 января 1919 г. правительство Польши первым из всех национальных правительств, возникших по периметру границ бывшей Российской империи, получило дипломатическое признание со стороны США. Этот шаг должен был положить начало закреплению права наций на самоопределение в системе международных отношений и стать отправной точкой при определении границ новых государств в Европе. Однако польская делегация, приглашенная на конференцию, озвучила требование о том, чтобы территория страны вернулась к границам, существовавшим в период до разделов.

Свои требования правительство Польши подкрепило активизацией военных действий на Востоке, стараясь де-факто закрепить за собой как можно больше территорий. 5 февраля 1919 г. под давлением Франции было подписано германопольское соглашение об эвакуации германских войск из Литвы и Белоруссии и их замене поль-

скими войсками. Из Франции в Польшу начали перебрасываться войска Ю. Галлера, которые развернули наступательные действия в Восточной Галиции против украинских войск. Как указывал в своем донесении 11 апреля 1919 г. президенту В. Вильсону американский представитель при миссии государств Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан, «Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше» [8, с. 21].

И. Падеревский, возглавивший польскую делегацию в Париже, в мае 1919 г. выступил перед участниками конференции при голосовании о восточных границах Польши. Он объяснил военные действия польского командования на востоке беззаконием, чинимым украинской армией: «Посему наша польская экспедиция в восточную Галицию является не войной, а карательной экспедицией против бандитов, чьё угнетение польского и русинского населения должно предстать пред лицом закона, и на этой польской с незапамятных времен территории должен воцариться порядок» [8, с. 25]. Американский президент считал, что действия поляков свидетельствуют о попытках французских военных возродить старый план по созданию санитарного кордона против большевиков. Премьер министр Франции Дж. Клемансо вынужден был пообещать провести расследование [19, р. 531].

Консолидация антибольшевистского движения под эгидой Омского правительства, стремившегося к воссозданию российского государства в границах старой империи, поставила в зависимость решение вопроса о границах Польши от исхода Гражданской войны. Представители антибольшевистских сил согласны были на восстановление «этнографической Польши»; а ее территориальные претензии на Востоке считали необоснованными и подрывающими целостность российского государства [7, с. 44–47]. Переговоры между представителями антибольшевистских сил и Польши по вопросу об установлении гра-

ниц окончились безрезультатно. В этой ситуации Польша заключила договор с С. Петлюрой, возглавившим Украинскую Народную Республику.

Будучи незаинтересованным в восстановлении России в довоенных границах, руководство США настояло на необходимости признания со стороны антибольшевистских сил независимости Польши в качестве залога продолжения помощи со стороны союзников. 4 июня 1919 г. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак признал независимость Польши, но подчеркнул, что её границы будут определены только новым Учредительным собранием. Однако в стане Белого движения не было единства мнений относительно судьбы национальных окраин. В условиях военных поражений летом–осенью 1919 г. часть лидеров сочла, что взаимодействие с правительствами национальных государств стало единственным способом переломить ход войны.

В начале октября 1919 г. глава омского МИД Д.С. Сазонов сообщил российскому послу в Вашингтоне, что члены Русского политического совещания, взявшего на себя роль дипломатического представительства небольшевистских правительств на конференции, Б.В. Савинков и Н.В. Чайковский, заручились согласием Ю. Пилсудского на совместные действия. Было достигнуто соглашение о том, что в Литве и Белоруссии после освобождения от большевиков будет проведен плебисцит по вопросу о будущем этих территорий и интересы России будет представлять «широкий фронт политических и общественных имен». Ю. Пилсудский отказывался от претензий на Подолию и Волынь и соглашался привлечь к совместным действиям эстонцев и латышей, если Омское правительство признает их в качестве де-факто правительств³.

Российский посол во Франции В.А. Маклаков поддержал предложение Б.В. Савинкова, посчитав, что лучше договориться с поляками, чем ждать, когда поляки сами захватят интересующие их территории [10, с. 183–194]. Лидер кадетской партии В.А. Маклаков полагал, что нежелание антибольшевистских правительств пойти на уступки Польше в конце концов подтолкнут последнюю к войне с Россией. Надежду «разрешить задачу русской гражданской войны путем военной силы нерусского происхождения» по-

³ ГАРФ. Ф. 10003. К. 93. Р. 1.

сол в США Б.А. Бахметев посчитал эфемерной: «...Право же, лучше соглашение поляков и инородцев с большевиками, чем активное действие санитарного кордона, аффилированного с союзниками с вознаграждением различных соседей и национальностей за счет российского тела» [10, с. 171–180].

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия этнографического преобладания польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге (линия Керзона). Относительно оккупированных Польшей земель на Востоке в декларации не было сказано ни слова. Д.С. Сазонов призвал Б.А. Бахметева усилить воздействие на американское правительство с целью не допустить реализации в жизнь этого плана. Он настаивал на том, что попытка расширения Польши за счет России приведет к российско-германскому сближению. Неизбежные последствия этого решения, В.А. Маклаков сформулировал в письме своему другу и коллеге послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву: «...Эта схема ставит в самой острой форме альтернативный вопрос, с кем мы: с Польшей против Германии или с Германией против Польши» [10, с. 201.].

Согласившись на определение границ Польши по линии Керзона, В. Вильсон добился реализации в отношении Польши договора о защите национальных меньшинств. По этому договору допускалось международное вмешательство во внутренние дела Польши и разрешалось направлять жалобы меньшинств, вошедших в состав польского государства в Лигу Наций. Столкнувшись с серьезным давлением со стороны стран – членов Совета Четырех Польша вынуждена была подписать 28 июня 1919 г. Малый версальский трактат об охране прав национальных меньшинств.

В условиях наступления Красной армии на Украине 21 апреля 1920 г. польское правительство подписало с Украинской Директорией соглашение, признав ее правительством независимой Украины. В обмен на это Директория соглашалась на присоединение к Польше Восточной Галиции, Западной Волыни и части Полесья. 25 апреля польские войска начали наступление и 6 мая овладели Киевом. За действиями поль-

ского правительства американский президент усмотрел намерение европейских держав реализовать свои геополитические амбиции. Он призвал союзников придерживаться принципа территориальной целостности России и отказаться от поощрения польских захватов, в противном случае они будут втянуты в конфликт Польши с Советской Россией.

11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон направил наркому иностранных дел Советской России Г. Чичерину ноту с предложением начать мирные переговоры и установить границу по этнографической линии проживания польского и непольских народов. Однако руководство Советской России приняло решение о продолжении войны.

10 августа 1920 г. в ответ на запрос итальянского посла относительно русско-польского вопроса американская администрация подготовила ноту, в которой подчеркивала свое намерение поддерживать независимость и целостность Польши. Однако руководство США оговаривало, что не примет участия в плане, имеющем целью переход от переговоров о перемирии к общей Европейской конвенции. Поскольку такая конвенция повлечет за собой «признание большевистского режима и почти неизбежное решение русского вопроса на основе расчленения России»⁴.

В конце 1920 г. в Риге начались советско-польские переговоры о мире. Достигнув значительного военного преимущества, Польша, тем не менее, не могла далее поддерживать Украинскую республику и ограничилась включением в состав польского государства Западной Белоруссии и Западной Украины. Выражая свое видение ситуации, сложившейся с вопросом о самоопределении национальных государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи в конце 1920 г., в беседе с председателем Лиги Наций П. Гимансом В. Вильсон заявил: «...Новые национальности, которые были частью России, сражаются, потому что не доверяют большевикам и опасаются новой агрессии. Советы же утверждают, что они не проводят демобилизацию, потому что опасаются нового нападения». Разорвать этот замкнутый круг, по мнению В. Вильсона, можно было бы только всеобщим соглашением о неприменении

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. К. 94. Р. 9.

силы. Президент заявил, что мира можно будет достичь только публичным и торжественным соглашением между великими державами не пользоваться сложившимися в России условиями и не нарушать территориальную целостность России, не предпринимать вторжений в Россию и не позволять другим это делать [20, р. 236].

Американская администрация последовательно поддерживала стремление поляков к национальному самоопределению, от провозглашения необходимости восстановления независимой Польши в ходе Первой мировой войны до признания ее независимости на Парижской мирной конференции. Вместе с тем для В. Вильсона «польский вопрос» был одним из этапов создания новой конфигурации послевоенной системы международных отношений. Необходимость утвердить базовые принципы вильсонизма в качестве отправной точки создания надгосударственного регулирующего механизма привела к попыткам ограничить территориальные претензии Польши и связать проблему границ польского государства с вопросом о праве других народов бывших империй на самоопределение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко Д.Я. Украинский фактор Брест-Литовского соглашения // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания и подписания послевоенных соглашений): материалы междунар. науч. конф. 11–12 ноября 2008 г. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. С. 106–109.
2. Гущин А. В. Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг. : дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 2003. 187 с.
3. Зуев Ф. Г. Международный империализм - организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919 - 1920 гг.). М. : Издательство политической литературы, 1954. 233 с.
4. Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.). Геополитический аспект. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2005. 240 с.
5. Клейменова Н.Е. Польский вопрос во внешней политике России в первой мировой войне август 1914 - октябрь 1917 гг.: автореф. дисс.... канд. ист. наук / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М., 1996. 21 с.
6. Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России: война с белополяками. М. : АСТ, 2002. 734 с.
7. Листиков С.В. В. Вильсон и русское политическое совещание на Парижской мирной конференции // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания и подписания послевоенных соглашений): материалы междунар. науч. конф. 11–12 ноября 2008 г. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. С. 44–47.
8. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. URL: <http://wsgy.narod.ru> (дата обращения 17. 09. 2010).
9. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. : в 2-х кн. Кн. 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. М. : Международные отношения, 1993. 520 с.
10. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 568 с.
11. Украинская государственность в XX веке (Историко-политологический анализ) / под. ред. А. Дергачева. Киев, 1996. URL: <http://litopys.org.ua/ukrxkr/zmist.htm> (дата обращения 12.03.2010).
12. Фоглесонг С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 гг. // Первая мировая война: Пролог XX века. М. : Наука, 1998. С. 602–626.
13. Хауз Э. Архив полковника Хауза. Дневники и переписка с президентом В. Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1917: в 4 т. Т. 3. Пер. с англ. / ред. Ч. Сеймур. М. : Соцэргиз, 1944. 320 с.
14. Чернышев В.В. Украинский сепаратизм. Страницы истории. URL: <http://russian.kiev.ua/archives1> (дата обращения 29.10.2010).
15. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от «революционного западничества» к «национал-большевизму». СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. 360 с.
16. Широкоград А.Б. Польша. Непримириное соседство. М. : Вече, 2008. 460 с.
17. The Papers of Woodrow Wilson: Vol. 41. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey : Princeton univ. press., 1983. 582 p.
18. The papers of Woodrow Wilson: vol. 42. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey : Princeton univ. press., 1983. 595 p.
19. The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey : Princeton univ. press., 1989. 744 p.
20. The papers of Woodrow Wilson: vol.67. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey : Princeton univ. press., 1992. 648 p.

